

КІЕВЛЯНИНЪ

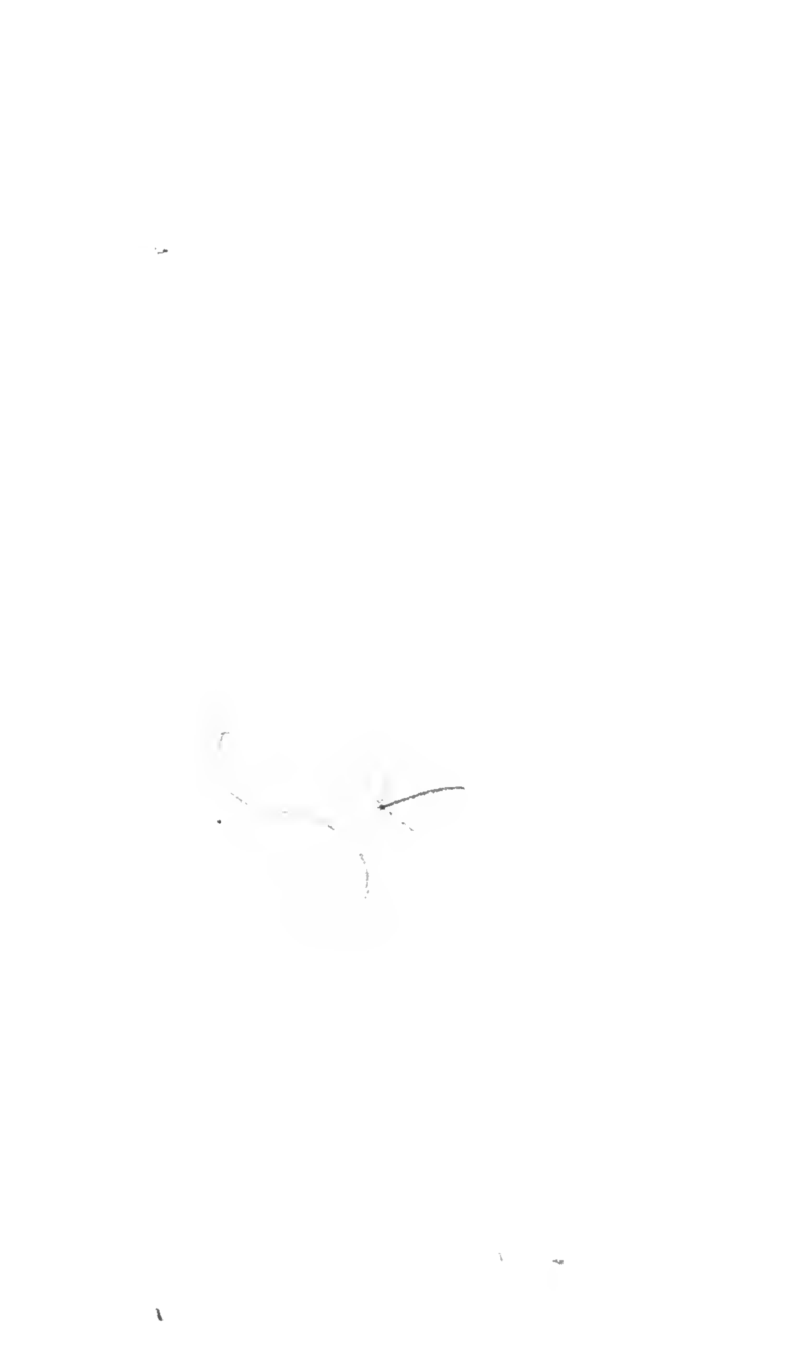
НА 1841 ГОДЪ.

КІЕВЛЯНИНЪ

на 1841 годъ.

Университетъ Св. Владиміра.

КІЕВЛЯНИНЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

„Да вѣдаютъ потомки Православныхъ
Земли родной минувшую судьбу!

Пушкинъ.

ИЗДАЛЪ

МИХАИЛЪ МАКСИМОВИЧЪ.

КІЕВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ, Марта 20 1841 года.

Цензоръ Александръ Ѳедотовъ-Чеховскій.

ВЫДУБИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Когда приближаетесь къ Кіеву съ лѣвой стороны Днѣпра, и передъ вами во всей красѣ своей представнетъ святая Печерская Лавра,— верстахъ въ двухъ отъ нея, внизъ по теченію Днѣпра, вы увидите небольшой монастырь, полусокрытый въ глубинѣ горнаго удолья. Этотъ монастырь называется *Выдубицкимъ;* имъ оканчивается величественная панорама, которая образуется длиннымъ рядомъ живописныхъ возвышеній и удолій, служащихъ подножіемъ первопрестольному городу Россіи.

Между окрестностями Кіевскими, Выдубицкій монастырь составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ, по древности своей, по красотѣ своего положенія, и по тѣмъ прекраснымъ видамъ, которыя отсюда представляются.

Дорога сюда изъ Кіева идетъ съ нагорной стороны, мимо Звѣринецкихъ укрѣпленій, заложенныхъ въ 1810 году. Не спускаясь еще въ самый монастырь, можно, поворотивъ направо, пройти на возвышеніе, которое поднялось надъ монастыремъ съ полуденной его стороны, и которое по своей ровной вершинѣ особенно благопріятно для прогулки. Длинный, ровный хребетъ

сего возвышенія, круто спускаясь съ обоихъ боковъ своихъ, оканчивается еще большею крутизною надъ Днѣпромъ. Дерева и кустарники, растущіе на семъ мѣстѣ, заслонили собою Кіевъ и все что простирается отсюда на сѣверъ. За то, какой-то особенный просторъ душѣ даетъ это мѣсто, когда отдыхая на немъ, заглядишься на гряду возвышеній, идущихъ на полдень, и на широкое подъ ними раздолье, по которому течетъ многоразливный Днѣпръ, далеко уносящій за собою ваши мысли. Особенно хорошо здѣсь весною, когда Днѣпровскія волны разольются какъ синее море, и полуденный вѣтеръ отъ нихъ навѣваетъ такую животворную свѣжесть, что и давно отжитая старина какъ будто молодѣетъ въ вашей памяти. Живописное возвышеніе это безъ сомнѣнія есть тотъ *холмъ надъ Выдобичами*, на которомъ во второй половинѣ 11-го вѣка былъ *Красный дворъ* Великаго Князя Всеволода; и я предложилъ бы всѣмъ, посѣщающимъ этотъ холмъ, называть его *холмомъ Всеволодовымъ*, въ память любимаго Ярославова сына, питавшаго особенную любовь къ этимъ мѣстамъ.

Другой холмъ, находящійся съ лѣвой или сѣверной стороны монастыря, принадлежитъ къ ряду Звѣринецкихъ возвышеній, идущихъ отсюда къ Кіеву вверхъ по Днѣпру. На нихъ

разбросано село *Звѣринецъ,* съ древнихъ временъ принадлежавшее монастырю Выдубицкому, и своимъ названіемъ показывающее, чѣмъ заняты были нѣкогда эти мѣста. Сѣверная часть этихъ возвышеній, отдѣляемая отъ Печерской горы Неводницкимъ потокомъ, называлась изстари *Неводичами.* [1]

Упомянутые два холма надъ Выдубицкимъ монастыремъ, расходясь другъ отъ друга, оставляютъ между собою глубокое удолье, спускающееся къ Днѣпру двумя уступами. На верхнемъ уступѣ находится монастырскій садъ. Нижній уступъ составляетъ собою четвероугольную долину, которая съ восточной стороны оканчивается надъ Днѣпромъ крутымъ обрывомъ, и на которой расположенъ монастырь. Обставленный такимъ образомъ съ трехъ сторонъ горами, и открытый только къ востоку, сей монастырь представляетъ собою такой мирный и затишный пріютъ жизни, что кажется и самимъ костямъ труженика здѣсь покойнѣе лежать, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ; потому и кладбище, находящееся въ этой обители, имѣетъ привлекательность необыкновенную.

Съ этимъ характеромъ Выдубицкой обители согласуется и небогатое обстроеніе оной деревяннымъ жильемъ, и простая досчатая ограда ея. Каменныхъ зданій тамъ четыре: церковь

Архистратига Михаила, стоящая почти на краю обрыва и относящаяся (по крайней мѣрѣ своимъ основаніемъ) къ 11-му вѣку; церковь Георгія Побѣдоносца, находящаяся среди монастыря и построеніемъ своимъ принадлежащая къ концу 17-го вѣка; современная сей церкви небольшая трапеза съ церковью Преображенія Господня; колокольня, находящаяся при въѣздѣ въ монастырь съ нагорной или западной стороны,—рядомъ съ настоятельскимъ домомъ.

Упомянуть должно еще о небольшой деревянной бесѣдкѣ, которая сдѣлана въ лѣвомъ углѣ ограды и своимъ ветхимъ балкономъ, можно сказать, повисла надъ самымъ Днѣпромъ. Бесѣдка эта весьма любима посѣтителями, по прекрасному виду изъ нея на Днѣпръ, на его заливы, пески и луга, и на темный боръ Заднѣпровскій. Этотъ видъ не такъ обширенъ, какъ тотъ, что представляется съ полуденнаго холма; но онъ не менѣе привлекателенъ своею опредѣленною полнотою, которая производитъ въ душѣ отрадно-успокоительное сосредоточеніе и наводитъ невольную задумчивость. Здѣсь, при видѣ Днѣпра, черезъ который въ древнее время была переправа противъ самаго монастыря, воспоминаются живо событія, совершавшіяся нѣкогда въ этихъ мѣстахъ. Здѣсь же всего лучше припоминается исторія и самой обители.—

Первымъ началомъ Выдубицкаго монастыря полагается небольшая церковь св. Архистратига Михаила, поставленная нашимъ первымъ, святымъ Митрополитомъ. Такимъ образомъ эта церковь была современна первоначальной церкви Михайловскаго Золотоверхаго монастыря, сходствуя съ нею и самымъ поводомъ къ построенію, т. е. вторичнымъ низверженіемъ въ Днѣпръ кумира, *выдыбавшаго* или выплывавшаго въ семъ мѣстѣ, отчего оно и получило названіе *Выдобичей* или *Выдубичей* [2]. Преданіе о такомъ началѣ монастыря и названіи мѣста, многіе принимаютъ за баснословіе. Но мы не считаемъ себя вправѣ отрицать это преданіе, потому только, что оно записано не въ древней лѣтописи, а въ Кіевскомъ Синопсисѣ,—между тѣмъ, какъ въ самомъ преданіи нѣтъ ничего несбыточнаго. Почему-бы напримѣръ деревянной кумиръ Перунъ не могъ вынырнуть изъ Днѣпра верстахъ въ пяти отъ Стараго Кіева, если онъ, по преданію записанному Несторомъ, плылъ до самыхъ пороговъ, и уже въ Запорожьи выброшенъ вѣтромъ на пески; [3] и почему поклонники сего кумира, видя его плывущаго Днѣпромъ, не могли взывать къ нему: «выдыбай, нашъ господарю боже! выдыбай!»

Каково-бы впрочемъ ни было происхожденіе Выдубичей и первое начало монастыря; но изъ

лѣтописи Несторовой видно, что каменная церковь св. Михаила въ Выдубичахъ заложена была въ 1069 году Всеволодомъ Ярославичемъ и освящена въ 1088 году Митрополитомъ Іоанномъ Добрымъ, который въ слѣдующемъ году освящалъ Великую Печерскую церковь; а изъ того, что монастырь Выдубицкій именовался *Всеволожимъ*, можно заключать, что устроеніе онаго принадлежало сему Князю.

Первое разореніе монастырь сей потерпѣлъ въ 1096 году отъ Половецкаго Хана Боняка, который 20 Іюня набѣжалъ на Выдубичи, зажегъ Красный дворъ и монастырь, а потомъ ворвался и въ обитель Печерскую. Кіевская лѣтопись замѣчаетъ, что чрезъ 111 лѣтъ отъ созданія каменной церкви въ Выдубичахъ, не было на Кіевскомъ престолѣ ни одного Князя, который наслѣдовалъ бы любовь Всеволодову къ сему мѣсту. Несмотря на то, монастырь Всеволодовъ былъ на значительной степени, ибо его игумены поступали прямо на знатнѣйшія Епархіи. [4] Изъ числа сихъ игуменовъ, особеннаго воспоминанія заслуживаетъ *Сильвестръ*, бывшій здѣсь по 1119-й годъ: послѣ преподобнаго Нестора, онъ едвали не первый изъ нашихъ иноковъ писалъ—«своего ради отечества Рускія земли».

Въ 1198-мъ году Великій Князь Рюрикъ-Василій украсилъ монастырь Выдубицкій по-

строеніемъ каменной стѣны подъ церковью св. Михаила у Днѣпра. Эта стѣна удивляла современниковъ: «о ней же (говоритъ Кіевская лѣтопись) мнози недерзнуша помыслити отъ древнихъ, али но дѣлу ятися». Заложена она была 10 Іюля, а окончена Сентября 24, — и въ тотъ же день Князь Рюрикъ, имѣя *любовь несытну о зданіяхъ,* пріѣхалъ съ семьею своею въ монастырь, «и постави кутью у св. Михаила, и створи пиръ немалъ».—*Художникомъ* стѣны этой былъ Рускій зодчій, тотъ самый тысяцкій Милонѣгъ-Петръ, который въ Новѣгородѣ соорудилъ церковь св. Вознесенія. Теперь нѣтъ уже и слѣда этой замѣчательной стѣны: вѣроятно она разрушена еще Татарами, которые не жалѣли труда и рукъ, сокрушая и ниспровергая огромнѣйшія твердыни, безъ помощи огня и пороха. Подробнымъ повѣствованіемъ объ этой стѣнѣ прекращается Кіевская Лѣтопись; и послѣ того, только одинъ разъ уже упоминается Выдубицкій монастырь въ Рускомъ лѣтописаньи,—именно въ 1250-мъ году, при сказаніи о путешествіи Даніила Романовича Галицкаго на поклонъ къ Батыю. «Пришедъ въ домъ Архистратига Михаила, рекомый Выдобичь, и созва калугеры *(т. е. монаховъ)*, да сотворятъ молитву о немъ. . . . изыде изъ монастыря въ лодьи.» Изъ этихъ словъ видно, что

обитель Выдубицкая, прежде других монастырей Кіевских начала опять свое бытіе, послѣ роковаго нашествія на Кіев в 1240 году.—К сожалѣнію, и всѣ грамоты древних Руских Князей и другія записи Выдубицкаго монастыря, какія были до 16-го вѣка, к нам не дошли: [5] они—«згинули в тот час, коли Кіев и монастир тот был от непріятеля Крижа светого покилько крот збурен.» Так сказано в привилегіи Жигимонта Августа, данной монастырю сему 1541 г. 5 Марта. Потому о судьбѣ Выдубицкой обители до исхода 16-го вѣка скажем только вообще, что хотя она и терпѣла нѣсколько раз опустошеніе от набѣгов Татарских; однако продолжала свое существованіе, владѣя значительными угодьями, еще от древних Руских Князей данными.

С послѣдних годов 16-го вѣка по 1636 год, Выдубицким монастырем владѣли Уніаты, и в нем особенно сосредоточена была их власть над Кіевом; ибо Уніатскіе Выдубицкіе игумены большею частію были в тоже время и *Софійскими* или *Кіевскими Намѣстниками* Уніатскаго Митрополита.

Посвященіе Іова Борецкаго в Митрополиты Кіевскіе, в 1620 году, подало повод к сильнѣйшим гоненіям на Православіе. Папскіе

приверженцы видѣли, что съ возобновленіемъ православной Митрополіи Кіевской подрывается ихъ недавняя власть въ Западной Руси,— и своими дѣйствіями до того ожесточили народъ, что жители Витебска убили Уніатскаго Епископа Іосафата Кунцевича; а Запорожскіе Козаки напали на Выдубицкій монастырь и утопили въ Днѣпрѣ Антонія Грековича, бывшаго здѣсь игуменомъ, а потомъ генеральнымъ Намѣстникомъ Уніатскаго Митрополита Вельямина Рутскаго.

Тяжкая распря, произведенная Уніей, длилась очень долго; однако съ 1632 года, когда Владиславъ избранъ въ Короли, а Петръ Могила сталъ Митрополитомъ, православная Митрополія Кіевская начала рѣшительно возвращать свои давнія права. По конституціи 1632 года 1-го Ноября, утвержденной Королемъ и Сеймомъ, Митрополиту Вельямину Рутскому предоставлено было въ Кіевѣ только владѣніе Выдубицкимъ монастыремъ да вотчинами Софійскаго монастыря. и то только по его смерть. Онъ скончался 1637 года, назначивъ еще при жизни въ преемники себѣ своего Коадъютора Рафаила Корсака. Этотъ новый Уніатскій Митрополитъ хотѣлъ было удержать за собою вотчины Кіевской Митрополіи и Выдубицкій монастырь; однако Петръ Могила не

допустилъ его къ тому; а Запорожскіе Козаки преслѣдовали его съ своей стороны, такъ, что онъ бѣжалъ 1639 года въ Римъ, гдѣ и скончался.

Такимъ образомъ Выдубицкій монастырь, послѣ сороколѣтняго обладанія Уніатами, возвратился наконецъ къ православной Митрополіи, но разоренный и опустошенный. [6] Кажется, что во время онаго обладанія произошелъ здѣсь и тотъ обвалъ береговой земли, отъ котораго повредился фундаментъ Михайловской церкви, и алтарная часть ея обрушилась въ Днѣпръ. Преданіе объ этомъ сохранилось въ монастырѣ; а очевидными свидѣтелями сего разрушенія остаются и по-нынѣ выдавшіеся надъ обрывомъ большіе дикіе камни, изъ которыхъ сложенъ церковный фундаментъ.

Возобновленіе Михайловской церкви [7] и монастыря сего принадлежитъ тому незабвенному Іерарху, коего попеченіемъ и другіе древніе храмы Кіевскіе возникли изъ вѣковыхъ развалинъ. Между церковными утварями Выдубицкаго монастыря хранятся и нынѣ: большой серебряный крестъ съ подножіемъ, на которомъ слѣдующая надпись: «въ лѣто 1642, Мая 27 дня, сей крестъ сооруженъ бысть повелѣніемъ Преосвященнаго Кіевскаго Петра Могилы, и данный въ монастырь святаго Архи-

стратига Михаила Выдубицкаго Кіевскаго;» — Евангеліе Львовской печати 1636 года въ малый листъ, съ надписью: «сіе Евангеліе оковано повелѣніемъ Преосвященнаго Кіевскаго Петра Могилы;» — а на одномъ Служебникѣ, хранящемся въ здѣшней библіотекѣ (печатанномъ въ 1629 году) находится слѣдующая собственноручная надпись: «Сей Служебникъ въ славу и честь Господа Бога въ Троицѣ святѣй славимаго, и во оставленіе грѣховъ и въ память себѣ и родителемъ своимъ, далъ есть въ храмъ святаго Архистратига Михаила чудесе въ монастырь Выдубицкій Кіевскій Преосвященный Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій Галицкій и всея Россіи, Архимандритъ Печерскій, строитель же, ктиторъ и отновитель того же святаго монастыря Выдубицкого, по конечномъ запустѣніи и раздрушеніи его отъ отступникъ реченныхъ Унитовъ: да никто же убо отъ сего святаго храма и монастыря дерзнетъ отьяти, отдалити или себѣ присвоити его, подъ вѣчною и николиже ни отъ кого же разрѣшимою клятвою и анаѳемою святыхъ и богоносныхъ отецъ и того же Архіерея проклятствомъ, въ лѣто 1636 мѣсяця Ноеврія 23 дня. Петръ Могила Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій рукою власною.»

Обновляя Выдубицкій монастырь, Петръ Мо-

гила предназначалъ его для своего Коадъютора, котораго однако не было; а въ послѣдствіи монастырь Выдубицкій сдѣлался неподвластнымъ Митрополиту Кіевскому, такъ, что Царскою грамотою 1688 года, Митрополиту Гедеону-Святополку [8] дозволено было только имѣть свои кельи въ Выдубицкомъ монастырѣ, для пріѣзда и отдохновенія. Уже въ 1691 году, при Митрополитѣ Варлаамѣ Ясинскомъ, Выдубицкій монастырь, наравнѣ съ другими, возвращенъ подъ вѣдомство Кіевской Митрополіи.

Въ 1696 году Полковникъ Стародубскаго полка Михайло Миклашевскій, по набожному усердію, которымъ одушевлялось тогда Дворянство и Козачество Малороссійское, построилъ своимъ коштомъ въ этомъ монастырѣ каменную церковь во имя *св. Георгія Побѣдоносца* и каменную трапезу съ церковью *св. Преображенія Господня*.

О построеніи новой церкви, въ Выдубицкомъ помянникѣ, на особомъ листѣ, написано слѣдующее извѣстіе: «Новая церковь *святаго Великомученика Георгія* [9] основанна бѣ въ Выдубицкомъ монастиру року отъ Рождества Христова 1596 Іюня 11, а совершися каменнымъ зданіемъ 1701 Іюля 15, коштомъ благороднаго Михаила Миклашевского, Полковника Стародубовского; а въ самомъ основаніи бяше, благословляя мѣсто,

самъ великій Архіерей и премудрый Митрополитъ православный Кіевскій Варлаамъ Ясинскій, нбо самъ святительскими си руками, начиная основаніе, и землю копаше, и мощи четырехъ святыхъ: Михаила Епископа Синадскаго, Іоанна Златоустаго, Великомученика Георгія и Великомученицы Варвары, самъ во основаніи во олтарную стѣну положи, и каменемъ привали, и вапномъ замаза. Тогожъ 1701 року Октоврія 9 и освящена есть тымъ же всесвященнѣйшимъ Архипастиромъ. Бяше же сопособствуя во освященіи Архимандритъ Печерскій Іосафъ Кроковскій. И самъ той же Михаилъ Христолюбивый ктиторъ со женою своею Анною бѣ при посвященіи, воздая благодареніе Богу за освященное дѣло; сотвори же и учрежденіе въ той день, и всей братіи милостыню даде. А егда освящаху святый престолъ, въложиша въ онь мощи: Василіа Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Великомученика Георгія, Великомученицы Варвары и святаго преподобнаго мученика Никона Сухого Печерского; ихъ же молитвами и заступленми святаго Архистратига Михаила да помянетъ Господь Богъ ктитора, Архіерея и Ігумена на тотъ часъ бывшаго Іеромонаха Варлаама во царствіи си: аминь.»

Передъ мѣстною иконою св. Георгія находится ковчегъ, устроенный въ видѣ гробницы,

съ частицами мощей Великомученицы Варвары, Іоанна Дамаскина и другихъ святыхъ и частію крови Великомученика Георгія.

Въ трапезной Спаской церкви останавливаетъ на себѣ вниманіе иконостасъ, представляющій родословное древо, среди вѣтвей котораго изображены ветхозавѣтные Праотцы Іисуса Христа по плоти въ положеніи возлежащихъ; а посреди ихъ, надъ царскими вратами, Пресвятая Дѣва съ Предвѣчнымъ Младенцемъ.

Въ трапезѣ на стѣнѣ уцѣлѣлъ еще лѣпной гербъ Миклашевскаго; а въ залѣ настоятельскаго дома хранится большой старинный портретъ сего Козацкаго Полковника, извѣстнаго въ исторіи своими храбрыми подвигами и нелюбовью къ нему Гетмана Мазепы. [10]

Новый храмовой праздникъ въ Выдубичахъ былъ поводомъ къ народному гулянью, которое и теперь собирается здѣсь ежегодно въ Егорьевъ день. Но гулянья Кіевскія вообще не имѣютъ уже ни народнаго характера, ни даже простаго веселья народнаго. Тѣмъ менѣе стоитъ вниманія гулянье Выдубицкое въ Егорьевъ день: оно только смущаетъ собою мирное уединеніе монастыря, особливо въ часъ вечерней молитвы. Тогда и Всеволодовъ холмъ, покрытый разнобоярщиною Кіевскаго народа и оглашаемый звуками Нѣмецкихъ шарманокъ,

невольно напоминаетъ собою Лысую гору. Одно только гулянье прилично мѣсту сей обители и имѣетъ здѣсь смыслъ народный: это поминаніе своихъ родичей на ихъ могилахъ, бывающее послѣ Свѣтлой недѣли.—

Кромѣ упомянутыхъ нами трехъ церквей, въ Выдубицкомъ монастырѣ есть еще *церковь св. Благовѣщенія* въ верхнемъ ярусѣ надъ церковью Михайловскою. Она возобновлена 1766 года, по благословительной грамотѣ Митрополита Арсенія Могилянскаго, въ коей названа она *старинною* церковью. Вѣроятно въ это время перенесенъ въ нее иконостасъ изъ церкви *преподобнаго Даніила,* которая находилась во второмъ ярусѣ Выдубицкой колокольни, гдѣ нынѣ лежитъ монастырскій архивъ; въ Благовѣщенской же церкви помѣщаются ризница и библіотека монастырская.—

Изъ остальной исторіи Выдубицкаго монастыря замѣчательнѣе другихъ слѣдующія два событія: въ памятный для Рускихъ монастырей 1786-й годъ, указомъ 10 Апрѣля Выдубицкій монастырь положенъ въ третьемъ классѣ и опредѣлено ему быть больницею для прочихъ монастырей Кіевскихъ; а 18 Декабря 1797 года положено, чтобы Выдубицкими настоятелями были Архимандриты. Въ слѣдствіе того, сей монастырь и нынѣ принадлежитъ къ числу

третьеклассныхъ и управляется Архимандритами; но больничное его назначеніе давно уже прекратилось.

1840 г.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.—Начиная отъ *Неводницкаго* или *Неводничаго* потока, Выдубицкому монастырю издревле принадлежалъ весь правый берегъ Днѣпра до самой Лыбеди, отъ устья коей былъ прежде поромный перевозъ черезъ Днѣпръ, принадлежавшій сему же монастырю. Нагорная граница Выдубицкой земли (по ограниченью, сдѣланному 1567 г. отъ Князя Острожскаго) шла отъ вершины Неводницкаго потока черезъ озеро Неводницкое, находящееся въ долинѣ сего же имени; отсюда на гору черезъ *борочокъ* (котораго въ второй половинѣ прошлаго вѣка уже не было); а потомъ черезъ *Перепеличь-долину* и *Трипольскій гостинецъ* (дорогу)—до Лыбеди.—Горная оконечность надъ лѣвымъ берегомъ Лыбеди называлась горою *Бусовицею.*

2.—*Выдубичами* называлось вообще все удолье, въ которомъ находится монастырь; а въ 17-мъ вѣкѣ

и Звѣринецкое сельцо надъ монастыремъ, называемое нынѣ Звѣринецкою слободою. Тамъ въ 1587 г. было подданыхъ 8 дымовъ; 1638 г. считалось 10; а 1647 г. было ихъ тамъ уже 42. Вотъ двѣ квитанціи въ полученіи подымнаго. 1) «Федоръ Сущанскій Проскура писаръ земскій и поборца Воеводства Кіевского вѣдомо чиню тымъ моимъ квитомъ, ижъ мнѣ отдалъ двое подимное на сеймѣ валномъ Варшавскомъ, въ року теразнѣйшомъ 1638 ухваленое, ясне велебній его милость Отецъ Петръ Могила Воеводичъ земель Молдавскихъ Архиепископъ Митрополита Кіевскій, Галицкій и всея Руси, зъ маетности до монастира светого Михайла Видубицкого належачихъ ведлугъ юраменту чрезъ подданые выконаного: въ селѣ Осокоркахъ не зостало жадного подданого, тилко самъ атаманъ; а при самомъ монастирѣ димовъ десятъ; въ селѣ Свиноедахъ съ димовъ пяти; зъ кождого диму по золотому; сумми золотыхъ 16. Зъ чого я его милость квитуючи, даю тотъ мой квитъ за подписомъ руки моей и притисненемъ печати. Писанъ въ Кіевѣ, дня 9 Августа року 1638.»—2) «Александеръ Ленкевычъ Иногорскій подвоеводій и поборца Воеводства Кіевского вѣдомо чиню тимъ моимъ квитомъ, ижъ мнѣ велебній его милость отецъ Ігнатій Оксеновычъ Старушичъ Ігуменъ Видубыцкій отдалъ подимное двое на сеймѣ шестонеделнимъ Варшавскимъ близко прешлихъ ухваленыхъ, а на сеймику Житомѣрскомъ принятіе, зъ

добръ до монастіра Видубыцкого належачихъ: зъ села Видубычъ зъ димовъ четирядесятъ двохъ, зъ села Осокорковъ зъ димовъ седмнайцять, зъ села Свиноедовъ зъ димовъ тринайцять; зъ кождого диму по золотому едному, всего сумою золотихъ седмъ десятъ два за рокъ теразнѣйшій 1647. Зъ чого его милостъ квѣтую. Въ Кіевѣ дня осмнадцатого мѣсяця Февруарія року 1647.»— По реестру пожитковъ монастырскихъ, составленному 1593 г., значится, что въ то время съ этаго «нагорнаго села» приходило монастырю въ годъ: «куницы грошевой зъ городовъ зъ садками, зъ кождого по грошъ 12, зо всѣхъ чинитъ полтори копи и шестъ грошей.» Подъ реестромъ подписано было: «И се я Калистъ Ігуменъ на тотъ часъ Видубицкій, вывѣдавшися о всемъ томъ, списалъ есми на реестръ сесь для вѣдомости о томъ и потомнымъ людемъ по мнѣ тамъ будучимъ, и далъ есми сесь реестръ списаній власною рукою моею до ризницы его м. митрополіей Новгородской. Року 1594, мѣсяця Марта 13 дня.»

3.—У Нестора сказано: «и пройде сквозѣ пороги, изверже и вѣтръ на рѣнѣ, и оттолѣ прослу *Перуняна рѣнь,* яко же и до сего дне словеть». Слово *рѣнь* изъясняли различно: Гизель въ Кіевск. Синопс. переводилъ оное *горою,* Карамзинъ—*мысомъ* и т. д. Но это слово, понынѣ употребительное въ Галицкомъ нарѣчіи Южноруского язы-

ка, означаетъ *песокъ*. И такъ названіе *Перуняна рѣнь* всего справедливѣе можетъ быть переводимо—*Еруновы пески*. При этомъ можно вспомнить *рѣнь-пески* Саратовскіе.

4.—Такъ напр. игуменъ *Сильвестръ* 1-го Генваря 1119 г. посвященъ во Епископа Переяславскаго; игуменъ *Андріанъ* въ 1190 году поставленъ Епископомъ Бѣлгородскимъ.

5.—Въ привилегіи Жигимонта I-го, 1505 г. 5 Іюня, подтверждающей Выдубицкому монастырю владѣніе Звѣринцемъ, упоминаются привилегіи Владислава и Казиміра, существовавшія еще въ то время; но и онѣ затрачены. Древнѣйшій изъ дошедшихъ къ намъ актовъ Выдубицкаго монастыря есть грамота Митрополита Іосифа Салтана, 1504 года, которая напечатана ниже, на стр. 28-й.—Къ древнимъ владѣніямъ монастыря Выдубицкаго, кромѣ упомянутыхъ въ 1 и 2 примѣчаніи, принадлежали еще *Багриново*, на правомъ берегу Днѣпра, за Лыбедью; а на лѣвой сторонѣ Днѣпра, противъ самаго монастыря, село *Осокорки* съ богатыми при немъ угодьями для рыбной ловли.

6.—Въ *Синопсисѣ*, напечатанномъ на Польскомъ языкѣ въ Вильнѣ 1632 г., и того же года поданномъ Владиславу IV, сказано, что Выдубицкій монастырь *ограбленъ* владѣвшими имъ Уніа-

тами. Изъ этого однако не должно заключать, чтобы монастырь Выдубицкій въ богатомъ состояніи достался Уніатамъ: за нѣсколько лѣтъ еще до ихъ водворенія въ немъ, онъ приведенъ былъ въ большую бѣдность начавшимся тогда безурядьемъ, предвозвѣстившимъ Унію. Это особенно видно изъ *квита*, представленнаго Кіевскому суду вознымъ Григоріемъ Чижевичемъ, который въ 1587 году вводилъ во владѣніе Выдубицкимъ монастыремъ нѣкоего Захарія Философовича.

6.—Къ дальнѣйшему обновленію сей церкви принадлежитъ слѣдующее извѣстіе, написанное на книгѣ Благовѣстникъ, находящейся въ здѣшней библіотекѣ: «поставися крестъ на церкви святого «Архистратига Божія въ монастыру Выдубицкомъ, Боголюбивымъ Епископомъ року 1555, «при игуменѣ того монастыра Клементію Старушичу. Нынѣ же паки обновися отъ ветхости «недостойнымъ рабомъ Божіимъ Іеродіакономъ «Самуиломъ Евдокимовичемъ, стараніемъ и коштомъ его, року 1693 мѣсяца Септеврія 3.»

8.—Въ завѣщаніи Кіевскаго Митрополита Гедеона-Святополка Князя Четвертенскаго, 1690 года, на Выдубицкій и другіе монастыри Кіевскіе мужескіе отписано по 200 золотыхъ на сорокоусты *цьлорочные*, т. е. годовые.

9.—Въ подлинникѣ поставлено: «Новая церковь

святого Архистратига Михаила;» но это очевидная описка.

10.—О томъ, какъ поступалъ Мазепа съ Миклашевскимъ, см. въ Исторіи Конискаго; а здѣсь, по поводу имени его, предлагаемъ нѣсколько постороннихъ замѣчаній.—Въ Выдубицкомъ помянникѣ, въ началѣ *поминанія инокинь* написанъ «родъ честнои инокинѣ Магдалины . . . . игуменіи монастира паненского Печерского.» Фамильное имя сей игуменіи и схимницы Маріи Магдалины затерто чернилами; но оно видно изъ слѣдующаго письма ея.—«Року 1701, Марта 17 дня. Извѣстно твору, ижъ будучи игуменіею монастира Печерского дѣвического, умыслила и взяла намѣреніе, абы построена была церковъ мурованая въ предреченной той святой обители Вознесенія Христова на небеса; до которого святобливого дѣла просиламъ ихъ милости отцевъ монастира Видубицкого, абы позволили на грунтѣ своемъ на Лыбедѣ цегелнѣ ставити на уготоване цегли; рѣчъ слушную уваживши, его милость отецъ Варлаамъ Страховскій Ігуменъ монастира Видубицкого зъ отцами и братіею и свои цегелнѣ готовіе для поспѣху позволили; тіе цегельнѣ по зготованью матеріи на церковъ вышъ реченную повинны будемъ благодарнѣ монастиревѣ Видубицкому отдати, и отци тоей святой обители яко своимъ власнимъ кгрунтомъ владѣти мають. Извѣстно, ижъ ради

певности на семъ писаніи при печати монастирской руку подписаламъ. Дѣялося въ монастиру Печерскомъ дѣвическомъ Вознесенія Христова; року мисеца и дня вышей написанного. Марія Магдалена Мазепиная игуменія Печерская Дѣвического и Глуховского.»—Отсюда видно, почему фамильное имя сей игуменіи затерто въ помянникѣ: это была мать Гетмана Мазепы. Можетъ быть ей-же принадлежитъ собственноручная подпись: «Марина Мазепина подчашина Черниговска»—вписанная около 1666 года въ каталогъ Луцкаго Братства. Въ такомъ разѣ опредѣлилось бы, что Гетмановъ отецъ Степанъ Мазепа былъ подчашимъ Черниговскимъ.—Нѣкоторые думаютъ, что преданное анаѳемѣ имя преступнаго Гетмана обратилось въ бранное слово; но это напрасно: нарицательное имя *мазепа* (отъ слова *мазать*) употреблялось гораздо прежде, какъ бранчивое слово, соотвѣтствующее Великорускому слову *харя* или *рожа*, и едва ли не занятое изъ языка Польскаго. Печатное доказательство тому находится въ изданной 1644 г. въ Кіевѣ на Польскомъ языкѣ книгѣ *Литосъ*, написанной весьма умно и рѣзко въ обличеніе Кассіана Саковича, который перешелъ въ Унію, а потомъ сдѣлался католикомъ. Тамъ, на стран. 124, сей отступникъ отъ Православія названъ «*объеретичалымъ мазепою.*»

О МОНАСТЫРѢ ГНИЛЕЦКОМЪ.

Со времени открытія древней Θеодосіевой пещеры возлѣ селенія Лѣсниковъ, [1] мѣста сіи по справедливости обратили на себя вниманіе и получили значительность историческую. Потому каждая подробность, относящаяся къ исторіи этихъ мѣстъ, конечно будетъ любопытна для читателей Кіевлянина.—

Еще въ Описаніи Кіевопечерской Лавры (1832 г.) упомянуто, что Θеодосіева пещера находилась близь Лѣсниковъ, гдѣ былъ монастырь Глинецкій. Шагахъ во ста отъ той пещеры дѣйствительно найдены въ землѣ остатки церковнаго каменнаго зданія: окрестные жители называютъ это мѣсто *церковищемъ,* и говорятъ по преданію, что здѣсь когда-то былъ монастырь. На семъ преданіи и вышеприведенномъ упоминаніи о монастырѣ, основалось въ прошломъ году предположеніе, что это церковище есть остатокъ *Глинецкаго,* или правильнѣе *Гнилецкаго* монастыря.

1.—См. извѣстіе о сей пещерѣ, помѣщенное въ 1 книгѣ Кіевлянина.

Кромѣ сего ничего не было извѣстно у насъ объ этой обители, которая, по столь близкому положенію своему возлѣ пещеры Θеодосіевой, безъ сомнѣнія имѣла ближайшее къ ней отношеніе, какое имѣютъ къ двумъ Лаврскимъ пещерамъ находящіеся при нихъ два небольшіе монастыря.

Въ нынѣшнемъ году, разсматривая актовыя книги Выдубицкаго монастыря, встрѣтилъ я въ нихъ нѣсколько выраженій о Гнилецкомъ монастырѣ и множество подробностей объ окрестности его, составлявшей нѣкогда его достояніе. Такимъ образомъ представилась возможность вызвать изъ забвенія еще одну ² обитель Рускихъ иноковъ, хотя краткимъ объ ней извѣстіемъ.—

Первое упоминаніе о монастырѣ Гнилецкомъ встрѣчается въ грамотѣ Митрополита Іосифа Салтана 1504 г. 5 Іюня, которую приведемъ здѣсь вполнѣ.

Милостію Божію и Пречистой его Матери Мы Іосифъ Архиепископъ Митрополитъ Кіевскій и Галицкій и всея Руси. Билъ намъ чоломъ тотъ богомолецъ нашъ честній Ігуменъ святого Архистратига Михаила монастира Видубицкого въ

2.—См. краткое извѣстіе о Пересопницкомъ монастырѣ, помѣщенное тамъ же на стр. 238 и слѣд.

Кіевѣ отецъ Іякимей и просилъ насъ тоей землици на имя Гнилецъ, гдѣжъ издавна былъ монастиръ, штожъ державъ небожчикъ Микула Панькевичь слуга нашъ Софейскій тую землицу съ поданья предковъ нашихъ и насъ самихъ ку своей руцѣ мѣлъ съ нашоей воли; а потомъ какъ тотъ Микула съ того свѣта преставился и по собѣ отродича ни одного немѣлъ дѣтей, и билъ намъ чоломъ тотъ Ігуменъ Якимей абыхмо мы тую землицу ему дали, ино передъ тимъ писали до насъ панъ Андрѣй Немировичъ воевода Кіевскій и тежъ Архимандритъ Печерскій Пречистое Богоматери отецъ Антоній, такъже просячи насъ за тимъ Ігуменомъ Іякимомъ ототъ монастиръ Гнилецъ абыхмо ему дали, и тежъ повѣдилъ намъ намѣстникъ нашъ Менскій панъ Василій Шишка, которій же передъ тимъ былъ тамъ въ Кіевѣ отъ насъ врядникомъ, штожъ дей съ тое земли монастира Гнилецкого никоторое служби и подачокъ намъ нетъ, а и шкоди тежъ никотороей намъ нетъ двору нашому церковному митропольему; и мы въбачивши тое и поразумѣвши, ижъ намъ никоторое послуги съ тое земли нетъ, и тежъ на прозбу и жаданье пана воеводи его милости, и тежъ на прозбу отца Антонія Архимандрита Печерского, и на повѣданьи намѣстника нашого Менского Василя Шишки, и на прозбу и чоломъ битье Ігумена Іякима, тотъ монастиръ Гнилецъ со всимъ съ тимъ какъся передъ тимъ издавна мѣлъ, дали есмо тому Ігумену Іякиму и монастиру святого

Архангела Михаила Видубицкого до нашое воли, маетъ онъ тую землицу Гнилецъ держати со всимъ такъ какъся въ собѣ издавна маетъ, и на то дали есмо тому Ігумену Іакиму сей нашъ листъ зъ нашею печатью. Писанъ въ Менску Іюн. 5 ден. Индик. 5, въ лет. 1504. [3]

Изъ выраженій этой грамоты видно, что еще задолго до 16-го вѣка монастыря Гнилецкаго уже не было; слѣдственно его существованіе принадлежало времени болѣе отдаленному. Какому же именно?.... Для рѣшенія сего и другихъ вопросовъ, относительно монастыря, представляются намъ еще немногія подробности объ немъ, въ выписяхъ изъ городскихъ книгъ Воеводства Кіевскаго, первой четверти 17-го вѣка. Въ одной изъ этихъ выписей (1616 г. 11 Октября) сказано: «урочище названое Гнилечщизна; на которомъ местцу и урочищу былъ монастиръ заложеня Светое Пречистое названый Гнилецкій, здавна до Митрополіи Кіевское и до Ігуменства Выдубыцкого належачій и прислухаючій, которіе отъ велю лѣтъ черезъ непріятеля Крижа светого будучи опустошоній и сплюндрованій, ажъ до того часу пусто стоитъ,

3.—Изъ сей и нижеслѣдующей грамоты Михаила Рагозы видно, что Митрополиты Кіевскіе имѣли своихъ намѣстниковъ и свое пребываніе не только въ Новгородкѣ Литовскомъ, Вильнѣ и Луцкѣ, но также и въ Минскѣ.

котораго и на тотъ часъ руины муровіе суть ясними и вѣдомими знаками». Этимъ ограничиваются всѣ извѣстія о монастырѣ Гнилецкомъ.

Изъ нихъ мы узнаемъ: что этотъ монастырь былъ построенъ *во имя Пречистой Богоматери;*—что въ этомъ монастырѣ была каменная церковь, коея развалины оставались въ 17-мъ вѣкѣ;—что онъ былъ разоренъ непріятелями св. Креста, слѣдственно Татарами, и съ той поры остался въ запустѣніи.

Основываясь на этихъ извѣстіяхъ, я думаю, что монастырь Гнилецкій былъ построенъ и существовалъ еще въ древнее время, и что надъ его запустѣлою развалиною, коея остатокъ называется теперь церковищемъ, протекло уже шесть вѣковъ. Ибо если онъ разоренъ Татарами, то это всего скорѣе могли они произвести въ первое свое нашествіе на Кіевскую землю. Но если бы даже предположить, что они произвели это опустошеніе въ одинъ изъ послѣдующихъ набѣговъ своихъ на Кіевъ, бывавшихъ до начала или даже до конца 15 вѣка; то развалина Пречистенской церкви монастыря все остается вѣрнымъ свидѣтельствомъ его древности и ручательствомъ, что онъ построенъ былъ еще до нашествія Батыева. Послѣ Батыя, въ продолженіе двухъ вѣковъ, не таково было положеніе Кіевской страны, чтобы въ ново-

начинающейся уединенной обители воздвигать каменную церковь, когда и въ самомъ Кіевѣ древніе храмы его оставались въ развалинахъ,— когда и Печерская Лавра до исхода 15-го вѣка совершала свое богослуженіе въ небольшомъ придѣлѣ, уцѣлѣвшемъ отъ Великой ея церкви. Справедливѣе будетъ предположить, что послѣ нашествія Батыева, уединенная пещера Ѳеодосіева послужила убѣжищемъ для иноковъ разоренной обители Гнилецкой и даже, можетъ быть, Лаврской; и что въ тѣ времена пещера сія была распространена до настоящей величины своей. Что касается до времени, въ которое начался монастырь Гнилецкій, то это могло быть въ 12-мъ и даже въ концѣ 11-го вѣка,—и вѣроятно, что основателями его близь пещеры Ѳеодосіевой были Печеряне, желавшіе устроить новую обитель во имя Пречистой Богоматери въ томъ мѣстѣ, которое освящено было молитвеннымъ пребываніемъ и трудомъ великаго ихъ *Начальника*. Къ этой мысли приводитъ насъ въ особенности храмовое сходство обители Гнилецкой съ Печерскою.

Въ такомъ предположеніи, на Гнилецкое церковище и на опустѣлую близь него пещеру можно смотрѣть, какъ на остатки одной, нѣкогда живой отросли Печерскаго монастыря, насажденной самимъ преподобнымъ Ѳеодосіемъ

и потомъ возращенной его ученикамп.—

По запустѣніи монастыря, Гнилецкая земля его (съ принадлежащими къ ней урочищами Куликовымъ, Калиновщиною и Калнымъ лугомъ, всего пространствомъ на милю вокругъ) причислена была къ владѣніямъ Митрополита Кіевскаго. Съ 1504 года этою землею сталъ владѣть Выдубицкій монастырь, по вышеприведенной грамотѣ Митрополита Іосифа. Въ половинѣ 16-го вѣка урядникъ или намѣстникъ Софійскій Іосифъ Прокоповичь отобралъ было всю Гнилеччину отъ монастыря Выдубицкаго; но въ 1564 году Софійскій намѣстникъ Ѳедоръ Тиша возвратилъ ее въ прежнее обладаніе, [1] что утверждено въ томъ же году и грамотою Митрополита Сильвестра Бѣлкевича. [2] При Митрополитѣ Михаилѣ Рагозѣ, Гнилецкая земля опять присоединена была къ имѣніямъ Намѣстничества Софійскаго, и въ 1590-мъ году грамотою сего Митрополита [3] дано обывателю Кіевскому и земянину Софійскому Ефиму Олешевичу Гнилецкую землю «на службѣ конной боярской держати» и пользоваться ею, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими землями церковными.

Вскорѣ отступничество Рагозы произвело великія смуты въ землѣ Кіевской, и между тѣмъ какъ православныя церкви и ихъ достояніе насильственно забираемы были подъ Унію, мно-

гими церковными землями завладѣвали и обыватели свѣтскіе.

Такъ въ самомъ началѣ 17-го вѣка княгиня Анна Корецкая, урожденная Ходкевичева (супруга Ефима Богушевича князя Корецкаго, воеводича Волынскаго), владѣвшая тогда мѣстечкомъ Лѣсниками, присвоила себѣ всю Гнилеччину. За это въ 1602 году вступился Выдубицкій игуменъ и Кіевскій намѣстникъ Ипатія Поцея Якубъ Крушинскій, и началъ тяжбу съ княгинею Корецкою. Тяжбу эту продолжали и последующіе игумены Выдубицкіе, а потомъ и самъ Митрополитъ Вельяминъ Рутскій. Но княгиня Корецкая, не смотря на всѣ декреты и выѣзды Кіевскаго суда, и на строгіе декреты трибунальскіе, въ продолженіе 25-ти лѣтъ, до самой смерти своей, не допускала Уніатовъ пользоваться Гнилецкими добрами, среди коихъ во мракѣ неизвѣстности скрывалась уединенная пещера Ѳеодосія. [4]

[4].— Надо думать, что сія пещера оставалась въ неизвѣстности до половины прошлаго столѣтія; ибо до этого времени, не смотря на множество бумагъ, относящихся къ Гнилеччинѣ, нѣтъ въ нихъ никакого упоминанія о пещерѣ. Тѣмъ важнѣе находящееся въ Печерскомъ Патерикѣ указаніе, что уединенная *Ѳеодосіева* пещера была въ Лѣсникахъ: это указаніе вѣроятно основано на какомъ нибудь письменномъ извѣстіи или же преданіи Лаврскомъ изъ времени болѣе отдаленнаго.

Что касается до названія оной *Антоніевыми пещерами*, подъ которымъ слыветъ она у окрестныхъ жителей, то это

Какъ трудно было тогда справляться Кіевскому суду съ княгинею Корецкою, можно видѣть изъ слѣдующей *выписи съ книгъ кгродскихъ Воеводства Кіевского, лѣта Божого нарожения 1623, мѣсяца Іюля 21 дня.*

«На вряде Его К. М. кгродскомъ Кіевскомъ передо мною Яномъ Липлянскимъ наместникомъ Кіевскимъ ставши очевисто шляхетніе Андріянъ Ляховскій, а Бартошъ Шумовскій, возніе енерадове Воеводства Кіевского, чинили оповеданье и жалосне протестовалисе на вельможную ее м. княжну Анну Ходкевичовну Яхимовую Корецкую, ото ижъ княжна ее милость Корецкая, зневажаючи право посполитое и вини въ немъ описаніе, обезпеченстве судовымъ особливе обварованое, кгдисьми были урядовие везваны на справу судовую отъ шляхетного пана Александра Брохоцкого, на тотъ часъ понаместника Метрополіе Кіевское, ато на одобранье кгрунтовъ селища Гнилецкого, Куликова и Калного лугу, декретами суду головного трибуналского его милости отцу Іосифови Веніяминови Руцкому, Архіепископови Метрополитови Кіевскому, Галицкому и всее Руси, и капитули его милости присужоныхъ,

названіе придумано уже позднѣйшими Лаврянами около половины прошлаго столѣтія, какъ то видѣть можно изъ магистратской выписи, данной въ Выдубицкой монастырь 1768 года, 31 Октября.

где кгди насъ на напомененіе кгрунти зъ шляхтою при насъ будучою очекиваючи ихъ м. пановъ судовыхъ кгродскихъ Кіевскихъ на поданье тыхъ кгрунтовъ декретомъ суду головного трибуналского депутованыхъ, и чекалисмо тамъ одъ ранку ажъ до нешпорное годинн, где насъ тамъ его м. панъ Лукашъ Витовскій подчашій и судья, его м. панъ Павелъ Реховскій писаръ, урядникове судовіе кгродскіе Кіевскіе, на поданье тыхъ кгрунтовъ зъѣхавши застали, нижли одъ княжни ее м. никого не было до поданья тыхъ кгрунтовъ, и такъ ихъ м. отъехали ничого несправивши, а мы которые есмо съ попаместникомъ чекали нешпорной годинн, теди вияхавши зъ миста Лесникъ килка десять коней зъ оружемъ войне належачимъ, тамъ же на насъ нападши обычаемъ неприятелскимъ, окрикомъ, гукомъ, кинувшеся на насъ и на шляхту при насъ будучую, такъже и на подданыхъ митрополихъ, которыхъ зъ нами было килка десять, хотели бить, забіять, ижъ ледво есмо утекли до болота, а зъ болота до лесовъ, и такъ есмо ледво живи зостали одъ страху; а хотечи отое зкгвалченье безпеченства судового, и свой ексцессъ, що все болотами ледво одътопали, изъ месца судового зогнаны правне чинить, просили, абы тая ихъ протестація до книгъ урядовыхъ кгродскихъ Кіевскихъ была принята и записана; котороежъ то оповеданье менованыхъ возныхъ до книгъ есть записано, съ

которыхъ и сесь выписъ подъ печатью моею есть виданъ. Писанъ у Кіеве.

Не ранѣе какъ въ 40-хъ годахъ того столѣтія, въ митрополитство Петра Могилы, Выдубицкій монастырь вступилъ по прежнему въ обладаніе землею Гнилецкою. Лѣсницкіе жители, по старой привычкѣ, продолжали еще пользоваться своевольно добрами монастырскими; но въ отвращеніе сего данъ былъ 1654 года слѣдующій универсалъ отъ Гетмана Богдана Хмельницкаго Полковнику Кіевскому.

Богданъ Хмелницкій Гетманъ, зъ войскомъ Его Царского Величества Запорозкимъ.—Пане Полковнику Кіевскій! Дойшла насъ скарга одъ велебнаго въ Боаѣ господина отца Клементія Старушича Ігумена монастира Видубицкого, на атамана Лесницкого и Ходосовского и всѣхъ обывателей тамошныхъ, же тамъ въ Калиновщизне, Калнимъ лугу, Гнилецчипане, и въ озерѣ Глушцу, отъ давныхъ часовъ до монастира Выдубицкого належачихъ, свововлеиствомъ вабужены, ни когосе необавляючи, великіе шкоди чинятъ, и оніе чинячи церквѣ Божой кгвалтъ частимъ ловленьемъ рибъ въ пѣвечъ оборочаютъ. Пилно теди е. милости жадаемъ и сурово напоминаемъ, абисте того пилне постерѣгали и ничимъ неуводячись свововолниковъ тихъ сурово безъ фолги карали,

якобы найменшая кривда и перешкода такъ въ маетностяхъ яко и въ озерахъ до монастира Видубицкого належачихъ недѣялосе, иначей нечинячи, такъ якобы насъ болшъ о томъ скарга недоходила: бо вѣдай певне, ежелибысь таковымъ свовольникомъ фолговалъ, самъ зъ ними посполу караньа нашего неуйдешъ. Въ Чигирине Мая 25 року 1654.

Послѣдующіе Гетманы [4] также утверждали за Выдубицкимъ монастыремъ обладаніе Гнилецкою землею; а Петръ Дорошенко сверхъ того, особымъ универсаломъ 1670 года, [5] придалъ къ сему монастырскому владѣнію и село Лѣсники, въ которомъ прежде жила княгиня Анна Корецкая и имѣла тамъ свой *замочокъ*.

Выдубицкій монастырь владѣлъ Гнилецкою землею до 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія; а потомъ, съ учрежденіемъ монастырскихъ штатовъ, она принадлежала казенному вѣдомству, изъ коего, въ 1833-мъ году съ Высочайшаго разрѣшенія, обращена въ собственность Кіево-братскаго Училищнаго монастыря, которому принадлежитъ и въ настоящее время.

Въ 1835 году, стараніемъ бывшаго тогда Ректора Академіи и настоятеля Братскаго монастыря, приведена въ общую извѣстность и доступное для посѣтителей устройство находящаяся здѣсь пещера Θеодосіева, —раскрыто каменное

основаніе Пречистенской церкви Гнилецкаго монастыря; а надъ колодцемъ, издавна находящемся возлѣ пещеры, поставлена часовня. Съ тѣхъ поръ эти мѣста посѣщаются людьми уже не съ видами житейской корысти, но съ помыслами христіанской набожности и благочестиваго любознанія.

1840 г.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

Листъ Софійскаго намѣстника Ѳедора Тиши, 1564 г.

Я Ѳедоръ Тиша намѣсникъ Софейскій въ Кіевѣ его милости государя моего Митрополита Кіевского Киръ Силвестра ознаймую тимъ листомъ моимъ, ижъ которую землицю на имя Гнилецъ, где здавна бывалъ монастиръ, отнялъ былъ отъ святого Михаила Видубицкого въ Ігумена першого Дениса врядникъ першій Софейскій его милости Митрополита панъ Іосифъ Прокоповичъ, то пакъ теперешній Ігуменъ святого Михаила Видубицкого Ѳеофилъ показивалъ предо

мною два листи першого Митрополита его милости небожчика Іосифа, въ которихъ пишетъ, ижъ тую землицю прозиваемую Гнилецъ, где передъ тимъ монастиръ бывалъ, придалъ на той монастиръ святого Михаила Видубицкого бывшому еще Ігумену небожчику Якимію, якожде и по томъ небожчику Якимію и иншіи Ігумени святого Михаила тую землицу Гнилецъ држивали супокойне къ тому монастиру Видубицкому, и за то просилъ мене теперешній Ігуменъ святого Михаила Видубицкого Өеофилъ абыхъ ему той землици Гнилца, где первей сего монастиръ бывалъ, поступилъ до воли и ласки Митрополита его милости. Я для прозби его то вчинилъ и тую землицю Гнилецъ до воли и ласки его милости государя моего милостивого Митрополита его милости, ему есми поступилъ, и на то далъ есми ему сесь мой листъ подъ моею печатью. Писанъ въ Кіевѣ подъ лѣт. Бож. нарож. 1564. мѣсяца Априля 26 дня.

(М. П.)

2.

Грамота Кіевскаго Митрополита Сильвестра Бѣлкевича, 1564 г.

Милостю Божю и Пречистое Его Матери мы Селивестръ Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій

и Галицкій и всея Руси чиним явно сим нашим листом нынешним и напотом будучим, штож которую землю на имя Гнилецъ придали предкове наши Митрополити ихъ милости къ манастиру святого Архангела Михаила Видубицкого въ Кіеве и держана была тая земля немалый часъ къ тому святому манастиру: то пакъ безъ воли и ведомости нашое отнялъ былъ тую землю отъ того манастира нашого Видубицкого намесникъ нашъ Софейскій Еско Прокоповичъ. А такъ теперешнего часу билъ намъ чоломъ Ігуменъ святого Михаила манастира Видубицкого инокъ Ѳеофилъ со всею еже о Христе братіею того честного монастира, обыхмо тую землю Гнилецъ за ся привернули къ тому святому монастиру. Мы зъ ласки нашое тое вчинили, тую землю Гнилецъ со всимъ на все какъ ся тая земля зъ давнихъ часовъ со всѣми пожитки въ собе маетъ придаемъ къ тому святому манастиру Видубицкому вѣчными часи водлугъ листовъ предковъ нашихъ, и маетъ тая земля держана быти въ манастиру святого Михаила Видубицкого, и на то даемъ Ігуменомъ Видубицкимъ сесь нашъ листъ зъ нашею печатью. Писанъ въ Нове городку. Лет. Божог. нарож. 1564. мѣсяца Іюля 2 дня.

(М. П.)

Волею Божію Селивестръ Архиепископъ Митрополитъ Кіевскій Галицкій и всея Руси.

Мартинъ Писаръ.

3.

Грамота Кіевскаго Митрополита Михаила Рагозы, 1590 г.

Волею Божью Архиепископъ Михайло Митрополитъ Кіевскій Галицкій и всея Руси. Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ нынѣ и напотомъ будучимъ ихъ милости Митрополитомъ, хто бы зъ ихъ милости въ сесь нашъ листъ углепути хотелъ, ижъ билъ намъ чоломъ слуга нашъ, а земенинъ и обыватель Воеводства Кіевского наместнивства нашого Софейского на имя Евхимъ Олешевичъ, абыхмо ему землю именья наместнивства Софейского называемые Праведницкую, то есть Милковщину и селищо Химоновское надъ рекою Борщовкою, къ тому нивы коло валу и дворище Хилимоновское, а особливе Гнилецъ, которую тую всю землю помененую перъвей сего держалъ земенинъ нашъ Софейской Андрей Залецкій съ тимъ всѣмъ якъся тые земли здавна въ собѣ маютъ, на службе боярской конной ему дали, и то все листомъ нашимъ потвердили, за которимъ писалъ до насъ наместникъ нашъ Софейскій панъ Остафей Радовецкій причиняючися о томъ до насъ. А такъ мы бачечи того Евхима Олешевича чоловѣка доброго и на всемъ обычайного и до служобъ нашихъ годного, за причиною того наместника нашого Софейского

и иншихъ слугъ нашихъ, тые земли селища и дворища вышей помененные, а особливе Гнилецъ зъ озеромъ Глушцемъ и зъ Калнымъ лугомъ и зъ закотою на Ветѣ, съ перевесемъ и съ пасеками зъ садомъ, зъ селищомъ Куликовскимъ, такъже и зъ сѣножатми и зо всѣмъ тымъ, якося тые земли сами въ собѣ въ границахъ и въ положеню своемъ маютъ и яко тежъ Андрей Залескій на себе держалъ, ему то на службе конной есмо дали, и симъ листомъ нашимъ даемъ. Маетъ тотъ Евхимъ самъ, жона и дѣти его, тые вси земли, пивы, селища, дворища и Гнилецъ на службс конной боярской держати и того всего въживати, и кождую повинность съ того буде онъ повиненъ виполняти и службу земскую боярскую заступовати потому, яко иная шляхта тамошная выполняютъ послушенство и всякую повинность чинятъ, водле стародавного звичаю, яко и первей съ тыхъ земль виполняли. А мы и потомки наши ихъ милостъ Митрополитове не маемъ и не маютъ ему въ томъ жадное порухи и кривди чинити. А немаетъ съ тыми землями помененними нигдѣ инде выймуючися зъ владзи и послушенства Архиепископства нашего Кіевского такъ же и намесниковъ нашихъ Софейскихъ въ оборону и звирхность поддаватися, толко церкви Божой и зверхности нашой Архиепископской служити во всемъ зичливе и сприязливе, а пакъ либы онъ забачивши въ томъ ласки нашое съ тыми землями мимо насъ пана своего за кого иного мелъ

волю закладатся въ послушенство и зверхность чію иншую поддаваться, а о насъ и о наместникохъ нашихъ Софейскихъ не хотелъ бы дбалости чинити, албобы тые земли кому въ руки позаводилъ якимъ колвекъ способомъ, тогди задозпаньемъ певнимъ волно намъ буде черезъ наместника нашого Софейского, або черезъ посланца нашого, его за то, яко виступного скарати, и тые земли отъ него отобрати, яко власность церковную; а онъ немней немаетъ тому противенъ быти. Якожъ есмо на то все дали тому земенину нашому Софейскому Евхиму Олешевичу сесь нашъ листъ зъ нашею печатью и съ подписомъ руки нашое. Писанъ у Мѣнску лета Божого нарож. 1590. мѣсяця Августа 10 дня.

(М. П.)

Михайло Рагоза Архиепископъ Митрополитъ Кіевскій, Галицкій рукою власною.

4.

Универсалъ Гетмана Юрія Хмельницкаго, 1669 г.

Юрій Хмелницкій Гетманъ зъ войскомъ его Цар. Вел. Запорозскимъ. Взнаймуемъ симъ писаньемъ нашимъ, паномъ Полковникомъ, асавуломъ, сотникомъ, атаманомъ, и всему старшому и меншому войска Его Царского Величества Запорозского товариству, такъ же Его Царского Пресвѣтлого Вели-

чества началнимъ и подъ началомъ зостаючимъ и всякого стану людемъ, и кому колвекъ показано будетъ: ижъ яко небожчикъ панъ родичъ нашъ славной памети хотѣлъ мѣти, абы святой обытели Видубицкой, для щоденного помноженія хвали Божой и молитвствія, въ Калиновщизне, Калинимъ лугу, Гнилецчизне и въ озери Глушцу, яко здавна належачимъ святой Кіевской обители Видубицкой, жаднихъ перешкодъ, врибъ своеволне небыло ловлено. Теди и ми тіежъ всѣ врочища ствердивши а привернувши яко бы безъ укривжения святая обытель заживала Видубицкая Кіевская наименшого, пилно всей старшинѣ и черпѣ войска Его Царского Величества Запорозского жадаемъ и приказуемъ, назначивши на кождого противного волѣ нашой и сему писань срогое безъ фолги каранье. Данъ въ Чигиринѣ Мая 3 дня року 1669.

Юрій Хмелницкій рукою власною. (М. П.)

5.

Универсалъ Гетмана Петра Дорошенка, 1670 г.

Петро Дорошенко Гетманъ зъ войскомъ Запорозскимъ. Взнаймуемъ сымъ писанемъ нашимъ всей старшинѣ и черпѣ войска Запорозского и кождому кому о томъ вѣдати належить, ижъ стосуючися

до унѣверсаловъ антецессоровъ нашихъ Гетмановъ Запорозскихъ кгрунта Калиновщизну, Калній лугъ, Гнилецщизну и озеро Глушецъ зо всѣми при ныхъ найдучимися угодіями (яко здавна до монастира святого Архистратига Михаила Видубицкого Кіевского слушнимъ правомъ належніе) при превел. господину отцу Өеодосію Углицкому Ігумену Видубицкомъ и при всей его братіи цале заховуемъ: ажебы въ тыхъ кгрунтахъ превелебному отцу Ігумену и всей братіи монастира Видубицкого небыло найменшое перешкоди, и найменшого ни отъ кого утисненья, яко симъ унѣверсаломъ нашимъ пилноваруемъ. Такъ кгдибы оны отцове законникы Видубицкіе Ігуменъ и вся братія въ тихъ кгрунтахъ своихъ вижей речоныхъ одеймованьемъ, и посѣданьемъ поля, кошеньемъ сѣножатей, рубаньемъ пущы, зловеньемъ озеръ, и иншимъ яковимъ способомъ найменшую отъ кого узнали кривду, вложитися за ихъ кривдУ повагою нашою и кождого зъ подручнихъ нашихъ карати срого декляруемъ. Респектуючи тежъ на знищенье тогожъ святого местца монастира Видубицкого, конферуемъ тамошнимъ отцомъ Ігумену и всее братіи село або некгдисъ бывшое мѣстечко Лесники, зо всѣми приналежностями, позволяючи имъ отцомъ и людей тамъ збирати и осажовати, и всякіе оттоль отбирати повинности и пожитки, зачимъ срого приказуемъ, абы жаденъ зъ старшини и чернѣ войсковое имъ отцомъ законникомъ Видубицкимъ, такъ въ владѣнью Лес-

никъ, яко и въ отбиранью зъ ныхъ всякихъ пожитковъ, найменшой нечинилъ перешкоди; людямъ засъ въ Лесникахъ будучимъ и быти хотячимъ пригрожаемъ, абы всякое отцу Ігуменови Видубицкому и всей его братіи отдавали послушенство. Данъ въ Чегирине. Декабр. 19. 1670.

Петро Дорошенко Гетманъ рукою власною. (М. П.)

(Нижеслѣдующее письмо Князя Острожскаго списано съ подлинника. Меньшой сынъ его Александръ, женившись на дочери Сендомирскаго воеводы Костки, жилъ тогда въ Ярославлѣ Галицкомъ; къ отрадѣ своего отца онъ остался твердымъ приверженцемъ и поборникомъ Православія.)

ПИСЬМО КНЯЗЯ ОСТРОЖСКАГО КЪ ЛЬВОВСКОМУ БРАТСТВУ.

Братству Львовскому Успения Пречистое Богородици Матере Божои о Господѣ радоватись и мирне здравствовать желаемъ.—Не невѣдомо мню Вамъ се есть, яко сынъ мой Князь Александро восточникъ между зубами западныхъ людей вѣры и науки и всего набоженства усѣлъ, сиречь обителемъ Ярославскимъ се сталъ, кгдежъ помощи и ратунку впотверженью вѣры его отъ насъ мѣти не можетъ скудости ради учителей, безъ нихже и сами гладъ страждемъ. Но понеже у Васъ болшеи обрѣтается, молю васъ да не сице отъ Васъ поблизъ суще небрежения ради якожъ и Константинъ сынъ мой постраждетъ. Бога ради попечение всяко сотворѣте, да не имѣютъ внемъ части нѣединоя Езуиты. За што Вамъ Богъ свою мзду отдасть, и мы вчесомъ случится взаимствуемъ. За тымъ Вашь Мостей Господу Богу поручамъ.—Данъ зъ Дубна року 1592, мѣсяца Декабрія 1 дня. Вашь Мостей зычливый пріятель—Константинъ Княжа Острожское Воевода Киевскій Маршалокъ земли Волынское Староста Володимирскій—власная рука.

(М. П.)

ЛУЦКЪ.

«Абысь, чителнику ласкавый, вѣдалъ . . . яко здавна выставленые структуры, фортецы, городы, монастиры, своею старожитностію здобитися и славити звикли.»

Руно орошенное.

Основанный въ неизвѣстное время городъ Луцкъ занималъ важное мѣсто въ исторіи древней Руси въ 11 и 12 вѣкѣ: не разъ видѣлъ онъ тогда въ стѣнахъ своихъ съѣзды удѣльныхъ Князей, не разъ вокругъ него кипѣли жаркія битвы, и часто укрывалъ онъ Князей отъ преслѣдованій враговъ.

Съ половины 13-го вѣка Луцкъ, вмѣстѣ съ цѣлою Волынью, сдѣлался достояніемъ внука Мономахова, Изяслава Мстиславича; а во второй половинѣ слѣдующаго столѣтія, при раздѣлѣ земель между сыновьями Даніила Галицкаго, достался онъ Мстиславу Даниловичу и оставался въ родѣ Князей Волынскихъ до перехода въ руки Гедиминова сына Любарта, женатаго на Княжнѣ Владимирской. Долго оспаривалъ Польскій Король Казимиръ у Любарта

спокойное обладаніе Луцкомъ и даже, пользуясь тяжкою войною Литовскаго Государства съ Орденомъ Меченосцевъ, успѣлъ было съ значительною частью Волыни подчинить этотъ городъ своей власти; но Великій Князь Ольгердъ исторгнулъ Волынь изъ рукъ Казимира и возвратилъ Луцкъ Любарту. Тѣмъ не менѣе этотъ городъ, до вступленія Ягайла на престолъ Пястовъ, оставался предметомъ спора Литовскихъ Государей съ Польскими Королями.

Но со временъ принятія Ягайломъ Ольгердовичемъ Польской Короны участь Луцка сдѣлалась еще тягостнѣе. Съ одной стороны упорная борьба Витовта и Свидригайла съ Королемъ Владиславомъ-Ягайломъ, за самостоятельность Литовскаго Государства, съ другой набѣги Татаръ и особенно Крымскихъ разражались надъ Луцкомъ грозою военной тревоги.

Въ 1569 году, по соединеніи Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею въ одну Рѣчь посполитую, Луцкъ присоединенъ былъ вмѣстѣ съ Волынью непосредственно къ Польшѣ, и съ того времени постоянно былъ первымъ *провинціальнымъ* или *повѣтовымъ* городомъ Волыни.—

Еще въ началѣ 14-го вѣка упоминаются въ церковныхъ актахъ православные Епископы Луцкіе и

Острожскіе. Такъ дошли до насъ имена святителей Өеодосія, Саввы и Діонисія; дошло имя и Кирилла Терлецкаго, но какъ имя человѣка, въ которомъ любовь къ благамъ сего міра превышала всѣ прочія качества. Облеченный въ санъ Экзарха Патріаршаго Константинопольскаго престола, Терлецкій, въ званіи Епископа Луцкаго и Острожскаго, явилъ себя на Брестскомъ соборѣ (1596) ревностнѣйшимъ сподвижникомъ Поцѣя въ дѣлѣ введенія Уніи въ Западнорусскія земли.

Напрасно Польскія хроники, часто пристрастныя, увѣряютъ, что еще въ концѣ 14-го столѣтія (1375 год.) Луцкъ имѣлъ католическую Епископію и что Король Людовикъ (Венгерскій) былъ ея основателемъ: до временъ Витовта мнимые Луцкіе Бискупы, по словамъ тѣхъ-же хроникъ, жили обыкновенно во Владимирѣ-Волынскомъ, а не въ Луцкѣ.

Замысливъ возложить на себя королевскій вѣнецъ, Витовтъ для достиженія своей цѣли ласкалъ Римское духовенство, и Луцкъ впервые въ 1425 году увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ католическаго Бискупа Андрея Сплавскаго. Впрочемъ этотъ Бискупъ не успѣлъ утвердить прочно своего пребыванія въ Луцкѣ: въ 1431 году Свидригайло, преемникъ Витовта, завладѣвъ городомъ, выгналъ оттуда Бискупа Андрея.

Только по смерти Свидригайла Луцкъ сдѣлался постояннымъ пребываніемъ католическихъ Бискуповъ. Но число сыновъ Римской церкви до конца 16-го вѣка, какъ въ Луцкѣ, такъ и вообще на Волыни, было незначительно и по большей части состояло изъ семействъ, въ разныя времена переселившихся туда изъ Польши. Самые Бискупы Луцкіе, преемники Сплавскаго, почитая себя невполнѣ безопасными въ Луцкѣ, жили въ крѣпкихъ стѣнахъ тамошняго замка.

Бискупъ Юрій Фальчевскій, жившій около половины 16-го столѣтія, основалъ въ замкѣ изъ тесанаго камня катедральный костелъ св. Троицы и при немъ построилъ для себя выгодное каменное зданіе. Но этотъ костелъ, при незначительной духовной паствѣ Луцкаго Бискупа, вскорѣ пришелъ въ упадокъ и обновленъ былъ уже Бернардомъ Мацѣевскимъ, который при своей катедрѣ учредилъ Викаріатъ. [1]

Съ конца 16-го вѣка появились въ Луцкѣ Езуиты, и Бискупъ Павелъ Волуцкій основалъ для нихъ въ 1609 году коллегіумъ въ Луцкомъ замкѣ.

Захвативъ въ свои руки воспитаніе юношества Волынскаго, Езуиты обольщали родителей успѣхами дѣтей, хитро увлекали сердца своихъ питомцевъ, и съ каждымъ годомъ увеличивалось

число молодыхъ прельщенныхъ отступниковъ отъ древней вѣры предковъ. Между тѣмъ Унія, налегшая тяжелымъ гнетомъ на землю Волынскую, и религіозныя преслѣдованія, переродившіяся потомъ въ преслѣдованіе политическое, многихъ изъ жителей этого края заставили также измѣнить отечественному Православію. Вскорѣ древніе храмы Луцка, обращенные сперва фанатизмомъ католиковъ въ корчмы, были совершенно уничтожены. Такъ разорены были церкви св. Николая, Іакова, Аѳанасіевская, Архистратига Михаила, св. Онуфрія, Покрова Пресвятыя Богородицы, монастырь Пречистенскій; другія же оставлены были въ запустѣніи, какъ церковь св. Димитрія.

На мѣстѣ уничтоженныхъ, обвалившихся храмовъ, возникли домы Евреевъ, явилась цѣлая часть города, называемая *Юридикою.* Но и теперь еще каменные кресты съ разными надписями указываютъ на мѣста древнихъ православныхъ храмовъ Луцка.

Уничтоженіе церквей, при запрещеніи строить новыя, значительно увеличило паству Луцкаго Епискупа, которому тогда, кромѣ природныхъ католиковъ, подвѣдомы были всѣ уклонившіеся отъ Восточной церкви въ воеводствахъ Волынскомъ, Подляскомъ, Брестскомъ,

Литовскомъ и частію Рускомъ. Уніатскіе Бискупы не жили постоянно въ Луцкѣ, хотя и носили, подобно православнымъ Епископамъ Волыни, названіе Луцкихъ и Острожскихъ: они предпочитали Луцку Жидичинъ. [2]—

Во второй половинѣ царствованія Короля Жигимонта III-го уже не было церквей въ Луцкѣ, и благородные обыватели Волыни, еще свято соблюдавшіе чистоту древней вѣры, принуждены были заботиться о построеніи храма, въ которомъ могло бы совершаться богослуженіе по обрядамъ «старожитныя Греческія религіи.» Тогда возникла памятная обитель Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, которая Цареградскимъ Патріархомъ Кирилломъ Лукаріемъ, бывшимъ Ректоромъ Острожскаго училища, наречена была Ставропигіею, и которой величавые остатки по-нынѣ служатъ украшеніемъ Луцка.

Много содѣйствовали къ поддержанію Православія въ жителяхъ Луцка Цареградскіе Первосвятители Кириллъ и Тимоѳей; но спасительное дѣйствіе ихъ грамотъ подрываемо было политикою Польши. Напрасно Ѳеофанъ Патріархъ Іерусалимскій, соболѣзнуя объ отвлеченныхъ насильно отъ древней вѣры, для укрѣпленія остальныхъ въ благочестіи, по убѣдительной просьбѣ Запорожскаго Гетмана Сагай-

дачнаго, посвятилъ въ Кіевѣ, въ 1620 году, во всѣ занятыя Уніатами Епархіи, православныхъ Епископовъ и въ томъ числѣ на Луцкую Епархію Исаакія Борисовича-Черчицкаго: Жигимонтъ III приказалъ захватить всѣхъ новопоставленныхъ Епископовъ, и только съ великимъ трудомъ невинно осужденные могли укрыться отъ преслѣдованій, находя себѣ убѣжище въ Малороссіи.

Напрасно также, при договорѣ съ Яномъ Собѣскимъ, Россія въ 1686 году ходатайствовала, чтобы для единовѣрцевъ ея во владѣніяхъ Рѣчи посполитой учреждены были четыре Епархіи, и въ томъ числѣ Луцкая: Польша, по своему обыкновенію, обѣщала все, но не думала о выполненіи обѣщаннаго.

Послѣ Исаакія Черчицкаго извѣстны, какъ православные Луцкіе Епископы, Діонисій Балабанъ и Гедеонъ-Святополкъ Князь Четвертенскій. Оба они жили во второй половинѣ 17-го вѣка и оба были потомъ Митрополитами Кіевскими. Послѣднимъ Луцкимъ Епископомъ былъ Кириллъ Шумлянскій, изгнанный въ 1712 году Уніатами и умершій въ Переясловѣ.

По мѣрѣ того какъ православные храмы приходили въ упадокъ и запустѣніе, все болѣе и болѣе возникали въ Луцкѣ кляшторы и косте-

лы. Съ половины 17-го столѣтія начали тамъ появляться кляшторы Бернардиновъ, Тринитаровъ, Бонифратровъ, Доминиканъ, Кормелитовъ, Бригидокъ и Сестеръ милосердія (Шаритокъ), которыхъ въ Луцкѣ до того времени не было. Тогда и древнее Руское изображеніе св. Николая въ гербѣ Луцкомъ замѣнено было изображеніемъ мученика Рецесса, котораго память и нынѣ празднуется въ Луцкѣ.—

Съ перемѣною религіи въ жителяхъ Луцка мало по малу начала изглаживаться Руская народность, и благородное сословіе Волыни, нѣкогда столь ревнительное къ православной вѣрѣ, нечувствительно разучалось родному языку Рускому. Въ городовомъ архивѣ Луцкомъ хранятся письменные памятники минувшаго времени. Изъ многихъ грамотъ Великихъ Князей Литовскихъ и Польскихъ Королей, внесенныхъ въ Луцкія *городскія* и *земскія книги,* видно, что въ Луцкѣ только Рускій языкъ былъ господствующимъ. Судебные акты Луцкаго архива показываютъ, что довольно еще чистый Рускій языкъ былъ употребляемъ на Волыни въ дѣлахъ судопроизводства до 1695 года; далѣе, до 1703 года, усматривается уже значительная примѣсь словъ Польскихъ; и, слѣдя годъ за годомъ, можно видѣть, какъ наконецъ Польскій языкъ, вытѣснивъ языкъ Рускій, въ свою очередь прини-

маетъ въ себя примѣсь выраженій Латинскихъ. Съ 1832 года Рускій языкъ снова вступилъ въ Луцкѣ въ свои законныя, стародавнія права.—

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о немногихъ остаткахъ древностей Луцкихъ, начиная съ развалинъ Витовтова замка.—Взглядъ на эти развалины оживляетъ въ воображеніи зрителя историческую картину давно минувшаго времени, оставляя въ памяти какое-то грустное впечатлѣніе. Въ этомъ замкѣ, въ 1429 году, когда Витовтъ велъ переговоры съ Цесаремъ Сигизмундомъ, въ намѣреніи возложить на себя королевскую корону, кромѣ Германскаго Императора, еще другіе вѣнценосцы и владѣтели—Государь Московскій Василій Темный, Эрикъ Датскій, Господарь Волошскій, Князья Тверскій и Рязанскій; Магистры Орденовъ Тевтонскаго и Меченосцевъ, Перекопскій Ханъ и послы Іоанна Палеолога, были изумляемы роскошными пирами посѣдѣлаго въ бояхъ, но все еще пылкаго душею властителя Западной Руси. Въ этомъ замкѣ хитрые происки Збигнѣва Олесницкаго и Магнатовъ Польскихъ подстрекали тогда слабаго Короля Ягайла къ упорному сопротивленію замысламъ Витовта. Въ этомъ-же замкѣ проживалъ, въ Маѣ 1617 года, сынъ Жигимонта III-го, Королевичь Владиславъ, когда, окруженный важнѣйшими сановниками

посполитой Рѣчи, въ числѣ которыхъ былъ и Луцкій Бискупъ Андрей Липскій, осматривалъ онъ часть войска, предназпаченнаго сеймомъ въ *походъ Московскій,* для пріобрѣтенія Владиславу вѣнца Мономахова, украшавшаго уже въ теченіи четырехъ лѣтъ главу юнаго, благословеннаго небомъ Михаила.—

Луцкій замокъ построенъ изъ кирпича и, какъ видно, примѣняясь къ мѣстности: не имѣя правильной фигуры, стѣны его тянутся по обрыву высокаго косогора. На трехъ углахъ замка стоятъ три башни, противъ юговостока, сѣвера и запада. Башни юговосточная и западная имѣютъ еше цѣлые зубцы; но широкія трещины отъ верха до низу проходятъ по стѣнамъ западноіі башни, ворота котороіі служили съ городской стороны въѣздомъ въ замокъ.

Въ стѣнахъ замка могло помѣщаться до 4 тысячъ охраннаго войска. Еще и теперь видны тамъ бойницы, размѣщенныя неправильно, въ два ряда. Съ двухъ сторонъ замокъ имѣлъ естественную защиту, прилежа къ рѣкамъ Глушцу и Стыру; а съ прочихъ сторонъ защищался глубокими рвами.

Замокъ болѣе всего страдалъ отъ набѣговъ Крымцевъ. Въ одинъ изъ набѣговъ Татары разорили каменную Уніатскую церковь внутри замка. Уніатскій Епископъ Лѣвицкій снова под-

нялъ стѣны этой церкви, но не кончилъ. Въ этой-то церкви, говоритъ преданіе, былъ погребенъ Кириллъ Терлецкій.

Что касается до палатъ Витовта, находившихся въ замкѣ, то судовый Луцкій староста, Князь Іосифъ Черторыйскій, перестроилъ ихъ въ 1789 году, и теперь помѣщаются тамъ уѣздный судъ и городовой архивъ.

Въ Луцкѣ были еще два замка—*горній* и *нижній*, основанные Любартомъ Гедиминовичемъ; но ихъ не пощадило время и только извѣстно, что они находились вблизи кляштора Бригидокъ.

У стѣны того-же кляштора, въ глухомъ и грязномъ переулкѣ, стоитъ древній опустѣлый храмъ св. Димитрія, основанный еще Мстиславомъ, сыномъ Даніила Галицкаго. Храмъ этотъ невеликъ, съ ветхою почти плоскою кровлею; на стѣнахъ его еще мѣстами замѣтны слѣды старинной живописи. Церковь св. Димитрія не была занята Уніатами; но церковь Воздвиженская и до-нынѣ носитъ названіе Базиліанской.

Основанная при монастырѣ Братскомъ, церковь Воздвиженская была построена по образцу ставропигіальнаго храма Цареградскаго и въ 1620 году отъ Патріарха Кирилла была надѣлена правомъ Ставропигіи. [5] По изгнаніи православныхъ иноковъ, Братскій Крестовоздвиженскій монастырь былъ отданъ Уніатамъ; потомъ

снова обращенъ былъ въ соборную церковь; но послѣ сильнаго пожара совершенно оставленъ. Внѣшній видъ этого храма представляетъ продолговатый четыреугольникъ съ полукруглымъ выступомъ на передней сторонѣ. На немъ два купола, изъ которыхъ нижній круглый и освѣщенъ четырмя окнами, а верхній восміуголенъ и имѣетъ восемь оконъ. Замѣчательно, что оба купола сложены прямо изъ кирпича и ничѣмъ некрыты; они совершенно уцѣлѣли, между тѣмъ какъ по стѣнамъ церкви идутъ отъ купола къ низу широкія трещины. Подъ церковь вели два хода съ противныхъ сторонъ, но они завалены. Къ угламъ, обращеннымъ къ алтарю храма, придѣланы контрфорсы и въ одномъ изъ нихъ проведена круглая лѣстница, выводившая на хоры. Такая же лѣстница съ наружною дверью служила ходомъ въ алтарной стѣнѣ на колокольню, которая была потомъ уничтожена. Длина Крестовоздвиженской церкви простирается до 115, а ширина до 57 футовъ.

При Крестовоздвиженскомъ Братствѣ существовала Греколатинословенская школа, основанная «совѣтомъ и повелѣніемъ святѣйшаго Кирилла Архіепископа Константинограда Новаго Рима и Вселенскаго Патріарха, и благословеніемъ Архіепископа Митрополита Кіевскаго, Галицкаго и всея Россіи, Киръ Іова Борец-

каго . . . великимъ стараніемъ и накладомъ и пилностію мѣщанъ Луцкихъ Руского народу святого закону Грецкого и милостинями всѣхъ православныхъ Христіанъ, яко стану духовного, также особъ княжескихъ панскихъ, шляхецкихъ и всего посполитого народу, дажъ и до убогихъ вдовицъ.» [4]

Правилами Луцкой школы требовалось отъ наставника, чтобы онъ былъ «благочестивъ, смиренномудръ, не лихоимецъ, не гнѣвливъ, не завистникъ, не пособитель ереси, но поспѣшитель благочестію.» Обязанностію *даскаловъ* было поучать чтенію св. Евангелія, книгъ Апостольскихъ и Пророковъ, чтенію св. Отцевъ, также философіи, риторикѣ, поэзіи и исторіи. Но, къ сожалѣнію, недолго существовала эта Братская школа: съ переходомъ монастыря въ руки Уніатовъ она была подавлена Езуитами.—

Жителей въ Луцкѣ нынѣ считается до 5,211. Между ними однихъ Евреевъ почти до 4000, и въ томъ числѣ болѣе 300 Караимовъ. Остальная часть населенности Луцка состоитъ преимущественно изъ послѣдователей Римской церкви. Число католическаго духовенства около 256.

Катедральный Луцкій костелъ весьма замѣчателенъ своею красивою архитектурою; при немъ состоитъ особенная Семинарія, основан-

ная Езуитами. Воспитанники этой Семинаріи, числомъ до 15, называются клериками. Говорятъ, что проповѣдники Луцка и Волыни свое образованіе получаютъ здѣсь. Католическій Луцкій Бискупъ живетъ нынѣ при кляшторѣ Бернардиновъ.—

Луцкъ имѣетъ теперь только одну православную церковь, о времени построенія которой ничего неизвѣстно; она находится въ самой грязной части города и окружена жидовскими домами.—

Хотя Луцкъ, со всѣхъ сторонъ окруженный рѣками, могъ бы имѣть много удобства для торговыхъ оборотовъ; но, кромѣ мѣлкой, суетливой дѣятельности Жидовъ, въ Луцкѣ непримѣтно большой промышлености, и въ народѣ объ этомъ городѣ ведется пословица: «въ Луцку все не по-людску: навколо вода, въ серединѣ бѣда.»

Мы не разстанемся однако съ этимъ городомъ не сказавши нѣсколько словъ объ Омельяникахъ. Такъ называютъ прекрасную липовую аллею вблизи Луцка, по дорогѣ во Владиміръ-Волынскій. Нѣкогда посреди этой аллеи стоялъ красивый домикъ, но теперь и слѣдовъ его незамѣтно. Въ томъ домикѣ проживалъ Петръ Великій, находясь 1711 года въ Луцкѣ, для свиданія съ Августомъ II-мъ. Въ липовой рощѣ, тогда еще

густой, незабвенный Монархъ искалъ прохлады въ часы отдохновенія, и тою-же рукою, которою воздвигалъ онъ громадное, величественное зданіе Имперіи, на одномъ изъ здѣшнихъ деревъ начерталъ онъ вензель свой и державной своей супруги. Вензель Преобразователя Россіи еще до-нынѣ замѣтенъ.

1840 г.

ДОМБРОВСКІЙ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.—Нынѣшній Инфулатъ-Викарій Луцкаго Бискупа, Осинскій, извѣстный своими учеными трудами, имѣетъ пребываніе вблизи Луцка, въ мѣстечкѣ Олыкѣ, гдѣ находятся примѣчательные остатки нѣкогда славнаго и крѣпкаго замка Князей Радзивиловъ.—

2.—Въ монастырѣ Жидичинскомъ, лежащемъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Луцка, сохранялись прежде многіе рѣдкіе письменные памятники Волыни.

3.—Прилагаемъ здѣсь грамоту Патріарха Кирилла изъ рукописной книги, пренадлежавшей Луцкому Братству.

«Кириллъ милостію Божіею Архіепископъ Константина града Новаго Риму и Вселенскій Патріархъ.

Понеже, иже во Епископіи Луцкой, въ панствѣ пресвѣтлаго и христолюбиваго Короля Польского обрѣтающіеся во Епархіи той Братія, иже суть тщателе и прилежницы, еже отъ нищихъ даемыя милостыня, отъ тамо христолюбивыхъ благородныхъ князей и пановъ и во общую пользу сущаго мѣсца и иныхъ боголюбезныхъ помысливщихъ, имъ же и смиреніе наше споспѣшествова и сопохвали и не запинательное еже о добромъ изволеніи и усердіи во прочая вся вѣки соблюдатися во Дусѣ Святомъ завѣщавается, сіи и паки по подобному и по Божіей ревности восхотѣша отъ самыхъ основаній, никогда же прежде на мѣстѣ томъ воздвижену бывшу храму, по чину и законехъ, яже о ставропигіяхъ Велицей церкви преданныхъ, восхотѣша о ставропигіяхъ нашихъ Патріаршескихъ всечестныхъ Всемірнаго Животворящаго Креста Господня воздвигнути храмъ, любочестнымъ и христолюбивымъ иждивеніемъ или накладомъ благочестивыхъ господей тамошнихъ. И того ради умоливши смиреніе наше, яко и сперва прилежащее имъ сподобишася, яко да по образу и чину во прочихъ о ставропигіяхъ воздвиженыхъ божественныхъ храмехъ обычая ставропигійская, или ставропигійскою службою и молитвами послѣдованіе происходитъ отъ благоговѣйного во іерехъ, иже по времени тамо обрѣтающагося Ефимерія, и Патріаршескою властію и повелѣніемъ должны суть устроити божественные кресты, на

нихъ же христолюбиваго великаго Короля Польского и нашего смиренія (якоже въ послѣдованіи типика̀ обрѣтается) надписаніе да есть; ихъ же водрузити, якоже зрится во святѣй Велицей церкви: внутрьуду и внѣуду предреченого храма Честного Креста Господня, на четырехъ странахъ храма, во пребывательное и непорушимое вещи явленіе. А понеже убо умолиша смиреніе наше, моленіе ихъ, яко достохвально прошеніе пріемши, богословно сущи и боголюбное яже на власти имущи ставропигія или крестоводруженіе посылати во всѣхъ, яже подъ нами, Митрополіяхъ и Епископіяхъ, по божественныхъ любо благочестивыхъ законехъ (*монастыряхъ*), изволеніемъ православныхъ и боголюбезныхъ Архіепископовъ, искони Велицей повинующихся церкви, пречестныхъ иже во Духу Святомъ возлюбленныхъ братій и сослужителей нашего смиренія. Симъ настоящимъ Патріаршескимъ соборнымъ листомъ извѣщается и узаконяется: яко да сей и воздвизаемый, и хотящій произыти божественный храмъ Животворящаго Креста Господня о ставропигіяхъ нашихъ Патріаршескихъ, иже въ предреченной Епископіи Луцкой во богохранимомъ градѣ Луцку лежащій, да есть и да именуется Патріаршескимъ ставропигіемъ, якоже и прочая Патріаршеская ставропигія, яже повсюду тако, бываемая и да пребываетъ свободенъ и не попираемый отъ всякого лица, любо Архіепископскаго или Епископскаго, едину свободнѣ въ-

дый и имѣя главу свою, наше смиреніе, и отъ нея всякого строенія и суду, управленія же и власти и чающе и пріемлющи, должну сущу и отъ иже по времени въ немъ поющаго ефимерія или іерея Патріаршескому нашему воспоминатися имени во всѣхъ божественныхъ и священныхъ служеніяхъ и литіяхъ. Симъ нашимъ Патріаршескимъ оправданіямъ и сикгельнымъ писаніямъ кто либо буди, или іерей или Архіерей, сопротивляяся и пренебрегая наша Патріаршеская оправданія, нынѣ и во прочіихъ лѣтехъ по сихъ, восхотѣлъ бы запинати, яко навѣтуя и насилуя сему божественному храму нашему Патріаршескому вышереченному ставропигію и иже въ немъ священнику, яже въ немъ освященнымъ вещемъ вкупѣ и стяжаніямъ, святокрадственнѣ восхищая и на свою ему волю требуя, тѣми же нуждею и мучительствомъ, чрезъ волю и повелѣніе, иже въ немъ братіи и хранителей, и иже въ немъ ефемерствующаго іерея, таковыхъ не токмо упражненію *(упраздненію)* отъ священства непрощенному подлежитъ, кто или гдѣ любо буди, но и отлученъ будетъ отъ Бога и не прощенъ и по смерти не разрѣшенъ, яко святокрадца.

Буди же о семъ извѣстное изъясненіе и во извѣстное утвержденіе сіе настоящее сикгельное писаніе, еже и дадеся реченнымъ братіямъ, нынѣ сущимъ и по семъ будущимъ и сихъ ради Патріаршескому сему ставропигію нашему, якоже речеся, Честнаго и Животворящого Креста

Господа нашего Іисуса Христа, лежащему во градѣ Луцкомъ, въ лѣто отъ созданія міру 7128, а отъ Рождества Христова 1620.

4.—Приведенныя слова взяты изъ «артикуловъ правъ школы Греколатинословенской Луцкой»— внесенныхъ въ вышеупомянутую книгу Луцкаго Братства. Въ 1 артикулѣ этихъ правъ сказано: «кождый што колвекъ (*кто либо*) до нашихъ школъ для науки пріидетъ, указавшися Ректору, за позволеньемъ его впродъ три дни наукамъ, порядкомъ, унищки (*незамѣтно*) и выхованью (*воспитанью*) присмотроватися маетъ, еще до жадной школной забавы (*занятія*) и правъ не припущоный: а то для того, жебы, сквапливе (*спѣшно*) почавши, прудко не роскаявся и предсявзятья не покинувъ: кгдыжъ не на чверть а ни на рокъ, але ажъ поки ся научитъ, кождый до школы приходити маетъ, и съ такимъ шлюбованьемъ (*обѣтомъ*) пріимованъ будетъ».—*Въ порядномъ постановленіи* Луцкаго братства замѣчено, что учитель «въ чотыри недѣлѣ екзаменъ, чогося научатъ, чинити будетъ повиненъ, отъ нихъ (учениковъ) жадное (*никакой*) заплаты за науку не беручи, аже бы дѣтокъ, имъ вручоныхъ, лѣта молодыя марне (*напрасно*) ся не теряли, за которыхъ учителеве личбу (*отчетъ*) Богу чинити мусятъ (*должны*).»

ДОБРЫЙ ПАНЪ.

Въ 1800-мъ году, по дѣламъ службы, проѣзжалъ я чрезъ Кіевъ. Когда бы я ни былъ въ немъ, хотя бы на короткое время, проѣздомъ, никогда не оставлялъ поклониться Руской святынѣ—гробамъ угодниковъ, помолиться въ храмѣ Лавры и побесѣдовать съ благочестивыми мужами, презрѣвшими свѣтомъ и въ уединеніи, при созерцаніи такъ поразительныхъ примѣровъ, приготовляющими себя къ отходу въ вѣчность и принятію награды за здѣшніе подвиги свои. Въ такихъ занятіяхъ, я не дорожилъ временемъ, питалъ душу свою, и потомъ обращался къ исполненію должности съ мыслями свѣжими, покойными; и все мнѣ благопріятствовало въ пути и въ моихъ распоряженіяхъ.

И теперь, мнѣ въ Кіевѣ не было никакого дѣла,—я долженъ былъ еще спѣшить по сдѣланнымъ мнѣ препорученіямъ; но я отправился въ Лавру, повидался съ намѣстникомъ отцемъ Кипріаномъ, помолился у схимника при чтеніи правила его, и побесѣдовавъ нѣсколько съ нимъ, поспѣшилъ въ церковь Успенія къ обѣднѣ. Не проходя во время служенія впередъ, я остано-

вился пока при входѣ. Противъ меня, у гроба святаго Ѳеодосія, увидѣлъ я моего искренняго пріятеля и любезнаго, милаго человѣка, Валеріана Степановича . . . но въ какомъ видѣ!

Этотъ Валеріанъ Степановичь, помѣщикъ Харьковской губерніи, имѣлъ незначительное состояніе; но умѣвъ благоразумно имъ распоряжать, не нуждался въ жизни. Лѣтъ двадцати осьми, здоровъ, пріятной наружности, ума чистаго, сердца добраго, всегда веселъ, живъ, привѣтливъ; услуживать, быть полезнымъ другимъ, было пищею души его. Всѣ любили его, всѣ искали случая быть съ нимъ. Въ обществахъ онъ былъ душею: старики охотно бесѣдовали съ нимъ; старушки не отпускали его отъ себя; молодые люди окружали его, искали знакомства съ нимъ и старались подражать ему; дѣвицы . . . ну, тѣ и не замѣчали его . . . явно, но тихомолкомъ, взорами преслѣдовали, ловили его; къ которой подсядетъ, съ которою поговоритъ, та̀ не вспомнится отъ радости, хохочетъ отъ души (съ молодыми, а особливо съ дѣвицами, онъ не любилъ говорить ни о чемъ серіозномъ, сухомъ), затверживаетъ всѣ слова его и гордится предъ . . . . нѣтъ, правду сказать, ни которой не было повода гордиться передъ подругами: онъ со всѣми ими былъ одинаковъ, со всѣми любезничалъ равно, всѣхъ зани-

малъ, всѣми занимался, одушевлялъ занятія, затѣвалъ игры, танцы, и самъ неутомимо поддерживалъ всякаго рода веселья, имъ же устроенныя. Изъ дѣвицъ, къ общему прискорбію ихъ, Валеріанъ ни одной не оказывалъ отличія, всѣхъ любилъ равно, равно всѣми любовался, искалъ ихъ общества наравнѣ съ ихъ стараніемъ привлечь его къ себѣ. Къ прискорбію-же матушекъ, онъ не думалъ о выборѣ себѣ подруги, и на всѣ ихъ совѣты *искренніе, безпристрастные,*—особливо на совѣты матушекъ, имѣющихъ дочерей на возрастѣ,—пріискать себѣ, пока молодъ, подругу изъ семейства добраго, которая видимо почтительна къ родителямъ, пріучена къ домашнему хозяйству и проч. и проч. Валеріанъ всегда отвѣчалъ: «не знаю, женюсь ли? женюсь, перемѣнюсь; долженъ буду сидѣть съ женою, а я безъ людей пропалъ.»

Въ самомъ дѣлѣ, дома онъ почти не жилъ и если пріѣзжалъ, такъ уже въ такое время, когда нигдѣ не находилъ случая къ веселью. Тутъ побывши, осмотрѣвши свое хозяйствецо, какъ онъ называлъ, вырывался изъ дому, спѣшилъ или по ближнимъ городамъ веселиться, или разъѣзжалъ по деревнямъ и затѣвалъ веселья. Ни одна свадьба, ни одинъ именинный, храмовой пиръ безъ него не обходились: онъ

былъ главнымъ распорядителемъ всего, къ удовольствію хозяевъ, къ веселію гостей и большой радости молодежи. . . .

И этого-то Валеріана, душу и веселье общества, милаго, любезнаго, неоцѣненнаго въ собраніи, молодаго, ловкаго, красиваго человѣка, отлично танцовавшаго и лихо плясавшаго по-цыгански, увидѣлъ я—съ отрощенными волосами, заросшаго бородою, въ черной ряскѣ, подпоясаннаго ременнымъ поясомъ, съ четками въ рукахъ, съ поникшею головою, стоящаго и молящагося со всѣмъ усердіемъ. Я живалъ съ нимъ не только по нѣскольку недѣль, но я цѣлые мѣсяцы проводилъ съ нимъ неразлучно, слѣдовательно, очень коротко зналъ его, и не смотря на такую разительную перемѣну въ наружности, тотчасъ узналъ его; но недоумѣвалъ, что съ нимъ сдѣлалось и не двойникъ-ли это его?

Чѣмъ додумываться и догадываться, что съ нимъ сдѣлалось, я рѣшился наблюдать за нимъ и не упустить его безъ разспросовъ. Служеніе кончилось. Валеріанъ пошелъ по церкви дѣлать поклоненія святынѣ; я взоромъ преслѣдовалъ его, и когда онъ обратился къ выходу, я пошелъ къ нему и сталъ противъ него. Онъ, увидѣвъ меня, ни мало не смѣшался, протянулъ руку и голосомъ свободнымъ, по прежней пріязни

нашей, безъ всякой заунывности, привѣтствовалъ меня первый.

Что ты дѣлаешь съ собою Валеріанъ?— спросилъ я его.

«Ну, милый, здѣсь не мѣсто ни разспрашивать, ни разсказывать»—сказалъ онъ съ обыкновенною своею улыбкою. «Если тебѣ позволяетъ время и хочешь меня подарить бесѣдою, то зайди теперь въ келію ко мнѣ или, если не досугъ теперь, назначь время, удосужусь и буду ожидать тебя.»

Какъ-бы ни былъ занятъ—сказалъ я:— но все брошу, чтобы побыть съ тобою и узнать о чудномъ твоемъ превращеніи. Веди меня въ келію или въ пещеру, гдѣ ты спасаешься.

И онъ повелъ меня въ отдѣленіе, гдѣ помѣщаются типографскіе рабочіе.

Въ келіи у него было, какъ обыкновенно въ келіи: образъ, теплящаяся лампада, скамейка покрытая ковромъ, небольшая подушка, столъ, на немъ нѣсколько церковныхъ книгъ и печатныхъ листовъ такихъ-же.

По принесеніи имъ предъ образомъ молитвы, онъ привѣтствовалъ меня съ обыкновенною своею любезностью, усадилъ на ложе свое и принялся распрашивать, какъ живу—поживаю, откуда, куда ѣду и долго-ли пробуду въ Кіевѣ?

Не обо мнѣ рѣчь—прервалъ я его разспросы:—скажи ты мнѣ прежде о себѣ: что побудило тебя на такую жизнь? Должно быть очень важное произошло съ тобою, когда ты вышелъ изъ той сферы, внѣ которой не могъ жить.

«Ничего, мой милый!—говорилъ онъ все съ тѣмъ-же чистосердечіемъ и съ тою-же спокойною улыбкою:—надобно же было образумиться и вспомнить, для чего мы живемъ.»

Короче: онъ долго уклонялся отъ моихъ распросовъ, но безъ всякаго жеманства; наконецъ видя, что я дружбою нашею требую открытія всего случившагося съ нимъ, онъ покачалъ головою, посмѣялся и, вздохнувши, впрочемъ негорестно, началъ говорить.

«Не хотѣлось бы мнѣ уже и на память приводить встрѣтившагося со мною, потому что ты не услышишь ничего необыкновеннаго, а такъ, общее, незанимательное; разсказъ же этотъ, какъ ни буду разсудителенъ, все потревожитъ меня. Не хотѣлось-бы . . . примолвилъ онъ, потирая лобъ рукою:—но для тебя . . . слушай.

Надобно мнѣ было женить пріятеля. Я распоряжалъ, по обыкновенію, свадьбою. Съѣздъ, по деревенски, былъ многочисленный: отъ вѣнца, по старинному, утромъ началось веселье. Дѣвицъ было много; я всѣхъ ихъ видѣлъ вмѣ-

стѣ, но по одиначкѣ ни одной не разсматривалъ за множествомъ: былъ съ ними, вертѣлся около нихъ и, что называется, былъ въ своей тарелкѣ. Всѣ знающіе меня замѣчали, что я былъ необыкновенно веселъ. Пришло время обѣда; распорядивши всѣмъ, я пригласилъ гостей, какъ водится, за столъ.

По званію хозяина, угощая всѣхъ, я не оставлялъ подбѣгать и къ дѣвицамъ; какъ вдругъ вижу . . . незнакомую для меня и прелестную, необыкновенно прелестную! . . . Ахъ, какъ она была хороша! и едва шестнадцати лѣтъ . . . вскрикнулъ Валеріанъ, закрылъ лице руками и молчалъ. Невольно выкатились у него слезы; онъ поспѣшилъ ихъ отереть—и продолжалъ.

Тебѣ извѣстно, мой милый, ужь я ли не наглядѣлся на нихъ? Ужь я ли не могъ оцѣнить красоты? Сколько ихъ промелькнуло мимо меня! могъ быть строгимъ судьею—и потому повѣришь, что *она* была красоты невыразимой. Сначала овладѣло мною удивленіе, какъ можно столькимъ прелестямъ всѣмъ соединиться въ одной? По частичкѣ давши, можно бы надѣлить двадцать, и каждая изъ нихъ была бы красавица; а тутъ—все въ одной! . . . Первое чувство мое было, что я не понималъ себя, остолбенѣлъ, забылся, потерялся и бросилъ всѣ заботы по распоряженію; отошелъ въ сторону,

смотрѣлъ на нее, любовался, восхищался ею, почиталъ себя счастливѣйшимъ и отъ того, что вижу ее! . . .

Началъ, такъ уже буду разсказывать.—Во весь тотъ день, я не находился ни въ чемъ; я не видалъ никого, не занимался никѣмъ, но и съ нею не могъ сказать ни полслова, боялся, почиталъ себя недостойнымъ быть близь нея . . . удалялся отъ всѣхъ. Барышни пеняли меня, завлекали въ свое общество; но я былъ чуждъ всего, не танцовалъ, не участвовалъ ни въ разговорахъ, ни въ прогулкахъ по саду— это было въ Маѣ мѣсяцѣ . . . я совсѣмъ потерялся!

Лишь уѣхала *она* со свадьбы, и я подъ разными предлогами уѣхалъ домой; сходилъ съ ума и, можетъ быть, не перенесъ бы своего горя. . . Какое-же горе? Я вижу въ ней совершенство и чувствую себя такъ малымъ, ничтожнымъ, что никогда не могу возвыситься до счастія быть знаемымъ ею, отличаемымъ. . . . о любви я не смѣлъ и помыслить; я умеръ бы отъ восторга, если бы она сказала, что любитъ меня! . . . .

Одна сосѣдка наша вошла въ мое положеніе, ободряла, успокоивала, разговорила меня и довела до того, что я познакомился въ домѣ *ея*. Потомъ сосѣдка сблизилась съ нею, приглашала ее гостить у себя на нѣсколько дней.

Я привыкъ къ счастію видѣть ее, говорить съ нею; подъ видомъ шутки, въ разговорахъ, я описывалъ чувства мои, не называя предмета, но ясно показывая, что это она, что она владѣетъ душею, сердцемъ, всѣмъ бытіемъ моимъ. Она смѣялась, не скрывала, что понимаетъ все, не отвергала, не останавливала меня, но и не подавала никакой надежды. А я, боготворя ее, не дерзалъ выспрашивать, не смѣлъ помыслить о взаимности... такъ высоко цѣнилъ ее!

Мѣсяцы, годы проходили, я оставался при однихъ разсказахъ, писалъ стихи, акростихи прямо на ея имя, предупреждалъ всѣ ея желанія, исполнялъ всѣ препорученія, видѣлъ ласки, вниманіе, снисхожденіе; но лишь подумывалъ рѣшиться на предложеніе—и соображая всю силу страсти и чистоту любви моей, не надѣялся услышавъ о согласіи ея, перенести равнодушно и, самъ не знаю отъ чего и почему, полагалъ, что тутъ-же умру отъ восторга.

Все такъ шло, и вотъ устроивался благородный спектакль и, какъ водилось, я распоряжалъ всѣмъ. Сборъ за спектакль предназначенъ былъ въ пользу бѣдныхъ. Она просила меня о ложѣ и располагала, въ день представленія, пріѣхать въ городъ. Все было устроено. Роль моя вытвержена и слова, сходныя съ моимъ поло-

женіемъ, замѣчены и назначены сказать съ обращеніемъ къ тому мѣсту, гдѣ будетъ сидѣть она.

Насталъ день представленія, и я, по тогдашнему, былъ уже въ папильоткахъ... какъ вошелъ человѣкъ отъ нея...

А! пріѣхали? Вотъ-же и билетъ на ложу. Проси въ семь часовъ...

—Нѣтъ, сударь, не пріѣхали; а вотъ...— сказалъ, человѣкъ и подаетъ мнѣ письмо....

Что помѣшало?—спросилъ я съ досадою и поспѣшилъ распечатать письмо.... Это писала сестра ея, что по встрѣтившимся семейнымъ обстоятельствамъ, они не могутъ пріѣхать....

Барышню сговорили?—вскричалъ я.

—Сговорили, сударь, вчерашняго числа за.....

Все кончилось!.... Нашъ спектакль устроенъ былъ не для потѣхи, а для добраго дѣла.... Театръ уже наполнялся зрителями.... Я еще могъ сообразить, что невозможно отказаться отъ роли, вышелъ на сцену, говорилъ по суфлеру и кое-какъ, кое-какъ договорилъ и— скрылся отъ всѣхъ.

Она еще была до свадьбы въ городѣ.... я имѣлъ случай, не замѣтить, но увѣриться, что она любила меня и шла за другаго противъ воли......

Я былъ живъ; но рѣшеніе мое было твердо.

Устроивъ свое хозяйствецо на случай моей отлучки, запасшись необходимыми бумагами и нужными деньгами для дороги, не сказавши никому о намѣреніи своемъ, не написавши даже къ единственной сестрѣ, я пустился въ путь пѣшкомъ.

31-го Октября, когда я зналъ, что она въ то утро вѣнчается, я въ городѣ зашелъ въ церковь, гдѣ было большое стеченіе народа. Навѣрное здѣсь похороны, подумалъ я:—кстати, отслушаю и буду воображать, что отпѣваютъ меня . . . прощусь съ радостями, съ надеждами на счастіе, спокойствіе. . . .

Обѣдня оканчивается и я, вмѣсто надгробнаго пѣнія, такъ желаемаго душею, слышу обрядъ вѣнчанія. . . . .

И здѣсь свадьба!—почти вскрикнулъ я, и въ туже минуту выбѣжавъ изъ церкви, не останавливаяся ни на чемъ, пустился въ путь, дошелъ прямо сюда, въ Кіевъ, въ Печерскую Лавру. . . . . .

Идя дорогою, я имѣлъ много времени обдумать и утвердиться въ моемъ намѣреніи. Первою мыслію моею было, что я приношу Богу не совсѣмъ чистую жертву, но вынужденную у меня горестью, вѣчнымъ несчастьемъ: сердце мое сокрушено—я уже мертвъ для свѣта и радостей его; не осталось ничего въ мірѣ,

что привлекло бы къ себѣ, хотя на короткое время, мысль и попеченіе мое. Принужденной жертвы Богъ конечно не требуетъ; но потеряй я зрѣніе, лишись слуха . . . все равно я былъ бы мертвъ для свѣта и обратился бы всѣмъ помышленіемъ, всею горячностію, нераздѣльно къ самому Богу, и не ужели былъ бы отвергнутъ?—Не могши разстаться съ сладостями міра, не имѣвши крѣпости презрѣть и оставить ихъ, не ужели когда Промыслъ Божій самъ исторгнулъ ихъ у меня и указываетъ единственный путь къ спасенію моему, не ужели я долженъ презрѣть его потому, что я не дѣлаю никакого пожертвованія? Горе бы мнѣ было, если бы я и послѣ указанія мнѣ тщеты міра, оставался въ немъ, съ чаяніемъ отыскать себѣ еще какую нибудь радость! Нѣтъ. Живу въ мірѣ, занимаюсь дѣлами его во славу Бога и на пользу ближнимъ; но если потеряно для меня все, чѣмъ я жилъ, тогда я разрываю и послѣднія цѣпи, державшія меня въ свѣтѣ, оставляю его какъ ненужный для него членъ и спѣшу посвятить себя Богу. Положивъ руку на рало, не обращуся вспять! . . . .

И укрѣпясь въ такихъ мысляхъ, я шелъ бодро, не уставая тѣломъ и духомъ, ободряя себя, что жертву мою Богъ не отринетъ; въ исполненіи, по новому званію, долга моего, я

найду спокойствіе; въ молитвѣ—отраду и душевное наслажденіе. Измѣниться намѣренію, остыть горячности моей невозможно; нѣтъ ничего въ свѣтѣ, влекущаго меня къ себѣ обратно.

И съ спокойнымъ духомъ вошелъ я въ эту мирную обитель. Начальство приняло меня внимательно. Намѣстникъ Лавры отецъ Кипріанъ удостоивалъ меня неоднократно назидательною бесѣдою, разсматривалъ со мною вмѣстѣ желаніе мое со всѣхъ сторонъ и, испытавъ меня, благословилъ вступить въ число братіи.

Для исполненія, по уставу монашескому, послушанія, я просилъ назначить меня для священнаго чтенія въ церкви въ числѣ крилошанъ или въ келіи схимниковъ и престарѣлыхъ монаховъ, немогущихъ исполнять правила своего. Указать изъ нихъ на кого именно, я не могъ, потому что въ два дня моего пребыванія въ обители, не зналъ никого кромѣ благодѣтельствующаго мнѣ отца намѣстника и еще отца Антонія, котораго и ты видѣлъ, распоряжающаго приношеніями и назначеніемъ очереди молебнамъ, во множествѣ приходящихъ поклонниковъ.

Отецъ намѣстникъ благосклонно согласился на мое желаніе и велѣлъ мнѣ явиться къ уставщикамъ. Отецъ Аркадій, уставщикъ праваго, и отецъ Питиримъ, уставщикъ лѣваго кли-

роса, принявъ меня хорошо и испытавъ въ церковномъ чтеніи, были довольны мною, и каждый изъ нихъ желалъ имѣть меня въ своемъ клирѣ; но назначеніе должно было послѣдовать отъ отца намѣстника.

Между тѣмъ, одинъ изъ соборныхъ старцевъ началъ мнѣ предлагать: что вы не просите назначенія себѣ въ чтецы келейные къ отцу Иліи?

Кто это отецъ Илія?—спросилъ я.

—Такъ вы еще не слыхали объ отцѣ Иліи? Это начальникъ въ Лаврѣ больничнаго монастыря, мужъ древній, весьма благочестивой жизни. Когда болящіе прибѣгаютъ къ нему, прося его молитвъ, онъ, не смотря на слабость и дряхлость свою, немедленно идетъ въ церковь и начинаетъ молебствіе самъ. Весьма много примѣровъ, что послѣ молитвъ его и окропленія святою водою, болящіе получали исцѣленіе. Сверхъ того, онъ мужъ прозорливый. Многіе приходящіе къ нему, для принятія благословенія, получаютъ отъ него всегда что-либо: иконку, ладонку, просфору или что нибудь другое. Часто онъ встрѣтитъ пришедшаго или напутствуетъ при отходѣ какимъ-нибудь словомъ, кажется ничего незначущимъ, но которое предвѣщаетъ перемѣну въ судьбѣ или жизни пришедшаго. Много тому примѣровъ: и

онъ отъ всѣхъ почитается за мужа праведнаго. У него просите себѣ мѣста; вы обрѣтете себѣ большую пользу. Кромѣ частаго чтенія, онъ любитъ бесѣдовать. Слово его сильно и назидательно. Послушайте меня для вашей пользы.—[1]

Но я придумалъ свое. Прежде нежели буду проситься къ нему въ чтецы, я вздумалъ побывать у него для испрошенія благословенія, разсказать ему все о себѣ, о намѣреніи моемъ здѣсь остаться, и замѣчать, не скажетъ ли онъ чего пророческаго относительно всей жизни моей.

Утромъ явился я къ нему въ этомъ самомъ видѣ, который принялъ немедленно, когда отецъ намѣстникъ благословилъ мнѣ остаться здѣсь. Кажется, видъ мой и всѣ монастырскіе пріемы, не показываютъ никакого барства? Но чтоже вышло.

Прислужникъ его, не распрося меня, кто я, а только узнавъ, что желаю принять бла-

[1].—Память объ отцѣ Иліи сохранилась и нынѣ у Лаврянъ, какъ о *большомъ подвижникѣ* въ дѣлахъ молитвы и благочестія. Въ должность больничнаго начальника онъ избранъ изъ экономовъ Лаврскихъ 1786 года Сентября 2, и въ семъ *послушаніи* оставался до кончины своей, будучи притомъ соборнымъ старцемъ (съ 1785 г.) и духовникомъ Лаврскимъ. Кончина его послѣдовала 1802 года 22 Апрѣля во 2 часу по полуночи.—*М. М.*

гословеніе у отца Иліи, и конечно, судя по одеждѣ моей, сказалъ, что пришелъ послушникъ, не болѣе. Немедленно дверь отворилась и вышелъ монахъ престарѣлый, съ длинною, бѣлою бородою. Остановясь въ дверяхъ, взглянулъ на меня, кажется, безъ дальнаго примѣчанія, и тутъ-же, оборотясь назадъ, что-то долго приказывалъ келейнику своему, и наконецъ вышелъ ко мнѣ. Я подошелъ къ нему, удостоенъ благословенія, и онъ, слабыми ногами, едва дошелъ до кресла своего и сказалъ мнѣ: сядьте; самъ сѣлъ, и опустивъ голову, перебиралъ въ рукахъ чотки, молча.

Я уже зналъ обязанность младшаго по правиламъ монашества; и бывъ не больше какъ послушникъ, не смѣлъ при іеромонахѣ, или еще болѣе, при начальникѣ монастыря, сѣсть, по первому его слову; но когда онъ увидѣлъ, что я стою, то, все таки молча, рукою указалъ мнѣ стулъ. Я долженъ былъ повиноваться—и сѣлъ.

По тѣмъ-же правиламъ, мнѣ не слѣдовало начинать разговора или спрашивать его о чемъ; надобно было ожидать пока онъ спроситъ, за чѣмъ я пришелъ? Но какъ и послѣ долговременнаго молчанія, я не слышалъ отъ него никакого вопроса, то и рѣшился заговорить. Лишь только я началъ объяснять ему, откуда пришелъ въ Лавру... онъ поспѣшилъ мах-

нуть рукою, какъ будто останавливая меня, и сказалъ: «знаю» и я замолчалъ.

Видя, что онъ не обращаетъ никакого вниманія и даже не глядитъ на меня, я опять рѣшился объясняться съ нимъ, но то-же помаваніе рукою и тоже «знаю» опять остановило меня.

Я недоумѣвалъ, что мнѣ дѣлать и думалъ, не уйти ли отъ него; какъ вотъ отворилась на-стежь дверь и келейникъ несетъ большую доску, уставленную закускою. Я замѣтилъ все, что было подано: хлѣбъ, масло, сыръ, икра, балыкъ двухъ сортовъ; солонка съ солью, ножи, вилки, салфетка; карафинъ, должно быть съ водкою, и рюмка. Тарелки отличнаго фаянса и прочій весь приборъ, какъ и доска, были все не простаго разбора, и можно было замѣтить, что всѣ вещи не изъ употребляемыхъ ежедневно, а подаваемыя для гостей, болѣе чѣмъ простыхъ. Мнѣ еще прежде сказали, замѣтить все, что увижу у него, до послѣдней бездѣлицы.

Поставивъ передо мною доску съ завтракомъ, келейникъ вышелъ. Я терялся въ догадкахъ, отчего отецъ Илія, видѣвши, что я не болѣе какъ послушникъ, принимаетъ меня такъ отлично? Не знаетъ ли отъ отца намѣстника, кто я?... Все-же не великой важности особа, ни по со-

стоянію, ни по происхожденію, ни по личнымъ достоинствамъ. Онъ такихъ видитъ ежедневно.

Находясь въ большомъ замѣшательствѣ, я не зналъ, что дѣлать съ предложеннымъ мнѣ завтракомъ. Отецъ Илія мужъ святой, прозорливый; его одно слово указываетъ на все будущее въ жизни. . . . Я терялся, и тѣмъ еще болѣе усугублялось мое недоумѣніе, что онъ не обращалъ вниманія на принесенное и продолжалъ молчать, склоня голову.

Я не дотрогивался ни до чего. Наконецъ отецъ Илія, указавъ мнѣ рукою на предложенное, сказалъ только: «вамъ; кушайте.» Присемъ не было обычнаго благословенія и, какъ водится у старшаго съ младшимъ, хотя бы крошечку чего отвѣдать, чтобы меньшій свободно могъ, по желанію, что вкушать. Но когда онъ уже указалъ и сказалъ, что это для меня, я рѣшился ѣсть. . . . Но и тутъ я былъ еще въ затрудненіи: изъ предложеннаго, можетъ быть, каждое означало что-либо и имѣло вліяніе на мое будущее. . . . Разсчитывая долго, я взялъ хлѣба и балыка, поспѣшилъ съѣсть, ожидая начала бесѣды съ старцемъ, извѣстнымъ своею готовностію дать наставительный совѣтъ. Послѣ небольшаго этого пріема, я оставилъ завтракъ; отецъ Илія меня не просилъ болѣе и продолжалъ молчать.

Около часа прошло, и я не удостоился отъ него никакого замѣчательнаго слова, почему и рѣшился откланяться. Когда я подошелъ къ нему, онъ привсталъ, поднялъ руку благословить меня,—я рѣшился сказать ему: я желалъ получить отъ вашего высокопреподобія. . . .

—Ненужно . . . Боже васъ благослови . . . подвизайтесь!—

И я вышелъ смущенный, удивленный и нѣсколько огорченный, что не удостоился отъ святаго старца услышать что-либо назидательное.

Старецъ, который совѣтовалъ мнѣ быть у отца Иліи, и которому я разсказалъ о сдѣланномъ пріемѣ, также недоумѣвалъ, выводилъ сходно съ моими мыслями заключеніе, что святый отецъ не благоволитъ ко мнѣ, но—полагалъ онъ— предложеніе въ изобиліи пищи указывало, что мнѣ предстанетъ обязанность кормить большую семью и не безъ заботъ, въ чемъ увѣряло сказанное имъ слово: подвизайтесь.

Отецъ намѣстникъ сказалъ мнѣ, что онъ предлагалъ ему взять меня въ келейные чтецы, но, странно!—прибавилъ онъ:—отецъ Илія тотчасъ остановилъ меня, сказавъ:—онъ не нашъ; ему будетъ другое послушаніе. Тутъ я разсказалъ о странномъ его пріемѣ, значеніе коего также и отецъ намѣстникъ подтвердилъ,

что конечно со мною послѣдуетъ нѣчто необыкновенное и что я не останусь въ Лаврѣ. Основываясь на такомъ заключеніи, отецъ намѣстникъ перемѣнилъ со мною обращеніе, не назначаетъ мнѣ никакого послушанія. Я же, чтобъ не быть праздну, напросился просматривать корректуру церковныхъ книгъ; и вотъ мое занятіе — заключилъ свой разсказъ Валеріанъ, указавъ листы изъ Патерика Печерскаго, лежавшіе у него на столѣ: — не препятствующее мнѣ быть всегда въ службѣ Божіей.»

Проведя нѣсколько часовъ въ дружеской бесѣдѣ съ любезнымъ мнѣ Валеріаномъ, я простился съ нимъ, пожелавъ ему спокойствія въ жизни имъ избранной, и зная его правила, твердость воли и обстоятельства, исторгнувшія его изъ свѣта, увѣренъ былъ, что онъ безъ всякаго колебанія, твердо и постоянно пройдетъ избранный путь. Онъ проводилъ меня за святыя ворота и взялъ слово, при проѣздѣ моемъ чрезъ Кіевъ, непремѣнно видѣться съ нимъ, что я охотно обѣщалъ, какъ и самъ искренно желалъ того.

Случай привелъ меня быть въ Кіевѣ не прежде, какъ чрезъ полтора года; и я побѣжалъ въ Лавру. Полагая, что Валеріанъ постриженъ уже, я отыскиваю его между братіею—и не нахожу. Иду въ типографію и тамъ, послѣ

многихъ справокъ, узнаю, что онъ, годъ тому назадъ, съ благословеніемъ отца намѣстника вышелъ изъ Лавры; но въ другой-ли монастырь, въ міръ-ли возвратился, никто не могъ сказать мнѣ на-вѣрное. Онъ шелъ въ монастырь не по призванію—сказалъ мнѣ одинъ изъ работающихъ въ типографіи:—вѣтромъ мысль нанесло, вѣтромъ и выдуло.—

Не тѣхъ онъ свойствъ—думалъ я, возвращаясь изъ Лавры:—не вѣтеръ ему нанесъ такую рѣшимость . . . Не пожелалъ-ли онъ совершеннаго уединенія и, можетъ быть, удалился въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей . . . Благослови, Господи, его благое намѣреніе!—

Проѣзжая Россію по всѣмъ направленіямъ, если случались мнѣ на пути монастыри, я не оставлялъ изъ нихъ ни одного, чтобы не посѣтить: прилежно всматривался въ иноковъ, разспрашивалъ ихъ о Валеріанѣ, и ни въ одномъ монастырѣ не слышалъ ничего, чтобы подало мнѣ надежду отыскать его. Потомъ, время отъ времени, поселилась во мнѣ мысль, что онъ, снѣдаемый грустію, скорбію, тягостію новой жизни, не могъ перенести своего положенія,—и гдѣ нибудь въ отдаленной, мало извѣстной обители, почилъ съ миромъ. . . .

Исполнивъ долгъ Рускаго дворянина, прослужа до старости, я вышелъ въ отставку и поселился въ деревушкѣ своей въ Черниговской губерніи. Тамъ безвыѣздно прожилъ я лѣтъ пять. Обстоятельства вызвали меня въ Кіевъ, и я пустился туда, въ избѣжаніе лишнихъ издержекъ на лошадей и для спокойнѣйшаго переѣзда, на почтовыхъ.

Хотя я проѣзжалъ въ день не болѣе пятидесяти верстъ или двѣ-три станціи, но переѣздъ въ одномъ мѣстѣ замучилъ меня. Отъ станціи до близьлежащаго города считалось только 25 верстъ, но ямщики говорили мнѣ, что будетъ добрыхъ тридцать, это означало болѣе еще тридцати. Отобѣдавъ, я пустился въ путь, чтобы, тихо ѣхавши, какъ требовало мое слабое здоровье, къ вечеру пріѣхать въ городъ. Но и на пяти верстахъ я замѣтилъ, что мнѣ надобно промучиться въ дорогѣ—весь остатокъ дня и захватить часть ночи, потому что лошаденки были ужасно дрянныя, недружно везшія, упряжь безпрестанно рвалась и мы на каждой верстѣ должны были по крайней мѣрѣ раза четыре остановиться, чтобы исправить оборвавшееся или дать вздохнуть лошадямъ, вязшимъ въ сыпучемъ, глубокомъ песку и падающимъ при взвозѣ коляски моей на песчаные сугробы, безпрестанно встрѣчав-

шіеся на этомъ переѣздѣ.

Жаръ, пыль и почти безпрестанныя остановки, замучили меня. Я, теряя всякое терпѣніе, то и дѣло спрашивалъ, далеко-ли до города? Отвѣты не были утѣшительны. Замѣтивъ время на часахъ, и отъ примѣтнаго мѣста проѣзжая до другаго, я узнавалъ, что мы въ часъ ѣхали не болѣе двухъ верстъ.

Я сердился и ворчалъ на ямщика; но онъ все молчалъ и погонялъ своихъ несчастныхъ скотовъ; наконецъ, уже къ вечеру, въ отвѣтъ на мои упреки, прикрикнулъ и онъ на меня. —Ну, конечно, до города не доѣдемъ, да не великая потеря! Ночевать въ такомъ дрянномъ городишкѣ, бѣда! Вы и куска хлѣба не найдете, и взъѣхать вамъ некуда будетъ, да и меня хозяинъ забранитъ, если вашу колымагу дотащу до самаго города.—

Но мнѣ гдѣ нибудь-же надо ночевать. Не въ этихъ-же пескахъ—сказалъ я.

—Чего же въ пескахъ ночевать, когда вотъ-вотъ скоро дотащимся, и—воля ваша—я далѣе не поѣду, тамъ и заночуемъ.—

Гдѣ-же мы заночуемъ?

—Уже не гдѣ, какъ у добраго пана.—

Кто-же это такой добрый панъ твой?

—А кто его знаетъ! Онъ не только мой, да и для всѣхъ проѣзжающихъ добрый панъ. Ви-

дишь, пане, какая тутъ пропастная дорога: пески да горы, и кругомъ нѣтъ никакого жилья, а отъ нашего села до этого города, знаешь и самъ какъ далеко? И проѣхать безъ устали надобно добрымъ конямъ, а пѣшкомъ пройти безъ отдыху и не говори; дорога же прямо въ Кіевъ, такъ мало-ли тутъ пройдетъ и проѣдетъ народу Божьяго! Мучились, сердечные!—Такъ чтожь этотъ добрый панъ выгадалъ? Онъ на самой дорогѣ выстроился, да и для людей чего-то онъ не настроилъ! И пѣшій и конный, кто утомился, до городу или до села не дойдетъ, иди прямо къ нему: тамъ отдохни хорошенько, кормятъ знатно и тебя и лошадей....

Дорого-же за постой берутъ?

—Куда тебѣ берутъ? Таки ничего. Еще когда бѣдность зайдетъ, такъ и пріодѣнутъ и денегъ тамъ-сколько на дорогу дадутъ; а боленъ, такъ и полечутъ, и вылечатъ, да тогда отпустятъ. Чудный панъ! Вотъ уже будетъ въ царствѣ! Весь народъ, что къ нему идетъ, отъ него выходитъ, всѣ за него Бога молятъ.—

Какъ же вамъ нестыдно, что вы не знаете, кто онъ и какъ зовутъ его?

—А начто знать больше, какъ добрый панъ? Его всѣ такъ знаютъ и молятся: спаси, Господи, добраго пана!... Вотъ уже и недалечко до него. Видите, вонъ показывается хуторъ

его. . . Ну, патыки, чтобъ вы здохли! . . .—
И онъ усердно погонялъ своихъ клячь . . .

Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за песчанаго бугра показался хуторъ или нѣсколько строеній. По одну сторону дороги стоялъ господскій, небольщой домикъ, красивенькой наружности, со всѣми службами, а напротивъ его большой дворъ съ плетневою огорожею. На дворѣ, къ улицѣ лицемъ, стояло длинное строеніе, безъ всякихъ затѣй и прикрасъ, съ небольшими решетчатыми окнами и высокою соломенною крышею. Ямщикъ, не спрашивая позволенія у стоящихъ тутъ людей, взвезъ меня прямо на этотъ дворъ. При выходѣ моемъ изъ коляски, подошелъ ко мнѣ человѣкъ, одѣтый какъ волостной писарь, отличающій себя отъ простаго народа, и на Малороссійскомъ языкѣ привѣтствовалъ меня, и просилъ пожаловать отдохнуть на благородную половину.

Худо вѣря разсказамъ ямщика, съ желаніемъ удостовѣриться и узнать больше слышаннаго, я спросилъ моего провожатаго, найду ли все нужное у него на постоялмъ дворѣ?

—Здѣсь, ваше благородіе, не постоялый—отвѣчалъ онъ и подтвердилъ совершенно сказанное мнѣ ямщикомъ. Мигомъ оправдались слова его: вошла женщина съ кипящимъ самоваромъ и со всею принадлежностію къ чаю. Уставивъ все,

она спросила меня: какой чай кушаю я? Но мнѣ показалось совѣстно отягощать собою великодушнаго хозяина, и я сказалъ, что обыкновенно пью свой чай, и приказалъ подать все свое дорожнее. Приставъ сказалъ, что во всемъ воля моя, и что, въ случаѣ надобности чего проѣзжимъ, у нихъ все запасено. Оставивъ меня заниматься чѣмъ хочу, онъ вышелъ, и я видѣлъ, какъ люди убирали лошадей, коляску мою отвезли въ сарай, а ямщику, поднесши добрую чарку горѣлки, предложили итти поѣсть, на что онъ съ радостью согласился.

Ненужно, кажется, объяснять, что «благородная половина» состояла изъ нѣсколькихъ комнатъ отдѣльныхъ, но, въ случаѣ надобности, нѣкоторыя изъ нихъ соединялись между собою. Въ каждой комнатѣ была софа, могущая служить кроватью, шкафъ, зеркало, столики и стулья; все простое, но содержимое въ отличной чистотѣ. Для простыхъ посѣтителей была особая половина, гдѣ также было все необходимое для нихъ. Служебъ было достаточно; все простое, но удобное; чистота вездѣ отличная.

Вскорѣ вошелъ ко мнѣ приставъ и спросилъ, не прикажу-ли чего изготовить къ ужину? Я началъ разспрашивать о господинѣ его, и приставъ превозносилъ мнѣ доброту и забот-

ливость его о своемъ заведеніи.—Они нарочно все это и устроили для выгодъ и спокойствія проѣзжающихъ и проходящихъ по этой тяжелой дорогѣ—говорилъ мнѣ приставъ.

Кто именно твой баринъ, если можно знать?—

—По чему-же не можно? Они не таятся и, въ случаѣ большаго сбора людей, сами приходятъ и осматриваютъ порядокъ. . . .—

Я желалъ бы отдать ему почтеніе, познакомиться съ нимъ и поблагодарить за такое попеченіе его о насъ дорожнихъ. Можно къ нему итти?

—Для чего-же? очень можно.—

Какъ имя его?—спросилъ я; взявъ дорожній свой картузъ, чтобъ итти къ нему.

—Ихъ зовуть просто: Валеріанъ Степановичь. . . . —

И я уже бѣжалъ къ господскому дому, и внѣ себя отъ радости кричалъ: Валеріанъ! . . . Валеріанъ! Ко мнѣ, ко мнѣ! . . . Это я! . . .

Я нашелъ его сидящаго за чтеніемъ какой-то толстой церковной книги.

Онъ остановился, смотрѣлъ на меня внимательно и, минуты чрезъ двѣ, вскричалъ радостно и бросился обнимать меня. . . . Мы не могли проговорить ни одного слова.

Встрѣтившись съ нимъ нечаянно, конечно

я не узналъ бы его. Я все воображалъ его молодымъ, порхающимъ мотылькомъ въ кругу веселыхъ людей, или въ келіи съ едва отростшею бородкою молодыхъ волосъ; теперь же я увидѣлъ предъ собою старца, правда—бодраго, крѣпкаго, свѣжаго, но съ сѣдыми волосами на головѣ, съ замѣтными морщинами на лицѣ . . . Двадцать пять лѣтъ мы не видались! . . . Припомнивъ объ этомъ, я не удивлялся, что и онъ меня не узналъ.

Не скоро мы могли начать порядкомъ разговоръ, и вотъ что разсказалъ онъ мнѣ о себѣ.

«Ты знаешь, что у меня была сестра за-мужемъ, въ Тульской губерніи. Мужъ ея умеръ, родственники начали тѣснить ее и покушаться на отнятіе у дѣтей ея собственности. Сестра, изложивъ все беззащитное положеніе свое, просила, если я не постригся еще (я писалъ къ ней изъ Лавры уже о намѣреніи моемъ), поспѣшилъ бы пріѣхать къ ней, защитить несчастныхъ сиротъ ея и удержать отцевское достояніе ихъ.

Велико было искушеніе! Страданіе ближнихъ . . . помочи имъ совершенно не отъ кого было получить, кромѣ меня; кто бы, изъ наемныхъ повѣренныхъ, могъ такъ дѣйствовать какъ я? . . . И окончивъ процессъ, можно будетъ

желаніе мое исполнить... Отецъ намѣстникъ лишь только услышалъ вопросъ мой, что мнѣ предпринять въ такихъ обстоятельствахъ, тотъ же часъ началъ требовать, чтобы я оставилъ монастырь и поспѣшилъ на помощь къ сестрѣ.

Все еще не рѣшаясь ни на что, въ большомъ смятеніи, я прошелъ прямо къ отцу Иліи. Я полагалъ, что онъ меня и не узнаетъ уже; но лишь я вошелъ, какъ этотъ чудный старецъ съ удивленіемъ спросилъ меня: «ты еще не уѣхалъ? Поспѣши.» И тутъ же подалъ мнѣ ржаной хлѣбъ и сказалъ мнѣ эти примѣчательныя слова: «подвизайся и хлѣбъ свой раздѣляй съ скорбными.»

Я долженъ былъ выѣхать изъ Лавры. Нашелъ сестру въ большемъ горѣ, принялся хлопотать по дѣламъ ея, защитилъ сиротъ, удержалъ имъ принадлежащее и—похоронилъ ее!... Изъ собственнаго она имѣла вотъ это маленькое имѣньице и денежный капиталъ; какъ же каждый изъ дѣтей ея, оставаясь при отцевскомъ имѣніи, былъ больше нежели богатъ, то сестра упросила меня взять эту деревеньку и деньги, примолвивъ къ тому: «я знаю, ты не одинъ проживешь это, а будешь раздѣлять съ скорбными.» Слова умирающей, такъ сходныя съ словами святаго мужа,—о коихъ, равно какъ и о всей моей монастырской жизни, я никогда не

говорилъ сестрѣ,—слова ея сильно поразили меня, и я невольно принялъ все подаренное ею и тутъ же поклялся употребить все за душу ея.

Небольшая деревенька со всѣми угодьями отсюда верстахъ въ четырехъ; доходъ съ нея, по моему распоряженію, достаточный. Здѣсь же, на этихъ пескахъ, былъ постоялый дворъ, приносившій самый ничтожный доходъ.

Въ одинъ день, изъ своей деревеньки, я пріѣхалъ обозрѣть его и придумать какъ бы устроить его прочнѣе. День былъ жаркій; пески раскаленные; богомольцы шли въ Кіевъ толпами; они не могли дѣлать отдыховъ: у нихъ расчислено во сколько дней должно было дойти, а день Успенія приближался. Прискорбно было смотрѣть на нихъ, утомленныхъ до крайности, дѣлающихъ послѣднія усилія дойти скорѣе до колодца на постояломъ дворѣ! Нѣкоторые изъ нихъ были такъ изнурены, что упадали на дорогѣ и поручали своимъ принести воды. Утоливъ жажду и отдохнувъ на жарѣ солнечномъ и горячемъ пескѣ —какой отдыхъ!—нѣкоторые поднимались и снова пускались въ путь. При нѣкоторыхъ партіяхъ были тележки, пустыя, безъ всякой поклажи; тележки эти взяты были на случай кто-бы изнемогъ вовсе или заболѣлъ, такъ можно было-бы подвезти пока; а всѣ свои дорожніе запасы каждый

несъ на себѣ. И такую пустую тележку измученная кляча едва могла тащить въ такой жаръ по сыпучему песку.

Я задумался о бѣдствующихъ подвижникахъ. Что дѣлаетъ вѣра! Имъ легокъ этотъ трудъ, усладительны бѣдствія! О постигшихъ они не думаютъ, равнодушно ожидаютъ новыхъ могущихъ случиться—потому, что дали обѣтъ все претерпѣть, все перенести, достигнуть желаемаго, вступить въ святую обитель, поклониться святынѣ, облобызать нетлѣнныя тѣла видимыхъ угодниковъ Божіихъ, принести покаяніе въ грѣхахъ своихъ—и по вѣрѣ ихъ все дастся имъ. Ихъ подвиги, ихъ моленія, смягчаютъ гнѣвъ Божій, раздражаемый людьми образованными, ведущими жизнь сообразно просвѣщенію! . . .

Желая сколько нибудь доставить облегченіе утомленнымъ, алчущимъ, жаждущимъ и другія непріятности терпящимъ путникамъ, я приказалъ пригласить ихъ въ дворъ, кому нужно было, ввелъ въ домъ, предложилъ пищу, питье, отдыхъ . . . и имѣлъ наслажденіе видѣть гостей моихъ въ полномъ удовольствіи. Подкрѣпя нѣсколько силы свои, они пускались въ путь . . . благодаренія и благословенія ихъ не умолкали . . . Вновь приходящіе были также зазываемы и угощаемы. Запасъ постоялаго двора скоро

истощился; за необходимымъ я послалъ въ домъ и всѣмъ распоряженіемъ занимался до глубокаго вечера.

Выславъ изъ дому что нужно было для угощенія странниковъ, оставленныхъ мною ночевать на постояломъ дворѣ, и что необходимо будетъ для вновь приходящихъ въ теченіе дня, потому что я просилъ всѣхъ заходящихъ ко мнѣ, объявить всѣмъ по этой дорогѣ идущимъ и ѣдущимъ, если будутъ имѣть въ чемъ надобность, заходить прямо на мой постоялый,— я началъ расчислять, сколько бы мнѣ потребно было издержать въ годъ на угощеніе такихъ гостей? Полагая все въ большемъ размѣрѣ, я съ восторгомъ увидѣлъ, что годоваго моего дохода отъ капитала и имѣнія весьма достаточно на исполненіе намѣренія моего. На другой день, продолжая угощать странствующихъ, я принялся устроивать новое заведеніе мое. Необходимыя строенія, какъ незатѣйливыя, скоро поспѣли; запасы заготовлены, люди прінсканы, все шло отлично хорошо . . . но вездѣ нуженъ былъ мой глазъ, мой голосъ и часто мои руки; чужому управленію и присмотру я не могъ ввѣрить; а совѣсть какъ будто напоминала мнѣ объ исполненіи обѣта быть монахомъ. Для приведенія всего въ согласіе, я поѣхалъ въ Кіевъ.

7.

Схимнику, такъ много тогда (въ 1810 году) извѣстному святостію своею, я открылъ душу свою,—и вотъ что онъ сказалъ. «Каждый призванъ работать въ вертоградѣ Христовомъ по силамъ и способностямъ своимъ. Иному десять талантовъ, иному одинъ. Въ мірѣ, для спокойства и блага ближнихъ, нуженъ учитель, воинъ, правитель, судія, писатель, художникъ, земледѣлецъ, духовный. Блаженъ кто дѣлаетъ талантъ свой, а не скрываетъ его въ землю. Но горе всѣмъ, дѣлающимъ дѣло свое съ небреженіемъ и ради своей лишь выгоды. Ты былъ бы монахъ полезный для себя только. Въ вертоградѣ Христовомъ, въ мірѣ семъ, нужно работать для всѣхъ. И чаша воды, поданная жаждущему, есть дѣланіе. Имѣешь ее, не храни для себя, предлагай нуждающемуся. Промыслъ Божій, чрезъ праведную сестру твою, далъ тебѣ возможность быть полезнымъ для ближнихъ, и словами ея и старца указалъ средство. Иди, дѣлай тамъ, куда призванъ; не скрывай таланта, не думай лишь только о себѣ, будь полезенъ ближнимъ.»

Напутствовавъ благословеніемъ, святой мужъ отпустилъ меня, и съ тѣхъ поръ я уже неотлученъ при своемъ заведеніи. Богъ видимо благословилъ желаніе мое. Способы къ содержанію не оскудѣваютъ, странствующіе не умаляются,

и я вкушаю неизъяснимое удовольствіе. Иногда вспоминаю о *ней* со всѣмъ чистымъ спокойствіемъ, и удивляюсь мудрому и благому Промыслу, дѣйствіемъ жестокимъ, какъ казалось тогда, приведшему меня къ мирной и безмятежной жизни. . . .»

Не смотря на старость мою, я еще часто навѣщаю моего любезнаго Валеріана.

ОСНОВЬЯНЕНКО.

ТОПОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ
КІЕВЛЯНИНА.

I.

О мѣстѣ села Предславина на Лыбеди.

Лыбедь, на которой по свидѣтельству Нестора, и въ его время находилось село Предславино, обтекаетъ Кіевъ съ западной его стороны и впадаетъ въ Днѣпръ за Выдубицкимъ монастыремъ. Въ старые годы эта рѣчка была многоводнѣе, чѣмъ теперь. Монастыри Кіевскіе, особенно въ 17 вѣкѣ, получали значительный доходъ отъ своихъ мельницъ, приводимыхъ въ движеніе волнами этой рѣчки; а лѣвый берегъ ея доставлялъ лучшій кирпичь для церквей и зданій Кіевскихъ.

Въ древнее время на Лыбеди совершилось нѣсколько битвъ, изъ которыхъ особенно памятна междоусобная битва Рускихъ Князей 1146 года у *Шелвова борку,* послѣ которой Князь Игорь Ольговичь схваченъ былъ въ болотѣ, гдѣ увязъ конь его, содержался сперва въ Выдубицкомъ, потомъ въ Переясловскомъ монастырѣ и вскорѣ потомъ постригся въ монахи. Этотъ борокъ и древнее сельцо *Шелво-*

вое очень могутъ быть полагаемы на мѣстѣ, называемомъ теперь *Шулявщиною*. Тамъ теперь находится загородный митрополичій домъ и Шулявская роща, которая лѣтъ за десять передъ симъ была густа и тѣниста. Ежегодно 1-го Мая собираются туда Кіевскіе жители на гулянье. Но многіе ли изъ гуляющихъ знаютъ и вспоминаютъ о томъ, кто за 115 лѣтъ насадилъ эту рощу и основалъ здѣшній загородный домъ,—о злополучномъ Кіевскомъ Архіепископѣ Варлаамѣ Ванатовичѣ? . . . [1]

Но Лыбедь особенно примѣчательна тѣмъ, что на ней соединяются воспоминанія о Русскихъ княжнахъ и княгиняхъ изъ временъ еще отдаленнѣйшихъ. Такъ, самое древнее преданіе о Кіевѣ украсило эту рѣчку именемъ Лыбеди—сестры трехъ братьевъ, коихъ именами запечатлѣны три горы, составлявшія ихъ мѣстопребываніе. Замѣтимъ, что и на Лыбеди, при ея впаденіи въ Днѣпръ, есть красивая гора, называемая *Дѣвичь-горою*. Подъ нею есть источникъ *Лукарецъ*, разливавшійся въ небольшое озеро; былъ тамъ еще протокъ, называвшійся *Живцемъ;* а нѣсколько далѣе впадаетъ въ Днѣпръ небольшая рѣчка *Любка*, надъ кото-

[1].—См. Описаніе Кіевософ. Собора и Кіевской Іерархіи. К. 1825. стр. 128.

рою находилось издревле сельцо Багриново. Мѣстоположеніе и названіе Дѣвичь-горы такія романическія, что ее очень бы можно избрать въ жилище для сестры перваго Кіевскаго Князя; а въ стихотворной сказкѣ Подолинскаго говорится, что на Дѣвичь-горѣ (неизвѣстно впрочемъ, на этой ли самой) когда-то былъ и теремъ, и много чуднаго тамъ происходило. Но мы, изъ старинныхъ монастырскихъ записей, узнали только то, что эта Дѣвичь-гора на Лыбеди принадлежала, въ 12-мъ или въ началѣ 13-го вѣка, княгинѣ *Иринѣ,* и подарена ею Михайловскому Золотоверхому монастырю. Лѣтописи, кажется, не упоминаютъ объ этой княгинѣ; но ея имя осталось надолго въ монастырскомъ названіи Дѣвичь-горы—горою или землею *Орининскою.*

Еще болѣе достойно воспоминанія на Лыбеди село *Предславино.* Въ этомъ селѣ жила Владимірова жена Рогнѣда, и здѣсь она, въ 985 году, разыграла такъ занимательно трагическую сцену съ своимъ Княземъ-богатыремъ.

По мнѣнію Карамзина, Владимірова дочь Предслава была отъ Рогнѣды: слѣдственно, родилась въ этомъ селѣ, которое потому и названо было ея именемъ. Судьба княжны Предславы была горьше, чѣмъ судьба ея матери, прозванной *Гориславою.* За эту княжну сватался

Польскій Король Болеславъ Храбрый; но Князь Ярославъ отказалъ ему въ рукѣ родной сестры своей. Руской княжнѣ вѣроятно не по мысли былъ этотъ женихъ, который воевалъ съ отцемъ ея (992), помогалъ преступному ея брату Святополку, а къ тому еще такъ былъ «великъ и толстъ, яко и на кони немогый сѣдѣти» по выраженію лѣтописца. Однако Предслава не избѣгла своего жребія: въ 1018 году, она досталась въ жертву мстительной страсти Болеславовой и увезена была въ Краковъ.

Нельзя однакожь утвердительно полагать, что село Предславино названо было по имени Владиміровой дочери. Оно могло принадлежать еще той Предславѣ, сродницѣ Игоревой, коея посолъ Коницаръ находился въ Кіевскомъ посольствѣ въ Царьгородъ 944 года.—Отъ кого-бы впрочемъ ни получило свое имя село Предславино; но оно ознаменовано частымъ пребываніемъ Великаго Владиміра и вѣроятно было нѣкоторое время любимѣйшимъ его мѣстомъ въ окрестности Кіева. По этому въ особенности и желательно бы опредѣлить, гдѣ именно находилось это село?

На Лыбеди не осталось имени Предславина; а остатки жилья, въ нѣсколькихъ мѣстахъ на Лыбеди находимыя, не могутъ быть въ семъ случаѣ показателями: и предположеніе, что

Предславино находилось близъ Васильковской дороги по сю сторону Лыбеди, произвольно. Единственными указателями въ семъ случаѣ остаются старинныя названія урочищь.

Невдалекѣ отъ Стараго Кіева, за Лыбедью, есть земля, называемая *Борщовскою;* она подарена Золотоверхому Михайловскому монастырю *ктиторомъ* онаго—Великимъ Княземъ Святополкомъ-Михаиломъ. Въ записяхъ 16-го вѣка границы ея описываются слѣдующимъ образомъ.

«Почавъ отъ *тѣсныхъ улицъ* къ *Владиміровой грушѣ,* отъ груши старою дорогою къ Жилянскимъ лозамъ, отъ лозъ на курганъ Жилянскій, отъ кургана къ Борщовкѣ, Борщовкою внизъ около селища Борщовскаго въ луговину, луговиною къ вербамъ вверхъ и къ дорогѣ Борщовской, дорогою Борщовскою вверхъ Лыбеди икъ гаткѣ, отъ гатки вверхъ въ долину глубокую, изъ глубокой долины на *старое путище,* путищемъ опять къ тѣмъ улицамъ.»

Названія упомянутыхъ здѣсь урочищь приводятъ насъ къ мысли: не въ этихъ ли мѣстахъ находилось село Предславино? Возлѣ этого села безъ сомнѣнія былъ садъ, гдѣ находилась груша, подъ которою можетъ быть особенно любилъ отдыхать Владиміръ, послѣ богатырскихъ своихъ подвиговъ: и ее назвали *Владиміровою грушею,* а потомъ это имя осталось надолго и

на запустѣломъ урочищѣ. На урочищѣ *тѣсныхъ улицахъ* можетъ быть находилась самая застроенная часть села; а *старое путище,* ведущее черезъ глубокую долину къ тѣснымъ улицамъ, не было ли тою дорогою, по которой Владиміръ ѣзжалъ къ своей Рогнѣдѣ, и которая послѣ 985 года стала для него уже немилымъ путемъ и вѣроятно была имъ оставлена?—Тогда любимѣйшимъ загороднымъ мѣстомъ для Великаго Князя сдѣлалось село Берестовое, возлѣ котораго совершилось и возникло такъ много святаго послѣ крещенія Владимірова.

II.

О мѣстѣ Туровой Божницы.

«И паки совокупившеся вси Кіяны
у Туровы божницы....»

Воскрес. Лѣтоп.

По сказанію Степенной книги, первая церковь, поставленная св. Владиміромъ въ Кіевѣ, была церковь во имя мученика Турова при Днѣпрѣ, гдѣ крещенъ народъ Кіевскій, на мѣстѣ называемомъ *святымъ.*—Митрополитъ Ев-

геній [2] сомнѣвался въ имени *Турова*, и предполагалъ: не во имя ли *Өеодора Тирона* была та церковь? Мы думаемъ однакожь, что названіе оной церкви было — *Турова церковь;* но только называлась она такъ по имени *Тура,* а не *Турова.* Кому принадлежало сіе имя—это остается пока историческою загадкою; но названіе Туровой церкви подтверждается неоспоримо названіемъ *Туровой божницы,* упоминаемой въ лѣтописяхъ подъ 1146-мъ годомъ. Однозначительность этихъ двухъ названій заставляетъ насъ думать, что они принадлежали одному и тому же зданію; да и нѣтъ, кажется, причины предполагать противное. На какомъ-же именно мѣстѣ находилась божница или церковь Турова?—

Святымъ мѣстомъ и по-нынѣ называется въ народѣ мѣсто Крещатицкаго источника, противъ коего древняя Почайна вливалась въ Днѣпръ. Тамъ всего естественнѣе было св. Владиміру поставить церковь, въ память крещенія 12-ти сыновей своихъ и народа Кіевскаго. Потому почти несомнѣнно можно полагать, что бож-

[2].—Въ Описаніи Кіевософ. Собора, стр. 5.—Въ харатейныхъ Прологахъ 14-го вѣка сказано, что мѣсто крещенія на рѣкѣ Почайнѣ издревле именуется *святымъ*, гдѣ стоитъ церковь *Петрова*.... Въ свою очередь мы могли бы предположить: не поставлено ли здѣсь названіе *Петрова*, вмѣсто *Турова*, по недоумѣнію писца объ этомъ имени? . . .

ница или церковь Турова, находилась возлѣ Крещатицкаго источника. [3]

Такимъ образомъ опредѣляется мѣсто и того народнаго вѣча, которое въ началѣ Августа 1146 года происходило у божницы Туровоіі, и на которомъ Кіевскій престолъ былъ отданъ Князю Игорю, воспріявшему чрезъ годъ вѣнецъ священномученика.

Теперь на этомъ святомъ мѣстѣ возвышается довольно красивый памятникъ св. Владиміру, построенный Кіевлянами въ 1802 году, [4] и въ каждую Среду Преполовенія совершается туда крестный ходъ изъ Софійскаго Собора, и освящается вода Крещатицкаго источника, къ которому и во всякое время приходитъ народъ съ вѣрою въ его цѣлебное свойство.

Живописное удолье, въ глубинѣ коего, надъ Днѣпромъ, находится сіе достопамятное мѣсто, составляетъ нынѣ почти единственный уголокъ земли Старокіевской, сохраняющій на себѣ свой древній, природный видъ. Потому жела-

[3].—Въ томъ мѣстѣ и означена предположительно Туровская церковь на чертежѣ древняго Кіева, приложенномъ къ первой книгѣ Кіевлянина.

[4].—Отъ нѣкоторыхъ старожиловъ Кіевскихъ мы слышали, что при построеніи сего памятника, найденъ былъ въ землѣ обломокъ серебряной руки по локоть съ сжатыми и что-то державшими перстами, и что эта рука взята была въ магистратъ, гдѣ и оставалась... вѣроятно до пожара.

тельно, чтобы и на будущее время не трогала его преобразовательная рука человѣка; и если суждено ему когда нибудь измѣниться въ своемъ видѣ, то пусть измѣняетъ его сама природа; а она себя не испортитъ.

III.

О мѣстѣ Витичева холма.

При въѣздѣ въ Кіевъ Днѣпровскою заставою, на лѣвой сторонѣ отъ нея возвышается живописный холмъ, у подошвы коего протекаетъ Неводницкій потокъ. Нѣкоторые этотъ холмъ называютъ теперь *Витичевымъ*. Но это древнее имя придано ему не далѣе какъ за 20 лѣтъ; и онъ обязанъ за то Кіевскому топографу Берлинскому. [8] Въ самомъ-же дѣлѣ Витичевъ холмъ, о которомъ говорится въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ, на которомъ былъ въ 10-мъ вѣкѣ городокъ *Витичевъ,* а въ концѣ 11-го построенъ былъ городокъ *Святополчь*—находится хотя на правомъ берегу Днѣпра, но гораздо ниже Кіева, за Трипольемъ. Объ немъ мы будемъ со временемъ говорить особо.

Что же касается до мнимаго Витичева холма

[8].—См. его Краткое Опис. Кіева. Спб. 1820. стр. 183.

подъ Кіевомъ, то его должно называть *Неводницкимъ холмомъ;* ибо весь этотъ участокъ земли назывался изстари *Неводичами,* отчего и долина, и озеро въ ней, и выходящій оттуда потокъ, и возлѣ него идущая дорога— называются *Неводницкими.* На Неводницкомъ потокѣ смежались владѣнія Печерскаго и Выдубицкаго монастыря, и такое сосѣдство ихъ иногда подавало поводъ къ размолвкамъ. Но 1-го Мая 1613 года въ Неводичахъ «сталасе певная угода и пріятельское померкованье» между Печерскимъ Архимандритомъ Елисеемъ Плетенецкимъ и Уніатскимъ Выдубицкимъ игуменомъ Антоніемъ Грековичемъ. Для совершенія этой *угоды,* въ назначенный часъ съѣхались туда прошеные отъ обѣихъ сторонъ *пріятели*— Михайло Мышка Холоневскій, подвоеводій Кіевскій, Теодоръ Елецъ, хоружій Кіевскій, и Ѳеодоръ Сущанскій Проскура, Кіевскій земскій писарь; прибылъ туда и самъ Антоній Грековичь, а отъ Плетенецкаго присланъ былъ Печерскій экономъ отецъ Ѳеодосій. По разсмотрѣніи дѣла, прошеные пріятели написали и подписали *листъ компромисъ* оной пріятельской уваги, въ удовлетвореніе Выдубицкаго игумена, позывавшаго въ судѣ на Архимандрита Печерскаго; а причина этого позва состояла въ слѣдующемъ. Въ 1612-мъ году, Гре-

ковичь отъѣхалъ на Волынь и тамъ пробылъ довольно долго на *послугахъ* Митрополита своего Ипатія Потѣя или Поцѣя. Въ его отсутствіе, 10 Августа Печерскіе служители обтрусили груши, деренъ и другія овощи въ Неводницкихъ садахъ, которые они считали своими; а 12-го Августа въ ночь—Марко Шпакъ, Мишка Терешченко, Гришка Возовый, Ѳедоръ Труханенко со многими другими Печерскими подданымп, учинили *инвазію* и на самый Выдубицкій монастырь, отбили ворота, «сторожа Хилка окрутне кіями сбили . . . церковныя рѣчи розжаковали,» а потомъ еще и «овоцъ въ монастиру потрясши, незвычайне побрали.»

Въ концѣ листа - компромиса написано: «дѣялосе на месцу Рожницъ, тамъ где делится долина Зверинская Неводичи, зъ озерка поточкомъ зъ ровчакомъ въ Затонъ идучимъ, року Божого Нарож. 1613 мѣсяца Мая 1 дня.»

Затономъ встарину называлось довольно большое озеро, простиравшееся вдоль Днѣпра отъ устья Неводницкаго потока къ Выдубицкому монастырю, которому доставляло оно большое обиліе рыбы. Въ послѣдствіи, кажется подъ исходъ 17-го вѣка, это озеро поглощено Днѣпромъ, почему и потокъ сталъ впадать непосредственно въ Днѣпръ; и въ томъ мѣстѣ, съ началомъ 18-го вѣка, учредилась *Неводницкая пристань*,

и устроена (1702 г.) переправа через Днѣпръ по мосту. Что касается до *озерка* въ Неводницкой долинѣ, изъ коего вытекаетъ потокъ, то оно прозвано потомъ было, неизвѣстно по какому случаю, *проклятымъ озеромъ*. Подъ этимъ именемъ упоминается оно въ первый разъ въ дѣлахъ 1694 года.

IV.

Копыревъ конецъ.

Упомянутый топографъ Кіева сдѣлалъ еще ошибку—въ опредѣленіи мѣста, называвшагося въ древности *Копыревымъ концемъ*. По его словамъ, Копыреву концу должно быть въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Цареконстантиновская улица. [*] Но въ лѣтописяхъ говорится опредѣлительно гдѣ находился Копыревъ конецъ; напримѣръ: 1161 г. 6 Марта—«повелѣша нести тѣло его (Изяслава) въ монастырь къ Семіону, иже есть въ Копыревѣ конци.» А монастырь и церковь св. Симеона, какъ извѣстно, находились на горѣ Вздыхальницѣ; слѣдственно, имя *Копырева конца* принадлежало той части города, гдѣ находится оконечность Старокіевской горы, надъ которою теперь высится Андреевская церковь, и

*.—Тамъ же, на стр. 187.

около которой спускается издревле взвозъ на Подолъ, называемый нынѣ Андреевскимъ взвозомъ. Разумѣется, что къ Копыреву концу принадлежало и окружное подгорье. Такъ и означенъ, на нашемъ чертежѣ Стараго Кіева, этотъ конецъ Старокіевской горы, называвшійся въ 16-мъ и 17-мъ вѣкѣ *Уздыхальницею.*

При поворотѣ Андреевскаго взвоза на Подолъ, берутъ изъ горы Вздыхальницы песокъ отличной бѣлизны. Но за 200 лѣтъ не однимъ бѣлымъ пескомъ примѣчательно было для Кіева подгорье Вздыхальницкое. Тамъ была въ то время школа, заведенная отцами Езуитами. Мѣсто этой школы должно быть особенно памятно для Кіевскаго Богоявленскаго Братства. Возникшая при этомъ Братствѣ духовная школа была какъ бѣльмо на глазу для учителей Вздыхальницкихъ, и они всячески стремились сокрушить этотъ зародышъ поныне славной Академіи Кіевской. Это стремленіе усилилось особенно съ 1632 года, когда Петръ Могила сталъ *старшимъ Братомъ, опекуномъ, смотрителемъ и защитникомъ* сего училища, когда онъ въ 1633 году возвратился въ Кіевъ съ утвердительною грамотою новаго Короля Владислава IV-го для сей школы, началъ именовать ее *коллегіею* и завелъ въ ней полный курсъ наукъ, по примѣру коллегій Езуитскихъ.

Преподаваніе наукъ въ Братской коллегіи было также на Латинскомъ языкѣ, какъ и у Езуитовъ: и они, воспользовавшись симъ обстоятельствомъ, въ 1633 году распустили слухъ между Кіевскими жителями, что ихъ дѣтей въ Богоявленской школѣ обращаютъ въ латинство, что тамошніе учители уніаты, не православные. А обращеніемъ въ латинство и уніатствомъ такъ былъ напуганъ и раздраженъ Южнорускій народъ въ тѣ времена, что клевета, пущенная Езуитами, сильно взволновала жителей Кіевскихъ, и грозная туча не замедлила собраться надъ Богоявленскою школою. «Отсюда—какіе перуны, какіе громы разразились надъ нами!» говоритъ Сильвестръ Коссовъ, [7] бывшій тогда учителемъ иностранныхъ языковъ въ Богоявленской школѣ, а въ послѣдствіи Митрополитомъ Кіевскимъ. «Никакое перо подробно описать того не можетъ. То было такое время, что мы, приготовясь къ смерти исповѣдію, съ часу на часъ ожидали, какъ Князья станутъ начинять нами Днѣпровскихъ осетровъ, или какъ одного огнемъ, а другаго мечемъ отправятъ на тотъ свѣтъ. Наконецъ Сердцевѣдецъ Богъ, видя невинность

[7].—См. его сочиненіе: *Екзегезисъ,* т. е. изслѣдованіе дѣла объ училищахъ Кіевскихъ и Винницкихъ, въ коихъ учатъ монахи Греческаго исповѣданія.—Эта книжечка, содержащая въ себѣ опроверженія клеветъ Езуитскихъ, написана на Польскомъ языкѣ и напечатана въ Кіевопечерской Лаврѣ 1635 года.

нашу и настоятельную потребность наукъ для Рускаго народа, разсѣялъ облака ложныхъ мнѣній, остановилъ испаренія, производившія сію грозу, такъ что всѣ увидѣли въ насъ истинныхъ сыновъ Восточной Церкви. . . . Послѣ сего, по особенному милосердію и благости Всевѣдущаго Господа, обыватели и другихъ городовъ стали наполнять наши *Аполлоновы житницы* дѣтьми своими, какъ муравьями, притомъ въ большемъ числѣ, чѣмъ прежде при нашихъ предшественникахъ, кои всѣ безпрерывно учили по-Латинѣ.»

Не смотря и на то, Езуиты не переставали разсѣвать клевету на учителей Богоявленскаго Братства; но Богданъ Хмельницкій успѣшнѣе всѣхъ искоренилъ эти плевелы: въ 1648 году онъ выгналъ навсегда Езуитовъ изъ Кіева и самое гнѣздо ихъ на Вздыхальницѣ разорилъ до основанія.

Въ то время опустѣла было и Богоявленская коллегія; ибо питомцы высшихъ классовъ ея, увлеченные потокомъ Козацкаго ополченія, ушли на ратное дѣло. Однако *житницы Аполлоновы* скоро опять наполнились ими, какъ муравьями,—и Латинь, за которую Братская школа довольно потерпѣла отъ латинщиковъ, процвѣтала въ ней неувядаемо.

V.

Латинскіе стихи Θеофана Прокоповича на мѣстоположеніе Кіева.

Вотъ образецъ академической игры въ Латинскіе стихи. Эти варіаціи на тему: у Кіева съ востока Днѣпръ, а съ запада горы—написаны искусною рукою знаменитаго питомца Кіевской академіи: потому для читателей Кіевлянина конечно любопытно будетъ узнать объ нихъ. *

DESCRIPTIO

SITVS VRBIS KIIOVIÆ, QVOD NEMPE HAEC AB ORIENTE FLVVIO BORISTHENE ALLVITVR, AB OCCIDENTE VERO MONTIBVS TVMET, QVOD VNOQVOQVE DISTICHO BIS DECIES EXPRESSVM EST.

Amne Boristhenio sonat urbs qua Lucifer exit:
Montibus assurgit, qua trahit umbra Diem.
Occiduas urbis cinxere cacumina partes:
Oppositum Aurora perluit unda latus.
Montibus objecta est sero venit hæsperia unde:
Perstrepit urbs fluvio Phosporus unde venit.
Vnda pulsantur primum spectantia Solem:
Hæsperiam versus, mænia monte tenent.

*.—Вѣроятно немногіе изъ нашихъ читателей знали о существованіи этихъ стиховъ въ Θеофановой книгѣ: Miscellanea Sacra. Wratislaviæ, 1744.

Pars natat urbis aquas solem qua spectat Eoum:
Multus in occidua mons regione tumet.
Qua primos radio folis videt, imminet Amni:
Qua videt extremos urbs tenet alta juga.
Surgentem spectans solem urbs fremit amne propinquo:
Assurgit celsis quæ cadit ille jugis.
Solis ab exortu ferit unda Boristhenis urbem:
Mons, sed ab occidua mænia parte tegit.
Prima natare Diem vicinis fluctibus urbem:
Vltima montosum tergus habere videt.
Vnde Dies surgit, fluvius præterfluit vrbem:
Hæsperia multus parte tuetur apex.
Vndosa est facies urbis, quæ spectat ad ortum:
Sed serum spectans est scopulosa Diem.
Larga fluenta tenet, roseum qua perspicit ortum.
Vrbs sed ab occasu culmina montis habet.
Vnde venit Tytan allabitur ædibus amnis:
Montis consurgunt culmina, quo ille cadit.
Ortum undosa Diem videt urbs, sed monte superbit:
Qua videt occidui folis abire jubar.
Solis ad occasum vertit terga ardua montis
Vrbs: orientalem sed lavat amne plagam.
Mænia flumen adit, Tytan solet unde venire:
Mons obstat, madidis mox venit unde rotis.
Tergus ad occasum, faciem urbs conuertit ad ortum:
Hanc munit fluvius plurimus illud apex.
Montibus occiduo munita urbs clymate multis:
Currit ab Eoa plurima parte Tethis.
Surgenti Soli vicinum urbs objicit Amnem:
Occiduum superat monte frequente Diem.

О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ЧЕРВОНО-РУСКИХЪ.

Съ легкой руки Котляревскаго—сочинителя перелицёванной Энеиды, Наталки-Полтавки и прекрасной пѣсни: «вѣють вѣтры, вѣють буйни», давно сдѣлавшейся народною—нашъ Малороссійскій или Южнорускій языкъ пошелъ успѣшно въ литературное дѣло; а князь Цертелевъ въ добрый часъ проложилъ первый путь Малороссійскимъ народнымъ пѣснямъ для дальнѣйшаго хода ихъ по Словенскому міру. У насъ, особенно въ истекшее десятилѣтіе, появилось значительное количество литературныхъ произведеній въ стихахъ и прозѣ на языкѣ Малороссійскомъ. Между ними первое мѣсто занимаютъ повѣсти Грицька Основьяненка, превосходныя по своему составу и по своему выраженію живому, вполнѣ народному.

Въ послѣдствіи мы представимъ нашимъ читателямъ обозрѣніе всего, что вышло у насъ, преимущественно изъ Харькова, на языкѣ Малороссійскомъ; а теперь извѣстимъ ихъ о начаткахъ литературной дѣятельности на томъ же языкѣ, но возникшихъ на другомъ, противоположномъ концѣ Южной Руси, отдѣленномъ

отъ насъ разлучнымъ Днѣстромъ. Я разумѣю стихотворенія, которыя въ послѣднія пять лѣтъ (1835—39) написаны Галицкими Русинами и напечатаны во Львовѣ, Перемышлѣ, Вѣнѣ и Будимѣ.

Червоная или Галицкая Русь, не смотря на ея пятивѣковое политическое отчужденіе отъ великаго Рускаго міра, все близка для Рускаго сердца и особенно для Кіева. Она близка для Кіева не одними историческими воспоминаніями о той тѣсной государственной связи, въ какой были они за пять вѣковъ, когда Карпатскія горы *подперты* еще были *желѣзными полками* Рускихъ Князей, [1]—о томъ церковномъ единствѣ, въ которомъ пребывали они долго, и по утратѣ Галичемъ Государственнорускої жизни,—о томъ взаимномъ общеніи по дѣламъ вѣры и просвѣщенія, которое велось между ними, когда и Кіевъ былъ подъ Короною Польскою,—и о той горькой чашѣ вѣрогоненія, которую Кіевъ за-одно съ Червоною и всею Западною Русью испилъ подъ владычествомъ Польши.

[1].—Выраженіе изъ пѣсни о полку Игоревѣ, гдѣ древнее величіе Галича изображено въ лицѣ Галицкаго Князя Ярослава Осмомысла:—высоко сидишь на своемъ престолѣ златокованномъ; ты подперъ горы Угорскія своими полками желѣзными, заградивъ путь Королю, затворивъ ворота Дунаю, кидая громады черезъ облака,—суды рядя до Дуная. Грозы твои по землямъ текутъ; отворяешь ворота Кіеву; съ золотаго отцовскаго престола стрѣляешь ты Салтановъ за землями дальними!—

Эта чаша истощилась только съ раздѣломъ Польскихъ владѣній: тогда большая часть Западной Руси возвратилась изъ-подъ Короны Польской опять подъ царственный Вѣнецъ Мономаха,—и только Червоная Русь досталась на долю Австріи, въ составѣ которой покоится и теперь, вмѣстѣ со многими другими землями Словенскими. Но и теперь она близка для Кіева по ихъ народному, кровному единству: ибо коренной народъ Червоной Руси и теперь тотъ же, что и прежде былъ;—таже Руская рѣчь звучитъ за Днѣстромъ, что и на Днѣпрѣ;—на томъ же языкѣ народная пѣснь оглашаетъ Карпатскія горы и раздается по Украинскимъ степямъ и берегамъ Черноморскимъ. Въ Кіевѣ, наконецъ, объ имени Галича напоминаетъ непрестанно и служеніе церковное—молитвеннымъ возглашеніемъ къ Творцу о Митрополитѣ *Кіевскомъ и Галицкомъ*. Потому-то для Кіева особенно пріятно возобновленіе и литературной дѣятельности на Рускомъ языкѣ у нашей Заднѣстрянской братіи. Стихотворные опыты ихъ не такого еще достоинства, чтобы подвергать ихъ строгому суду критики:

«Они безъ пышнаго сіянія
Едва примѣтны красотой....»

Но за то эти первоцвѣтки Червоноруской Музы также радуютъ собою Кіевлянина, какъ весен-

ная мурава на проталинахъ,—какъ первые подснѣжники, когда засинѣютъ они на горахъ Кіевскихъ.—

Образованный классъ Червонорускаго народа составляетъ духовенство; ибо дворянство и тамъ, еще за Польскихъ Королей, отстало отъ своей народности и отъ вѣры своихъ предковъ. Юное поколѣніе Галицкаго духовенства получаетъ свое образованіе въ семинаріи Львовской и въ особо для него учрежденномъ Вѣнскомъ конвиктѣ. Потому и стихотворенія, о которыхъ мы говоримъ, написаны питомцами сихъ двухъ заведеній. Эти стихотворенія сочинены большею частію на разные случаи, болѣе или менѣе торжественные, и напечатаны отдѣльными брошюрами. Тѣ изъ нихъ, которыя изданы въ Галиціи (во Львовѣ— *въ заведеніи Ставропигійскомъ,* и Перемышлѣ *въ друкарнѣ Рускаго Епископа),* напечатаны Словеноцерковными буквами, что придаетъ имъ пріятный видъ родной старины, воспоминаніемъ о которой оживляются и самыя пѣснопѣнія. Къ числу этихъ Червонорускихъ изданій принадлежатъ стихотворныя брошюры: Лѣвицкаго, Устіановича и Могильницкаго.

Іосифъ Лѣвицкій, парохъ или священникъ Школьскій, извѣстный своею граматикою Мало-

россійскаго языка, (изданною на Нѣмецкомъ во Львовѣ 1834 года) съ неменьшимъ успѣхомъ подвизается и на лирическомъ поприщѣ. Намъ извѣстны три его Стиха: [2]

Стихъ во честь јего Преосвященьству Куръ Іоанну Снѣгурскому, Біскупови Перемыскому, Самбо̂рскому и Саноцкому, Докторови С. Богословіја, бывшому Деканови факультета богословского при Всеучилищи Вѣдиньско̂мъ, јего же членови, Діректорови Інститута фильософского Перемыского, и т. д. милостивѣйшому добродѣјови, въ день С. Ивана Богослова, дня 8. мѣсяца маја, року 1837. во Валявѣ, јако во день Јего высокого тезоименитства: Іосифомъ Лѣвицкимъ Парохомъ Школьскимъ, у по̂дъножіја Јего Престола съ найбо̂льшимъ ушанованьјомъ сложенный.— Во̂ Львовѣ. 1837. въ 4.

Стихъ во честь его Преосвященству Куръ Василію Поповичу Епіскопови Мункачовскому, Архимандритѣ Тепліцкому СС. АА. Петра и Павла, вольныхъ художествъ и любомудріа Докторови и т. д. Во день поставленіа Его Преосвященства на Епіскопа во Свято-Георгской Архикаѳедральной Церкви Льво̂вской дня $^{18}/_{6}$ Марта 1838. Его

[2].—Заглавія стихотвореній я выписываю вполнѣ и съ буквальною точностью; но приводимыя изъ нихъ мѣста пишу, для однообразія, по моему правописанію (буквы *ѣ*, *о̂*, *е̂*, *и̂*, *і̂* произносить должно какъ *острое и*).

Ексцелленціею Митрополітомъ Галицкимъ Михаиломъ Лѣвіцкимъ, во присутствіи Его Ексцелленціи латиньского Архиепіскопа Львöвского Францішка де Павля Пиштека, Ормяньского Архиепіскопа Львöвского Самуила Стефановича, и Іоанна Снѣгурского Русского Епіскопа Перемыского, Самбöрского и Саноцкого: сложенный Іосифомъ Лѣвіцкимъ Парохомъ Школьскимъ Діецезіи Перемыскои, съ найбöльшимъ почтеніемъ.—Въ Перемышли. 1838. въ 4.

Стихъ во честь Его Превосходительству Пресвященнѣйшому Кvръ Михаилу Лѣвицкому Митрополітѣ Галицкому, Архиепископови Львöвскому, Біскупови Каменца Подöльского, Его Императорского Величества дѣйствительному тайному Совѣтникови, Докторови С. Богословия и т. д. во день Святого Архистратига Михаила дня 8. Ноемврия 1838. яко во день Его высокого тезоименитства, Іосифомъ Лѣвицкимъ Парохомъ Школьскимъ Диецезіи Перемыскои оу пöдъножия Его Престола съ найбöльшимъ ушанованьомъ сложенный.—Въ Перемышли. 1838. въ 4.

Червонорускій граматикъ-піитъ знакомъ съ нашими Рускими лириками прошлаго столѣтія, и свой лучшій Стихъ—во честь Митрополиту Лѣвицкому—написалъ нашимъ лирическимъ размѣромъ, т. е. четырехстопнымъ ямбомъ, и напечаталъ съ эпиграфомъ изъ Державина:

Благословится отъ Сіона,
Благая снидутъ вся тому,
Кто слезъ виновникомъ и стона
Въ сей жизни не былъ никому.

Выписываемъ большую половину сего Стиха, съ примѣчаніями при немъ находящимися.

Пріятнымъ чувствомъ упоенный,
Вхожу въ отечественный градъ: [1]
Се, холмъ я вижу возвышенный,
Где церковь—[2] матерь Руских чадъ.

Днесь мѣсце горде, где предъ вѣки
Стоялъ монахôвъ бѣдный дôмъ,
Котри, покинувъ человѣки,
Творца превозносили въ нêмъ.

Насупротивъ высокій замокъ,
Который основалъ нашъ Левъ: [3]
Се славы Руской уламокъ,
Счо мѣститъ при собѣ Пелтевъ. [4]

Лиха то доля такъ хотѣла,
Счобъ Галичъ древній градъ пропалъ:
Вось где Романа и Данила [5]
Зо злата кутый Тронъ [6] стоялъ.

Вразъ зъ долею головна мѣста,
Притемнился цвѣтущъ Крылосъ; [7]

Геть запустѣла и Пречиста, [8]
Не булъ въ нёй пастырскій [9] приносъ. [10]

Реви, о Днѣстре мôй! сумненько,
А берегъ пѣновь пôдинмай;
Шуми ко Чорному [11] быстренько,
И такъ жаль твôй росказывай:

Не вкажесь солнце надъ скалами,
Где замокъ Галицкихъ Царей:
Не взрю ихъ бôльше съ боярами,
Думать [12] надъ долею дѣтей.

Анѣ затрублятъ съ вежъ высокихъ,
Же ѣдутъ зъ дальныхъ геть сторонъ—
То въ сваты, въ справахъ тожъ глубокихъ,
Препышны послы предъ нашъ Ѳронъ.

Гора рѣсна въ богатства славы,
Счо мала дерево Креста, [13]
Лишилась безъ Царей державы,
Стоитъ для птицъ якъ дебрь пуста.

Но счожъ стае менѣ предъ вочи?
Куда стремитъ моя душа?
Прогнались чорны мары ночи,
Загасла предъ зоревь луна.

Преясный Фебъ уже надъ Львовомъ.
Святый Юръ лучами прошилъ;

Где дѣломъ славный, крѣпокъ словомъ,
Жіе для Рускихъ Михаилъ! . . .

Пустыхъ ци-мало храмôвъ было,
Хвала тамъ Божая теперъ;
Все Архипастыря то дѣло,
Счобы нѝкто безъ тайнъ не вмеръ.

Впровадилъ вмигъ по селахъ школы,
Бо Русинъ вже писма незналъ;
Ктожъ тôлько трудôвъ, працъ, мозолы,
Во пастерствѣ коль пôднималъ? . . .

Счо чую? звонятъ по всѣхъ вежахъ,
Нарôдъ нашъ храма вже достигъ,
Клиръ въ свѣтлыхъ весь стае одежахъ;
Бо празнуесь Архистратигъ.

День Русинамъ всѣмъ знаменитый,
Намъ Галичанамъ вдвое милъ:
Бо день сей тезоименитый,
Котрый обходитъ Михаилъ.

О, музы Рускіи! сôйдѣте
Съ Карпатскихъ вашихъ зîмныхъ гôръ,
Къ востоку скоро ся ставѣте,
На Львôвскій Святоюрскій дворъ. . . .

(¹.—То е: Львôвъ, головне мѣсто царства Галицкого.
².—Церковь митрополича свят. велик. муч. Георгія.

[3].—Леонъ Князь Галицкій сынъ Давила Короля Галицкого, заложилъ высокій замокъ и мѣсто Львôвъ.

[4].—Пелтевъ, рѣчка текуща черезъ мѣсто Львôвъ и впадающа во рѣку Бугъ.

[5].—Романъ и Данило Королй Галицкія.

[6].—Ѳронъ золотый Царей Галицкихъ по завоёваню Чсрвонои Русй, забралъ съ собою Казимѣръ великій Крôль Польскій до Кракова. Длугошъ. Книг. IX.

[7].—Крылосъ пôдъ самымъ Галичомъ крыло крѣпости. Положеніе Крылоса подобне до Вышеграда и Градшина въ Празѣ. Ведло преданія и по видомымъ укрѣпленіямъ, былъ Крылосъ, где знаходилася церковь митрополича, цитаделею Галича.

[8].—Розумѣеся: церковь Успенія Пресвятыя Богородици, котра была митрополича.

[9].—Вôтъ року 1414 до 1539 не было въ Крылосѣ жадного Архіерея. Зри Schematismus Cleri Archidioeces. Leopol. gr. cath. pro anno 1832. Leopoli.

[10].—Приносъ, тоже, счо приношеніе, служба Божа.

[11].—Розумѣеся: ко Чорному морю.

[12].—Думать, вмѣсто: думати.

[13].—Казимѣръ великій Крôль Польскій взялъ булъ дерево Честного Креста зъ Галича до Кракова. Кромср. XII. с. 263.)

Лѣвицкій въ своихъ пѣснопѣніяхъ часто прибѣгаетъ къ своей отечественной миѳологіи; почему, напримѣръ, его Стихъ во честь Снѣгурскому начинается такъ:

Русалóчки, счо въ Карпатахъ
Всюды роємъ видно васъ!
Люди кажутъ по всѣхъ хатахъ,
Же нôчный вамъ милый часъ.

Въ слѣдствіе того же стремленія къ родной миѳологіи, Лѣвицкій передѣлалъ на свою стать

Гетева *лѣснаго царя* и напечаталъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Ерлькéнігъ Гетого переведенъ на мало Русскій языкъ и названъ Богинею Іосифомъ Лѣвицкимъ зо Шкла.—Въ Перемышли. 1838. въ 8.

Но эта *богиня* не удалась Лѣвицкому: видно не пора еще передавать Нѣмецкихъ поэтовъ Малороссійскимъ языкомъ. . . .

За то пріятно намъ было увидѣть самоцвѣтный поэтическій проблескъ—въ стихахъ *Николы Устіановича:*

Слеза на гробѣ Его Высокопреподобія и Всечестнѣйшаго Господина Міхаила Барона от Neustern Гарасевича Архипресбvтера Крилоса Митрополичаго Лвѣгородского обр: гр: ка:, Командора Ордина Леополда, Доктора и бывшаго Учителя С. Богословія, К. К. Комісаря публичних Пописовъ въ Університетѣ Лвѣгородском, Консистора Митрополичого обр: гр: ка: Совѣтника. и проч: въ Память вѣчную великодушия Его. Питомцами генералнаго Семінаріум Лвѣгородскаго изданна.— Въ Львѣградѣ. 1836. въ 4.

Эта Слеза до сихъ поръ есть лучшее перло Червонорускої лирической Музы, и подаетъ значительную надежду на поэтическое дарованіе

Устіановича. Предлагаемъ первую половину сего стихотворенія:

На Галичôмъ небѣ
Нова зоря згасла.

Не дивуйся, чужинонько,
Счо мы плачемъ на веснѣ:
Зъ весновъ верне всякъ цвѣтонько,
Лишъ житье не верне, нѣ!

Лѣтавъ орелъ дубровою,
Быстре око въ сонце гнавъ,
Гнавъ за свѣтломъ, за правдою,
Глянувъ ще разъ—та й упавъ.....

Ой нема вже, Руска мати,
Твого орла, красоты!
Пôшовъ отъ насъ спочивати
Тамъ—до сонця чистоты....

Приваленъ землевъ глубоко,
Зимнимъ ледомъ днесь лежитъ,
Руки скрѣпли, згасло око,
Серденько и грудь стоитъ.

Хтожъ насъ теперъ за рученьки
Въ давни свѣты поведе?
Хто Рускои дитиноньки
Славу, имя вынайде?

Хто якъ онъ намъ правду скаже,
Темни мраки розсвѣтитъ?
Заступитъ насъ, силу зваже,
Хто вороги побѣдитъ?

Мужу красный, соколоньку!
Отци тужатъ за тобовъ,
Молодь хилитъ головоньку,
Дѣти плачутъ за тобовъ.

Ты то зъ могилъ, зъ городища
Дивне писмо намъ складавъ,
Лѣчивъ наши побоища,
Съ прадѣдами розмовлявъ.

Ты то тайни карты Бога
Мудростію розвивавъ;
До небесъ куда дорога,
Куда счастье—сказувавъ! . . . .

Изъ напечатанныхъ стихотвореній *Могильницкаго,* намъ извѣстны два:

Пѣснь радостна съ пригоды поставленія въ Церквъ Митрополічой Львовской С. великомученика Георгія, дня 6. Марта, 1838. Его Высокопочтеннаго господина Васілія Поповича катедральной церкви Пряшовской Крылошана, Доктора Любомудрія, Архідіакона Спижкаго и проч. проч. на Епископа Мукачовской Епархіи обр. гр. каѳ. въ Украхъ произнесенна Алумнами Се-

минаріи генеральной обр. гр. каѳ.—Въ Львовѣ. 1838. въ 4.

Радостное Привитаніе Его Цѣсарско-Королевского Высочества Ерц-Герцога Францѣшка Карла во Львовѣ мѣсяца Сентемврія 1839.

Чтобы дать понятіе о пріятномъ талантѣ Могильницкаго, предлагаемъ слѣдующія строфы изъ его Радостной Пѣсни.

Ударь шумно въ крисы, Святоюрскій звоне!
Неси Галичаномъ свѣтлу вѣсть:
Устелися цвѣтомъ Галицкій загоне,
Идетъ невиданій къ тобѣ гôсть!

На Днѣстрѣ и крутôй Тисѣ, [1] Руска мати!
Твоихъ дѣтей двое якъ близнÿтъ;
Хоть ÿхъ розлучаютъ высоки Карпаты,
Най любовъ и вѣра получитъ.

Видишъ, якъ ся нынѣ къ сердцю притискаемъ,
Якъ ся торжественно веселимъ;
Хоть ся отдѣленни не часто видаемъ,
Знаетъ свое племя побратимъ!

Много вѣковъ спливо, якъ несчастя стрѣли,
Полни горкой злости и пихи,
Въ гнѣздо дѣтей твоихъ на згубу летѣли
Немаючихъ мирной потѣхи.

Трясла люта буря гôля й лѣторости,
Вихоръ листъ и плоды обрывавъ,
Вже пень колисався отъ пагубной злости,
И до погибелй ся схилявъ.

Въ той часъ го правиця Габсбургôвъ пôдперла,
Ласки здрой и правды укрѣпивъ,
Бурю розôгнала, и врагôвъ истерла,
А скептръ сиротъ къ собѣ притуливъ.

Отъ нея взялисмо прадѣдню свободу,
Нею блищитъ новый Рускій храмъ;
Она защепила счасливость и згоду,
И житіе ново Русинамъ.

Сіешъ прекрасно, Галицкій Сіоне!
Подъ крили Аустрійского орла:
Тѣшся въ краю духовъ, памятный Леоне! [2]
Дѣтей твоихъ слава ожила!

Цвѣтешъ, украшенный надъ Саномъ престоле!
Мечь тя Князей вѣрнихъ хоронитъ:
Тѣшся, Володару, [3] зъ дѣтей твоихъ долй,
Для нихъ не змрачится новый Свѣтъ!...

(¹.—Тиса велика рѣка вишшой Угерской краины, где Русины прибуваютъ.

².—Леонъ Князь Рускій, который столицю свою до Львова зъ Галича надъ Днѣстромъ перенѣсъ и такъ Львовъ вславивъ.

³.—Володарь Князь Перемыскій знакомитый зъ войны зъ Коломаномъ Королемъ Угерскимъ.)

Во Львовѣ 1835 года напечатаны еще три стихотворенія переводчика *Стефана Семаша;* но они написаны на языкѣ Церковнословенскомъ, и потому между новыми Червонорускими стихотвореніями представляютъ *безвременный цвѣтъ* (colchicum autumnale), который отцвѣтши подъ зиму, на новую весну вырастаетъ уже плодовою травянистою маковкою. Вотъ ихъ названія:

Печалная чувствія Лвовскаго высокаго оучилища о смерти Его Величества Францѣшка I. Кесаря Аvстрійскаго.—Въ Лвовѣ. 1835. въ 4.

Пѣснь народная въ честь Его Величеству Фердинанду I. намъ нынѣ милостивѣйше господствующему кесарю Аvстрійскому. Переведе Стефанъ Сіемашъ. Въ Львѣградѣ. 1835. въ 8. (*съ Нѣмецкимъ подлинникомъ*).

Гимнъ Народный. Переводе изъ Нѣмецкаго. Стефанъ Сіемашъ. въ Львѣградѣ. 1835. въ 8. (*съ нотами*).

Изъ лирическихъ стихотвореній, написанныхъ питомцами Вѣнскаго конвикта и напечатанныхъ въ Вѣнѣ (въ типографіи о. о. Мехитаристовъ) намъ извѣстны четыре слѣдующія:

Отзывъ жалю изъ Вѣдня, по смерти наступившей дня 29 го Цвѣтня 1836 Его Высокопрепо-

добія и Всечестнѣйшаго Господина Михаила Барона де Нейстеринъ Гарасевича, Доктора С. Богословія, Архипресвитера Крилоса Метрополичаго Львовскаго об. гр. ка. Командора Ордена Леопольда, Члена Становъ краевыхъ, бывшего Учителя С. Богословія, К. К. Комісаря публичныхъ Пописовъ въ Университетѣ Львовскомъ егоже дѣйствѣтельнаго Члена, Консистора Метроп. об. гр. ка. Совѣтника и пр., произведенъ питомцами Ц. К. Конвѣкта такъ Архідіецезіи Львовскои, яко и Діецезіи Перемышльскои об. гр. ка.—Въ Вѣдню. 1836. въ 8.

Голосъ радости въ день имянинъ Его Ексцелленціи Высокопреосвященного и всечестнѣйшого Господина Господина Михаила Левѣцкого Митрополиты Галицкого Архіепископа Львовскаго, Епископа Камѣнця-Подольского, Доктора С. Богословія Ц. К. Тайного Совѣтника и проч. и проч. произнесенъ питомцями Ц. К. Конвѣкта Вѣденьского Архідіецезіи Львовскои гр. ка. обр. дня 8. Ноемвря 1837.—Въ Вѣдню. 1837. въ 4.

Вѣнецъ высокого благодаренія во честь свѣтло празднующаго Рождества Јего Величества Фердинанда I. Кесара Аустрійского, Короля Угерского, Ческого, Галицкого, и Влодомирского, Ломбардского и Венецкого, Іллирійского, Кроатскаго, Далмацкого, Славоньского, Ерцъгерцога Аустрійского: и проч. и проч. и проч. со вся-

кимъ высокопочтенiјемъ дня 19. Цвѣтня 1838. Одъ Кес. Корол. Конвікта питомцо̂въ Гавріиломъ Сероичковскимъ тогожъ конвікта питомцемъ сочиненый.—Въ Вѣдню. 1838. въ 4.

Воззрѣніе Страшилища во Пестѣ и Будѣ наступшаго мѣсяцемъ Мартомъ 1838 года во время разлитія Дуная Сүмеономъ Θеофіл. Лисенецкимъ Галиціяниномъ, теперь Кес. Корол. сожителища Вѣденьскаго питомцемъ въ Мало-Русскимъ языку изображенное. Другій вытискъ.—Въ Вѣдню, въ книготискарнѣ о. о. Мехитаристо̂въ. 1838. въ 8.

Изъ этихъ четырехъ брошюръ церковнымъ шрифтомъ напечатанъ только Отзывъ жалю, изъ котораго можно выписать только слѣдующія четыре стиха о Гарасевичѣ:

Якъ ту на земско̂й то̂й долинѣ
Ты былъ солодокъ усе намъ,
Такъ будь въ заоблачно̂й краинѣ
Все милъ, пріятенъ небесамъ!

Прочія Вѣнскія изданія печатаны красивымъ гражданскимъ шрифтомъ и особенно *Воззрѣніе страшилища* напечатано въ такомъ щеголеватомъ видѣ, въ какомъ нашему Кіевлянину не удается выйти въ свѣтъ. Но по стихамъ лучше другихъ Вѣнецъ благодаренія. Приведемъ изъ него слѣдующую строфу.

Когда на Церковъ звалилась недоля, [1]
Сила Вышняго почала терпѣти,
Когда бурлива непріязна воля,
По-надъ край кругомъ почала шумѣти:
Ты-сь го закрыла въ немощи, во трудѣ;
Тулила-сь крѣпко, въ тотъ часъ, въ тôй годинѣ;
Тогда сердечну вже любовъ во грудѣ
Каждый си вязалъ, и носитъ ю нынѣ.

([1]—Недоля найбôлша для церковъ Рускихъ была за часовъ диссидентовъ въ Польщи, о которимъ свѣдительствуетъ Millot allgemeine Weltgeschichte Bd. 12, S. 124 u. s. w. Wien 1813.—Пришедше Галиція пôдъ кроткій урядъ Аустріи, по закончені о всѣхъ неспокоêвъ почала вольнѣйше троха отдыхати; тогда зойшла гараздна зоря для церкви и клера Рускаго.)

По образцу лирическихъ стиховъ Лѣвицкаго, при которыхъ обыкновенно прилагается особенная *пѣснь* для хора, съ одинаковымъ окончаніемъ куплетовъ, и къ Вѣнцу благодаренія *Сероичковскаго* приложена слѣдующая пѣснь:

Чи то въ горѣ, чи въ долинѣ,
Каждый скаче веселъ нынѣ;
Взялъ сопѣлку въ свои руки,
Выгравае по-надъ луки.
Зъ всходомъ сонца до захода
Коли свѣтитъ му погода.
Смѣло несе пѣснь Цару,
Фердинанду Кесару.

Засѣвайте ново зѣля,
Въ кого лежитъ пуста рôля;
Въ кого цвѣте, най збирае,
Въ пучки красно увивае;
Тамъ ся зберутъ Русалочки,
Красиѝ поплетутъ вѣночки,
Милостивому Цару,
Фердинанду Кесару.

Гайворонку мôй миленькій,
Твôй голосокъ всѣмъ рядненькій,
Пôдлêтай си въ гору смѣло,
Выщебечи нове дѣло;
Же ся весна вже вертае,
Зъ весновъ счастье намъ свѣтае,
Днесь рождества день Цара,
Фердинанда Кесара. . . . *и т. д.*

Такимъ же образомъ и при Голосѣ радости приложена пѣснь. Вотъ изъ нея два куплета.

Ты, Дунаю, не думай,
Въ береги ся выливай,
Пôшли еденъ корабль въ-плавъ, [1]
Другій будешъ противъ гнавъ,
Нехай знае, кто плине,
Счо Рускій родъ нынѣ тне
Пѣснь прекрасну, счобъ якъ цвѣтъ
Процвѣтавъ Митрополйтъ!

Руска земле! тобѣ рай,
Скочно, мило выгравай,
Не журися тамъ о насъ—
Вернемъ мы ся во свой часъ:
Тогди ся вразъ обôймемъ,
Пѣснь согласно вознесемъ,
Щобъ рядивъ намъ многа лѣтъ
Завше любъ Митрополи̂тъ!

(¹.—Арнадъ и Надоръ суть паровіи корабли, плавающи по Дунаю зъ Вѣдня до Угръ и назадъ.)

Наконецъ прочтемъ лучшую строфу изъ сочиненнаго *Лисенецкимъ* Воззрѣнія страшилища, въ эпиграфъ коего взяты слова Державина:

«Тамъ всюду ужасъ, стонъ и крики,
Тамъ смерть, боязнь. . . »

Ахъ, для Бога! ктожъ бы ся не содрагалъ,
Да тутъ съ ужасомъ всё пропадаетъ;
И ктожъ, уважаючи то, не дрожалъ,
Аще видитъ, якъ всё исчезаетъ.
Здѣсь буграми изъ льда наношены
Горы; тамъ изъ каменêвъ могилы;
Въ той по странѣ холмы возвышенны;
Волны тиіже града жизнь покрыли!

Желая Лисенецкому и всѣмъ товарищамъ его возможныхъ успѣховъ на поприщѣ стихо-

творномъ, мы замѣтимъ одно: зачѣмъ на его Воззрѣніи надписано, будто оно изображено языкомъ Малорускимъ? Ни одинъ Малороссіянинъ не назоветъ этого языка своимъ; да это и не Великорускій, и не Бѣлорускій языкъ: это *искуственное* Словенорускóе словосочиненіе, которымъ лѣтъ за сто писали наши Рускіе стихотворцы, и отъ того ихъ произведенія состарѣлись преждевременно; отъ того въ наше время не читаются или читаются съ трудомъ даже такіе писатели, какъ Сумароковъ и Кантемиръ. Любопытно взглянуть въ этомъ отношеніи на Пѣсенникъ, изданный Новиковымъ. Каждая часть онаго начинается современными романсами, оканчивается народными Рускими пѣснями: теперь тѣхъ искуственныхъ романсовъ и читать нельзя; а безъискуственное, простое выраженіе народныхъ пѣсень и теперь прекрасно. Иная пѣсня живетъ уже въ народѣ два, три и болѣе вѣка; но ея выраженіе не состарѣлось и цвѣтетъ такою свѣжестью, какъ будто она сложена въ наше время однимъ изъ лучшихъ поэтовъ. Достоинство народныхъ пѣсень вполнѣ признано только въ нашъ вѣкъ, когда и литературный или письменный языкъ нашъ такъ усовершенствовался чрезъ приближеніе къ живому, естественному народному языку Рускому, отъ котораго такъ далекъ

былъ книжный языкъ Рускихъ писателей прошлаго вѣка. Тредьяковскій, котораго стихи такъ непрекрасны, народныя пѣсни называлъ *подлыми;* между тѣмъ, какъ Пушкинъ лучшимъ щегольствомъ для своихъ несравненныхъ стиховъ почиталъ *выраженіе народное,* и очень любилъ свои піесы, написанныя въ народномъ вкусѣ; а Мерзляковъ и Баронъ Дельвигъ пріобрѣли себѣ славу, подражая народнымъ пѣснямъ въ своихъ пѣсняхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя въ свою очередь сдѣлались народными.

Вѣковой опытъ нашего Рускаго стихотворства долженъ послужить въ урокъ для писателей Червонорускихъ. Пусть они избѣгаютъ искуственнаго словосочиненія и стихосложенія! Живая литература у нихъ можетъ процвѣсти только на ихъ народномъ, живомъ языкѣ: пусть они всѣ изучаютъ его въ народныхъ пословицахъ, поговоркахъ, сказкахъ и еще болѣе въ пѣсняхъ Малороссійскихъ, особенно Украинскихъ, гдѣ народное выраженіе процвѣло съ наибольшею силою и красотою. Тѣмъ болѣе это прилично Червоноруской Музѣ, которая возрождается въ средоточіи Словенскаго міра, и въ ту именно пору, когда почти всѣ Словены сознали цѣну своей народности и такъ горячо за нее ухватились.

Между стихотвореніями Червонорускими,

этимъ Общесловенскимъ направленіемъ къ своенародности отличается особенно.—

Русалка Днѣстровая. У Будимѣ. Письмом Корол. Всеучилища Пештаисокго. 1837. въ 8. стр. 135.

Извѣстный на Москвѣ И. В. Поповъ, пиша нѣкогда о первомъ изданіи моемъ Малороссійскихъ пѣсень, выразился такъ: «если отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ, то еще сладостнѣе для насъ благоуханіе цвѣтовъ отечественныхъ!» Эти слова можно примѣнять къ Днѣстровой Русалкѣ, которая и дышетъ и благоухаетъ своенародностію, и представляетъ собою уже не брошюрку, а цѣлую книжку стиховъ и прозы на языкѣ Южнорускомъ. Въ составленіи Русалки участвовали своими статьями три Галичанина: *Далиборъ Вагилевичь*, *Ярославъ Головацкій* и *Русланъ Шашкевичь*.

Въ началѣ этого перваго Червонорускаго альманаха помѣщены туземныя *народныя пѣсни,* числомъ 21. Къ нимъ приложено небольшое разсужденіе о пѣсняхъ, написанное Вагилевичемъ съ теплою любовью къ своему предмету и знаніемъ дѣла.

За тѣмъ слѣдуютъ *складаня,* т. е. сочиненія упомянутыхъ трехъ Галичанъ. Намъ пріятно было узнать отсюда, что Вагилевичь, извѣст-

ный своими разысканіями отечественной народной старины, обладаетъ и дарованіемъ стихотворнымъ: въ Русалкѣ напечатана его стихотворная сказка *Жулинъ* и *Калина* и стихи про горнаго удальца стараго *Мадея*. Вотъ они.

МАДЕЙ.

На высокôй чорногорѣ
Буйнû вѣтры вѣютъ,
На зеленôй полонинѣ
Сѣры вовки выютъ;
Тысячъ коней вороненькихъ
Въ байракахъ иржае,
Тысячъ гарныхъ лéдениковъ
Коники сѣдлае.
А ватажко сивый Мадей
Зморщивъ густû бровы;
Чорнû очи заблищяли
Та жаждою крови.
По-верхъ коней ясиобарвû
Прапоры сіяли;
Байраками и дебрами
Ратиця мелкали.

Мрачно, скучно по майданѣ,
Пôтьма ся чорнѣе,
Огнû горятъ по шалашьохъ,
Лехкій вѣтеръ вѣе.

Мадей велѣвъ чятовати
Густою дебрею;
Гомôнъ далеко клекоче:
«Вертаймо, Мадею!
Зверхъ Бескида глухій дуботъ
Боромъ ся шибае,
Тьмою вихромъ ѣдутъ угры,
Дебрь ся улягае.—
Нѣтъ вертаться сивъ Мадею
Съ соромомъ до-дому;
Глуховъ пущевъ, темновъ ночевъ,
Блудити по лому;
Зъ безчестными очиньками
Ясне сонце зрѣти,
Зъ безчестными губоньками
Богу ся молити;
Кôньми зъорю долиноньку,
Засѣю стрѣлами
Переломлю вражій тучи,
Пролю кровъ рѣками!—
Та вже, сива бородонько,
Не тобѣ ся бити:
Пôдъ зеленовъ муравоньковъ
Въ деревищѣ гнити!
Не тобѣ вже сыру землю
Тулами стелити,
Не тобѣ вже вражу кровцю
Ратищомъ точити! . . .

Трублятъ роги жубровіи,
Сумно коні рзаютъ,
Шумятъ тучи срѣбныхъ стрѣлокъ
Да мечи брящяютъ.
А зъ байрака летитъ шпарко
Острое ратище,
Заточився пôдъ Мадеёмъ
Кôнь на колодище. . .
Люто кликне сивый Мадей,
А дебрь заклекоче,
Вовкомъ верже-сь въ вражі тучи,
Зубми заскрегоче.
Куда мелькне яснымъ мечемъ,
Кровъ рѣкою точитъ;
Куда ратищомъ засвище,
Кôнь ѣздця волочитъ.
И ревъ лютшій, мракъ темнѣйшій
По сырôмъ майданѣ. . .
Звонятъ коні, брящятъ мечи,
Тьмютъ стрѣлы каляні.
А зъ Мадея девять стрѣлокъ
Ссутъ кровцю теплую,
Зъ бѣлыхъ грудей три ратища
Влекутся землею.
Сивый Мадей утомився,
И нôженьки мдлѣютъ,
Зъ слѣдôвъ кровця выступае,
Груди ся чорнѣютъ.

Вже-жъ за шію ужевками
Къ мажѣ привязаный,
За рученьки и нôженьки
Вкованый въ кайданы.

Вылетѣла зазуленька,
Сѣла на тополѣ,
Заковала жялôбненько:
Мадей у неволѣ. –
«Ой, зазуле сивенькая,
Не ковай сумненько,
Не задавай серцю туги,
Й такъ менѣ тяженько!
Ноги зелѣзо зрывае
И въ руки ся въѣло,
Кровцёвъ груди обкипѣли,
Тѣло почорнѣло.
Мои други бѣлогруди
Въ Бескидахъ дрêмають,
А вороны чорнî крячуть,
Кровцю попивають!
Моихъ вѣрнихъ леденикôвъ
Кости ся бѣлѣють,
Сѣрî вовки стêкаются,
Трупы рвуть и выють!
Ой полети коваючи
За темненькî зворы:
На зеленôй левадоньцѣ
Бѣлѣются дворы.
Не кажи рôдному сыну,

Счо мя уковали;
Лише мене на весѐлье
Насилу призвали,
Зъ студеной кирниченьки
Медомъ упоили,
А пôдъ зимну колодоньку
Спати положили.»

Головацкій помѣстилъ очень милую пѣсню, во вкусѣ народномъ, подъ названіемъ

ДВА ВѢНОЧКИ.

По-пôдъ гаёмъ зелененькимъ
Чиста рѣчка тече,
На яворѣ зелененькôмъ
Соловêй щебече.

Сидитъ дѣвчя надъ рѣчкою,
Два вѣночки ввила,
И ручкою бѣленькою
На воду пустила.

Одинъ вѣнецъ зъ барвѣночку,
А другій зъ рутоньки;
Одинъ вѣнецъ козаченька,
Другій дѣвчиноньки.

Поплывъ вѣнокъ изъ барвѣнку,
Вовня го сѣпае;
А оставсь изъ рутоньки,
Бо берегъ спиняе. . .

«Поѣхавъ мôй козаченько
Въ далеку дорогу,
Мене лишивъ молоденьку
Самую небогу!

Вернись, вѣнку изъ барвѣнку,
Приплынь къ береженьку!
Вернись, милый, зъ Украины,
Пристань ко серденьку!

Колижъ, вѣнку изъ барвѣнку,
Сплинешъ къ береженьку?
Коли вернешъ зъ Украины,
Милый козаченьку? . . .»

Заковала зазуленька
Въ гаю въ серединѣ,
Ажъ ся стало страшно, сумно
Молодôй дѣвчинѣ.

«Въ Украинѣ на могилѣ
Зацвѣла калина:
Тамъ лежитъ твôй козаченько,
Бѣдна сиротина!

А коли ся воды вернутъ,
Счо за сêмъ лѣтъ вплыли,
Тодѣ верне-сь зъ Украины
Козачокъ твôй милый!»

Изъ сочиненій Шашкевича помѣщены здѣсь *Олена*—сказка въ прозѣ, и шесть стихотвореній; изъ нихъ болѣе другихъ намъ понравилась

ВЕСНИВКА.

Цвѣтка дрôбная
Молила неньку
Весну раненьку:
«Нене рôдная!
Вволи ми волю,
Дай менѣ долю:
Счобъ я зацвѣла,
Весь лугъ скрасила;
Счобы я була
Якъ сонце ясна,
Якъ зоря красна,
Счобымъ згорнула
Весь свѣтъ до себе.»
—«Доню голубко,
Жяль менѣ тебе,
Горная любко!
Бо вихорь свисне,
Морозъ потисне,
Буря загуде;
Краса змарнѣе,
Личко счорнѣе,
Головоньку склонишъ,
Листоньки зронишъ.
Жяль серцю буде.»

Третье отдѣленіе Русалки составляютъ *переводы.* Здѣсь помѣщены шесть Сербскихъ и четыре Чешскія народныя пѣсни изъ Кроледворской рукописи, переведенныя Шашкевичемъ, и двѣ Сербскія пѣсни, переведенныя Головацкимъ.

Въ послѣднемъ отдѣленіи Русалки, названномъ *стариною,* помѣщены: *передговоръ* Шашкевича къ старинѣ; три Малороссійскія пѣсни изъ старой рукописи; межевой листъ 1424 г.; *коротка вѣдомость* о рукописяхъ Словенскихъ и Рускихъ, находящихся въ книжницѣ монастыря св. Василія Великаго во Львовѣ,—составленная Головацкимъ. Въ заключеніе предложена библіографическая *мысль* о книгѣ: Руское Весѣлье, описаное черезъ І. Лозинскаго, въ Перемышли, 1835. Эта книжка на Малороссійскомъ языкѣ напечатана Латинопольскими буквами: и Русалка не хохочетъ, а почти плачется на Лозинскаго за такое отступничество отъ Словенорускої грамоты.

Чтобы показать, какъ Днѣстровая Русалка выражается прозою, выпишемъ половину ея предисловія.

«Судило намъ ся послѣднимъ бути: бо коли другі̂ Славяне вершка ся дохаплюють, и естли не вже, то небавкомъ побратаются съ повнымъ,

яснымъ сонцемъ; намъ на долинѣ въ густôй стденнôй мрацѣ гибѣти. Мали и мы нашихъ пѣвцôвъ и нашихъ учителêвъ: але найшли тучи и бури; тамъ-тѣ занѣмѣли, а народовû и словесности надовго ся здрêмало; однакожъ языкъ и хоро́ша душа Руска була середъ Славлянщины, якъ чиста слеза дѣвоча въ долонѣ Серафима.

Зволила добра доля появитися и у насъ зберкамъ народныхъ нашихъ пѣсень, и иншимъ хорошимъ и цѣловажнымъ дѣламъ: [3] е то намъ якъ заранье по довгихъ тмавыхъ ночохъ, якъ радость на лицѣ несчасного, коли лутша надѣя перемчитъ скрôзь серце ёго. . . .

Не журися, Русалочко зъ-надъ Днѣстра, счо-сь неприбрана,—въ нарядѣ, якій вôдъ природы и простодушного и простосердного народа твоёго пріймила-сь,—стаешъ передъ твоими сестрицями. Они добрû, вôддачятъ ти, пріймуть тя и прикрасятъ.»

На эту милую оговорку Днѣстровой Русалки, можно отвѣчать только стихомъ нашего земляка Богдановича:

«Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша!»

[3].—Здѣсь разумѣются всѣ изданія на Малороссійскомъ языкѣ, и въ Галиціи и у насъ вышедшія.

Представивъ читателямъ Кіевлянина обозрѣніе первыхъ явленій Червоноруской Музы, мы привѣтствуемъ ее съ ея возрожденіемъ, и желаемъ ей успѣшнаго, непрерываемаго возрастанія и процвѣтанія; желаемъ ей вдохновеній своенародныхъ, пѣснопѣній на самобытный ладъ, и въ заключеніе скажемъ ей, ея же словами:

«Заспѣвай свѣту тыми голосами
Счо-сь переймала одъ красной природы...
Покажи свѣту, счо тû ни Татары
Зъ бѣлого личка красôньки не стерли,
Ни бусурманы поганьскои пары,
Ни Ляхи чорнои душицû не вперли!»

М. МАКСИМОВИЧЪ.

О ПРАВОПИСАНІИ МАЛОРОССІЙСКАГО ЯЗЫКА.

Письмо къ Основьяненку.

Давно уже сбираюсь я, по вашему вызову, изложить вамъ мои мысли о правописаніи нашего Малороссійскаго языка; но все—то за недосугами, то за немощами—откладывалъ; а въ послѣднее время поджидалъ еще, пока прійдетъ сюда пятая книжка Маяка, гдѣ помѣщено ваше письмо къ издателю о томъ же предметѣ. Наконецъ, уже въ исходѣ Декабря, получена здѣсь эта книжка; ваша статья передо мною: и вотъ я отвѣчаю вамъ, на печатное печатно. Кстати-же у меня теперь подъ рукою множество рукописной старины изъ разныхъ концевъ Южной Руси, изъ разныхъ вѣковъ. И теперь еще рябитъ у меня въ глазахъ отъ этой пестрой, поблеклой старины; но за то свѣжа въ памяти *правопись* нашихъ предковъ. Замѣчая оную въ собственноручномъ универсалѣ гетманскомъ, и въ писаніяхъ духовныхъ особъ, и въ бумагѣ судейской, и въ грамоткѣ едва-грамотнаго простолюдина, я имѣлъ случай запастись вновь свѣдѣніями о томъ, какъ

писали у насъ встарину, повѣрить вновь и кой-въ чемъ усовершить правописаніе, которое началъ я употреблять еще съ перваго моего изданія Малороссійскихъ пѣсень, въ Москвѣ, 1827 года.—Въ то время не было еще повѣстей Основьяненка; главнымъ и почти единственнымъ печатнымъ кодексомъ Малороссійскаго языка была Энеида Котляревскаго; Украинскія думы, изданныя княземъ Цертелевымъ, не находили себѣ сочувствія у нашихъ пановъ-земляковъ, которые, привыкши въ народѣ своемъ видѣть только рабочаго мужика или горькаго пьяницу, не подозрѣвали и въ пѣсняхъ народныхъ ничего достойнаго вниманія. Правда, была уже тогда и граматика Павловскаго; но въ ней предложено такое не-Малороссійское правописаніе, что лучше-бъ его и совсѣмъ не было. Въ послѣдніе годы довольно много издано прозаическихъ и стихотворныхъ книжекъ и брошюръ, на Малороссійскомъ языкѣ, у насъ въ Россіи, и въ Австріи; но къ сожалѣнію всѣ онѣ умышленно и произвольно рознятся въ правописаніи, и потому всѣ онѣ своимъ правописаніемъ одна хуже другой. Но ни одна изъ нихъ этимъ качествомъ не превзошла еще граматики Павловскаго, который началъ употреблять Рускія буквы для Малороссійской рѣчи такъ произвольно, какъ будто до него не было грамоты

на нашей православной Украинской Руси.

Правописаніе каждаго языка, хотя и много зависитъ отъ личнаго произвола; но тѣмъ не менѣе полагаетъ въ основаніе себѣ прежнюю письменность своего народа, и должно сохранить въ себѣ то, что освящено уже привычнымъ, вѣковымъ употребленіемъ. Эта историческая стихія письменности народной не позволяетъ выдумывать правописанія вновь; и въ слѣдствіе этой исторической стихіи—какъ бы ни было просто, удобно и по видимому даже народно новоизобрѣтенное правописаніе, оно не прійmется. Примѣръ тому недавно видѣли на романѣ Лажечникова—Басурманъ: авторъ издалъ его новымъ правописаніемъ, основаннымъ на одномъ народномъ Рускомъ выговорѣ, и оно принято многими почти какъ басурманская грамота. Такимъ же образомъ и нашей Малороссійской *правописи* не должно, да и нельзя уже быть простою, внѣшнею копировкою звуковъ языка буквами. Оно должно необходимо, кромѣ исторической своей стихіи, выражать собою болѣе или менѣе внутренніе, этимологическіе законы и свойства нашего языка. Безъ этого не можетъ быть и правописаніе нашего языка, долженствующее простираться на всѣ его видоизмѣненія, какія существуютъ въ устахъ говорящаго имъ народа—

отъ Карпатскихъ горъ до степей Задонскихъ и береговъ Кубани. Посредствомъ одной внѣшней копировки звуковъ, можно выражать очень хорошо только областныя особенности языка, подобно тому, какъ и Руское правописаніе— отлагаетъ свои правила и принимается за внѣшнюю копировку звуковъ тогда только, когда передается народная фраза, или областное какое нибудь слово,—или-же изображается Руская рѣчь, ломаемая въ устахъ Нѣмца, Жида, и тому подобныхъ случаяхъ. Когда читаю что нибудь Малороссійское, изданное по одному акустическому или выговорному правописанію, мнѣ все кажется, что издатель пишетъ *нарокомъ* и передразниваетъ Малороссіянъ! Ссылаюсь на васъ самихъ: вы говорите, что вы «свои повѣсти начали писать какъ выговаривается, или по методѣ Гулака-Артемовскаго.» Но почему же вы *бережетесь* писать и не пишете - *ховацця, оцце,* и проч., когда такъ именно выговаривается въ народѣ,—когда такъ писали и князь Цертелевъ, и граматикъ Павловскій, и поэтъ Артемовскій, коего методѣ вы слѣдуете? Отъчего же пишете вы—*ховаться, отсе,* какъ пишу я, коего правописаніе вы преслѣдуете?. . . Такое отступленіе отъ принятой вами *выговорной* методы, очевидно говоритъ въ пользу надлежащаго Малорос-

сійскаго правописанія, изъ котораго мы и бьемся.--

Я долженъ васъ благодарить еще за то, что вы не послѣдовали той же методѣ и въ наводненіи Малороссійской письменности *еротпудовымъ ы,*—что вы пишете—*бачится, мило, ходили, гуляти;* а не *пыщете—бачыщя, мыло, ходылы, гуляты.* Эта новая затѣя очень безобразитъ Малороссійскую грамоту и заставляетъ незнающихъ хорошо Малороссійскаго выговора произносить нашу мягкозвучную *мову* такъ дебело, что уши вянутъ. Да и къ чему, и откуда взялась такая *правопись?* Наша древняя Кіевская Русь такъ не писала. Въ поученіи Владиміра Мономаха, напримѣръ, читаемъ: *лагодити, лѣпощи, лѣпшій, дивуемся.* Для чего же намъ эти слова наши писать: *лагодыты, лыпощы, лыпшый, дывуемся?* Старосвѣтскіе Малороссіяне наши не *ерыжничали* до такой степени и въ два предыдущіе вѣка. Въ ихъ писаньи гораздо чаще встрѣчается обратная замѣна этихъ двухъ буквъ, т. е. они очень часто писали *и* вмѣсто *ы;* а изъ этого видно, что и встарину буква *ы* Малороссіянами была произносима одинаково съ мягкимъ *и:* и это есть настоящій Малороссійскій, а вмѣстѣ и Южнословенскій выговоръ буквы *ы,* почему Калайдовичь (въ *Іоан. Екз. Бол.)* и

называетъ оную *ери,* въ отличіе отъ твердаго Сѣверноруского *еры,* которое только наноснымъ образомъ существуетъ въ нѣкоторыхъ областныхъ разностяхъ Малороссійскаго языка. Хотя вы въ Малороссійскомъ языкѣ, вѣроятно по своему мѣстному выговору, различаете дебелое *ы* отъ мягкаго *и;* однако, напримѣръ въ словахъ *мы ходили,* звукъ *и* произносится три раза одинаково. Артемовскій въ Харьковѣ написалъ бы это—*мы ходылы,* а Вагилевичь въ Галиціи пишетъ—*ми ходили.* Еслибъ надо избрать одну изъ этихъ двухъ крайностей, то на послѣднюю я скорѣе согласился бы, чѣмъ на первую. Но гораздо лучше писать, какъ обыкновенно пишемъ: *мы ходили,* не исключая буквы *ы* (имѣющей особенное значеніе въ Словенской азбукѣ) и не употребляя оной всуе; а руководствуясь въ ея употребленіи правописаніемъ Церковнословенскимъ, какъ то и сдѣлалъ Котляревскій.—

Вообще правописаніе Котляревскаго, менѣе другихъ затѣйливое, болѣе другихъ подходило къ привычному и даже надлежащему правописанію Малороссійскому; а потому я и предпочелъ его другимъ методамъ, и взялъ за основаніе, при изданіи Малороссійскихъ пѣсень.

Но въ правописаніи Котляревскаго былъ тотъ недостатокъ, что для незнающихъ хорошо Малороссійскаго произношенія не было видно,

когда букву *и* должно выговаривать *мягко*, и когда *остро* (*йи*). Этотъ недостатокъ слѣдовало пополнить и потому, что сами Малороссіяне, особенно прошлаго столѣтія, имѣли обычай надъ буквою *и*, произносимою *остро* (или по вашему определенію—*очень мягко*), ставить особенный значекъ: нѣкоторые въ этомъ случаѣ ставили *двѣ точки*, иные только *одну*; но чаще встрѣчается надъ острымъ *и*—*точка* съ черточкою или дужкою сверху. Этимъ послѣднимъ значкомъ вы предлагаете теперь означать наше *мнякесеньке*, или по-моему *острое и*; и желаете знать мое объ этомъ мнѣніе. Я очень согласенъ на это—тѣмъ болѣе, что за тринадцать лѣтъ самъ я дѣлалъ тоже возобновленіе нашего прадѣдовскаго *и*, пропущеннаго Котляревскимъ. Какъ такъ? вы спросите. Да, именно такъ. Еще при первомъ изданіи пѣсень предпринялъ я ввесть это *и* (только безъ точки); но факторъ университетской типографіи, блаженной памяти Никифоръ Никоновичь Басалаевъ, отказалъ мнѣ въ желанномъ значкѣ, за неимѣніемъ онаго въ типографіи, и предложилъ мнѣ замѣнить его *Французскою кровелькою*—такъ называлъ онъ accent circonflexe. Дѣлать было нечего; мнѣ же надобны были и другія гласныя буквы съ тѣмъ же значкомъ, а во Французскомъ шрифтѣ были онѣ гото-

выя съ кровелькою; и я разсудивъ, что и въ другихъ типографіяхъ встрѣтятся тѣ-же затрудненія, а Французскій шрифтъ есть вездѣ, рѣшился на сдѣланное мнѣ предложеніе. Съ тѣхъ поръ наше прадѣдовское острое *и* живетъ у меня, припѣваючи, подъ Французскою кровелькою, которую я переименовалъ во имя нашего Словенскаго *паерка,* имѣющаго почти такой же видъ. — Лукашевичева книжка Малороссійскихъ и Червонорускихъ пѣсень напечатана въ С. Петербургѣ 1836 года по моему правописанію. Харьковская типографія доставила Срезневскому въ большомъ изобиліи, даже въ излишествѣ, сей значекъ для его Запорожской старины. Тоже нашелъ я въ Кіевской типографіи, печатая мою Исторію Древней Русской Словесности, въ которой говорится и объ особенностяхъ языка Южнорускаго.

Такимъ образомъ употребленіе этого значка распространилось, и глаза къ нему присмотрѣлись. Однако вы подъ моимъ паеркомъ не признали нашего прадѣдовскаго остраго *и;* вы пожелали воспроизвести его въ подлинномъ, властномъ видѣ его, и обратились для того къ Маяку современнаго просвѣщенія и образованности. Но вышла таже исторія: типографія академіи наукъ, гдѣ печатается Маякъ, нахлобучила ваше *мнякесенькe* *и* тою же Фран-

цузскою кровелькою, и оно явилось точно въ томъ видѣ, какъ мое острое, паерчатое *й;* и вы мимовольно, по силѣ необходимости типографской, попали на мое правописаніе. Видно ужь не судьба этой старосвѣтчинѣ нашей являться въ новомъ мірѣ подъ своимъ собственнымъ значкомъ; и я въ свою очередь попрошу васъ вашими же словами: «нехай такъ зостается!» Согласитесь и вы употреблять *й* по моему—хотя и не въ природной, а вынужденной, но за то удобоисполнимой формѣ, имѣющей притомъ за собою и 13-тилѣтнюю давность. Посредствомъ вашихъ сочиненій съ нимъ совершенно освоятся читатели, и наше Малороссійское правописаніе избѣжитъ новаго разногласія и затрудненія типографическаго.—

До сихъ поръ мое и ваше правописаніе почти не розняли между собою. Но вотъ слѣдуютъ ортографическія наши несогласія, правда не многія, но за то крупныя. Вы щедрою рукою расточаете букву *й,* ибо 1) вы замѣняете ею букву *ѣ* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она искони была въ Малороссійскомъ писаньи; 2) вы ставите букву *й* вмѣсто *о* и другихъ гласныхъ, когда онѣ выговариваются какъ *и;* 3) сгоняя букву *ѣ* съ ея роднаго, привычнаго мѣста, вы даете ей новое и для нея невыгодное мѣсто, напримѣръ въ словахъ—*учорашнѣ,*

торишнѣ, пѣропудовый. Если угодно вамъ знать мое объ этомъ мнѣніе, то я скажу, что на первое я совершенно несогласенъ, на второе — ваша добрая воля, а на третье я согласенъ еще менѣе, чѣмъ на первое. Объявляя такъ откровенно мое несогласіе, я обязанъ представить мои на то причины, и охотно исполняю это. Вотъ онѣ, — и во-первыхъ относительно буквы *ѣ*.

Вы говорите «напрасно полагаютъ, говорятъ и пишутъ, что въ Малороссійскомъ выговорѣ буква *ѣ* должна выговариваться какъ самое мягкое *и*» — и потомъ труните надо мною, Котляревскимъ и другими, пишущими букву *ѣ* въ словѣ *тобѣ* и проч. Но противъ вашихъ остротъ у меня собралось цѣлое ополченіе возраженій и доказательствъ, на защиту законнаго и стародавняго употребленія буквы *ѣ* въ Малороссійскомъ произношеніи и правописаніи, и на *збуренье* вышеозначенныхъ трехъ пунктовъ, которыми вы укрѣпили свое правописаніе. И вотъ первый отрядъ моихъ доказательствъ — на защиту Малороссійскаго произношенія буквы *ѣ*.

Малороссійскій или Южнорускій народъ, по природному свойству языка своего, произноситъ звукъ *и* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда и въ Словенскихъ и въ Рускихъ книгахъ пишется буква *ѣ*. Эту букву наши предки узнали и

заимствовали изъ церковныхъ книгъ, изъ азбуки Кирилловской. Тамъ буква *ѣ* изображаетъ такой Словенскій звукъ, который у Южнорусскихъ и нѣкоторыхъ другихъ Словенъ произносится какъ острое *и;* а у Великороссіянъ, Бѣлоруссовъ, Сербовъ—въ тѣхъ самыхъ словахъ—измѣняется въ острое *е*. Потому въ Великорускомъ языкѣ буква *ѣ* принадлежитъ къ числу тѣхъ буквъ, коими изображается звукъ *е;* но въ языкѣ Малороссійскомъ она принадлежитъ къ числу буквъ, служащихъ для изображенія звука *и*. Отъ того Великороссіяне, по своему выговору, смѣшиваютъ буквы *ять* и *есть,* довольно легко сбиваются въ письменномъ ихъ употребленіи и нерѣдко ставили и ставятъ одну вмѣсто другой. Малороссіяне, напротивъ того, весьма хорошо различая эти двѣ буквы, никогда не употребляли буквы *ѣ* вмѣсто *е*; но за то у нихъ буква *ѣ* легко смѣшивается съ буквою *и;* за то они сбиваются въ употребленіи этихъ двухъ буквъ и пишутъ нерѣдко одну вмѣсто другой, съ древнихъ временъ и до нынѣшняго.

Что Малороссіяне, слѣдуя своему собственному произношенію, букву *ѣ* выговариваютъ какъ острое *и,* въ томъ легко удостовѣриться; стоитъ послушать сельскаго дьяка, читающаго церковную книгу: въ книгѣ написано—

11.

во вѣки вѣковъ, а онъ читаетъ *во вїки вїковъ,* слѣдственно онъ букву *ѣ* выговариваетъ, по своему произношенію, какъ *ї;* а произнося ее всегда такъ, онъ, разумѣется, и на письмѣ употребляетъ ее не иначе, какъ для звука *и.* Я указалъ на нашихъ дьяковъ потому, что отъ нихъ преимущественно распространялась грамотность въ нашемъ народѣ; да и самый первый памятникъ Южнорускoй учености—*Изборникъ* Святославовскій, составленъ и написанъ 1073 года Кіевскимъ дьякомъ Іоанномъ, которому обязана бытіемъ своимъ и эта Руская форма буквы *ѣ.* Граматка, часловецъ и псалтирь составляли у насъ первыя, а для большей части и единственныя учебныя книги. Сіи три книги и для меня составили первый учебный курсъ. Живо помню, какъ меня, еще шестилѣтняго мальчика, привезли изъ Згари въ Золотоношскій женскій монастырь *на ученіе книжное;* какъ въ тотъ же день учительница моя, черница Варсанофія, въ своей кельѣ посадила меня съ указкою за граматку, и начала твердить мнѣ: *азъ, буки, вїди... живїте, зїло;* а не *веди, живете, зело.* Произношеніе моей первой учительницы составляетъ для меня важный авторитетъ; но для васъ я приведу болѣе именитый и древній—произношеніе знаменитаго Ѳеофана Прокоповича. Пере-

селясь изъ Кіева на Сѣверъ, онъ былъ однимъ изъ первыхъ сподвижниковъ Петра Великаго; краснорѣчивымъ словомъ своимъ онъ первенствовалъ надъ всѣми; онъ первый началъ и Рускіе стихи слагать въ формѣ Италіанской октавы. Но не смотря на свое долгое пребываніе на Сѣверѣ, онъ неотвыкъ отъ Малороссійскаго выговора буквы *ѣ*, даже и въ стихахъ своихъ. А что онъ и чрезъ 15 лѣтъ пребыванія своего на Сѣверѣ, произносилъ букву *ѣ*, какъ *и*, въ томъ убѣдитесь, прочтя напримѣръ слѣдующій отрывокъ изъ его стиховъ, написанныхъ 1729 года.

«Объемлетъ тебя Аполлонъ великій,
Любитъ всякъ, кто есть таинствъ его зритель;
О тебѣ поютъ Парнасскіи лики,
Всѣмъ честнымъ сладка твоя *добродѣтель*,
И будетъ сладка въ будущіе *вѣки*....

А ты, какъ началъ—течи путь преславный,
Коимъ книжныи текли исполины,
И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
На нелюбящихъ ученой дружины,
И разрушай всякъ обычай злонравный,
Желая доброй въ людяхъ *перемѣны*,
Кой плодъ ученій не единъ искуситъ,
А дураковъ злость языкъ свой прикуситъ.»

Въ мою пользу говоритъ и послѣднее слово стихотворнаго надгробія, находящагося въ Пе-

черской Лаврѣ надъ могилою Кочубея и Искры, которые послѣ того, какъ обезглавлены Мазепою, сдѣлались героями нашей исторіи:

«Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычни,
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ *вѣчный.*»

Наконецъ, осмѣливаюсь привести вамъ слѣдующую надпись надгробнаго камня, находящагося передъ Великою Печерскою церковью:

«Здѣ положенъ Харьковскаго полку Полковникъ Григорій Семеновичь *Квѣтка;* жилъ всѣхъ лѣтъ отъ роду своего 64. Полковникомъ былъ 24; преставися 1734 года мѣсяца Октября.»

Это фамильное имя,[1] столь извѣстное въ Малороссіи и вамъ близкое, безъ сомнѣнія и вы произнесете не иначе, какъ *Квитка;* слѣдовательно и вы букву *ѣ* произнесете какъ *и;* а послѣ того, ужели не согласитесь, что буква *ѣ* по Малороссійскому выговору произносится какъ *и?* Въ противномъ случаѣ я спрошу у васъ:

[1].—Такимъ же образомъ и другія Малороссійскія фамиліи, писанныя съ буквою *ѣ*, напр. Палѣй, Гордѣенко, Гамалѣя, Забѣла, Свѣчка, произносились и произносятся по Малороссійскому выговору—Палій, Гордіенко, Забила, Свичка; но имя Хмельницкаго никогда не выговаривали *Химльницкій,* за тоже ни самъ *Богданъ,* ни его сынъ, ни козаки ихъ не писали *Хмѣльницкій.*

по какому же, если не по Малороссійскому произношенію, во всѣхъ приведенныхъ мною примѣрахъ, Малороссіяне букву *ѣ* выговариваютъ какъ *и?* Одни только Сѣверяне наши (и то не всѣ, и не во всѣхъ случаяхъ) произносятъ букву *ѣ* какъ *е;* но это уклоненіе отъ Малороссійскаго произношенія очевидно произведено вліяніемъ Литовскорускаго или Бѣлорускаго выговора; за тоже Сѣверянъ и прозываютъ Украинцы *Литвинами*.—

Теперь представлю мои доказательства, что Малороссіяне букву *ѣ* писали не иначе, какъ для изображенія звука *и*. Законность этого употребленія утверждается чрезвычайною *давностью, повсемѣстностью* и самою *степенью* онаго. Послѣднее обстоятельство особенно стоитъ вашего вниманія: изъ него открывается, что Малороссіяне, во всѣхъ концахъ Южной Руси и во всѣ времена, употребляли букву *ѣ*, не только въ тѣхъ словахъ и случаяхъ, въ которыхъ она употребляется правописаніемъ Церковнословенскимъ, хотя и этого довольно; но очень часто ставили ее и въ такихъ случаяхъ, когда по Церковнословенскому правописанію ставится *и*. Эти послѣдніе случаи, хотя большею частію и неправильны, но показываютъ всего яснѣе, что Малороссіяне, даже съ пристрастіемъ къ буквѣ *ѣ*, употребляли ее именно

для выраженія звука *и*.

Сюда во-первыхъ относятся иностранныя слова, употреблявшіяся въ языкѣ Малороссійскомъ. Они вообще были очень часто писаны съ буквою *ѣ* вмѣсто *и*; напримѣръ: *унѣверсалъ, Домѣнѣканъ, компанѣя, линѣя, баталѣя, конфѣрмація*. Такъ и въ стихотворныхъ брошюрахъ нынѣшнихъ Галичанъ встрѣчаемъ: *конвѣктъ* и даже *митрополѣтъ*.

Фамильныя имена представляютъ и здѣсь намъ очевидное доказательство употребленія буквы *ѣ* вмѣсто *и*, особливо у нынѣшнихъ Галичанъ, изъ которыхъ многіе пишутъ—*Левѣцкій, Лозѣнскій, Могильнѣцкій* и проч. Тоже было и на Волыни. Приведу примѣръ изъ стариннаго Луцкаго помянника: въ 1677-мъ году надъ перепискою онаго трудился Іеромонахъ *Савицкій*; тамъ же, въ 1748-мъ году, его имя написано—*Савѣцкій*; тамъ же написано *Ступнѣцкій, Рогозѣнскій, Соснѣцкій, Гулянѣцкій* и проч. Кіевская письменность прошлаго столѣтія представляетъ довольно подобныхъ примѣровъ, изъ коихъ приведу одинъ: въ судовыхъ бумагахъ часто встрѣчается имя князя *Голѣцина*, т. е. Голицына.

Что касается до Черниговцевъ, то довольно указать на имя города ихъ: съ древнихъ временъ и до нашего оно было писано *Чернѣговъ*.

Тоже самое находимъ и въ окончаніяхъ нѣ-

которыхъ падежей. Еще въ древнихъ писаніяхъ читаемъ: въ подлинной грамотѣ Кіевскаго Князя Мстислава Владиміровича 1128 года—*моѣ дѣти;* въ договорѣ Игоревомъ (по списку 14-го вѣка)—*мечѣ своѣ;* въ грамотахъ Льва Даниловича—положимъ и не подлинныхъ, но все же старинныхъ—*вѣчнѣ, будучѣ, нашѣ.* Подобно сему пишутъ нѣкоторые современные Галичане; такъ въ Днѣстровой Русалкѣ читаемъ: *моѣ конѣ, твоѣ хлопцѣ, нашѣ пѣснѣ* и пр. Нашъ первый Западноpускій граматикъ Мелетій Смотрицкій находилъ даже правильнымъ писать *нашѣ* и т. п.

Нерѣдко и окончаніе родительнаго падежа встрѣчается съ буквою *ѣ* вмѣсто *и,* не только въ упомянутой Русалкѣ, гдѣ писано даже *Украѣна* вм. Украина; но и въ старинныхъ писаніяхъ. Вотъ начало купчей, писанной въ Галиціи 1341 года, [2] слѣдственно современной завладѣнію сей земли Казимиромъ. «И сталося подъ державою великого короля Краковского Казимира и господаря *Рускоѣ землѣ.*» Такимъ же образомъ и въ собственноручномъ универсалѣ Богдана Хмельницкаго (1651 г. 11 Ян-

[2].—Эта купчая отыскана сочинителемъ Исторіи Галицкой Руси *Зубрицкимъ,* и по его мнѣнію составляетъ древнѣйшій изъ дошедшихъ къ намъ въ подлинникѣ документовъ Червонорускихъ.

варя) читаемъ: «Створитель неба и *землѣ.*» Подобно сему и въ собственноручныхъ универсалахъ Гетмана Самуйловича (1672) писано: *зъ особливоѣ своеѣ,*—и даже въ дательномъ падежѣ (1673)—*ректоровѣ, игуменовѣ.*

Въ помянникѣ Выдубицкаго монастыря, гдѣ многіе *Сѣчевые* или Запорожскіе козаки вписывали свой родъ, читаемъ: «1752. Сентября 26. Родъ *Іоанна Горкушѣ,* козака куреня Тимошѣвского.»

Послѣ всѣхъ приведенныхъ мною примѣровъ, я могу, кажется уже безспорно, повторить, что у Малороссіянъ буква *ѣ* издавна употреблялась не иначе, какъ для изображенія звука *и,* и что они любили даже роскошествовать этою буквою. Зачто же лишать Малороссійское правописаніе привычной, вѣковой его принадлежности?

Наше дѣло только ограничить излишнее расточеніе оной и опредѣлить правильное ея употребленіе. Такъ напримѣръ, въ повелительномъ наклоненіи надобно писать не *и,* но *ѣ: возьмѣть, ходѣмъ,*—какъ и было въ древнемъ Церковнословенскомъ правописаніи, какъ писали и образованные предки наши, начиная отъ перваго Кіевскаго лѣтописца. При второмъ изданіи Украинскихъ пѣсень, 1834 года, я возобновилъ это употребленіе, которое ведется и у Галицкихъ Русиновъ.

Другой примѣръ. Вы говорите, что принявъ букву *ѣ* за выраженіе звука *и,* надобно будетъ писать—*пѣшовъ, пѣпъ, макогѣнъ* и проч. Почему же надобно? Тогда вышло-бы неправильное и напрасное расточеніе буквы *ѣ,* которую вовсе не слѣдуетъ ставить вмѣсто *о,* обращаемаго народнымъ выговоромъ въ *и.* Такого употребленія буквы *ѣ* не встрѣчалъ я въ прежней Малороссійской письменности; и только въ стихотворныхъ изданіяхъ нашихъ юныхъ Галицкихъ земляковъ попадаются примѣры такого употребленія буквы *ѣ (пѣшовъ, зъ-вѣтти, рѣвно, вигѣдно),* но и то какъ-бы случайно, по неустроености, въ какой находится у нихъ *правопись.* [3] Что касается до старосвѣтскихъ Ма-

[3].—Такъ въ Днѣстровой Русалкѣ одно и тоже слово пишется *пѣтьма* (стр. 78) и *пітьма* (стр. 72). По моему должно писать *пôтьма.*—Іосифъ Лѣвицкій началъ было также употреблять *ô;* но потомъ паерокъ замѣнилъ двумя точками и пишетъ ö, что принято и въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Вѣнскихъ. Это напрасно. Надстрочное двоеточіе уже давно служитъ въ Рускомъ правописаніи знакомъ обращенія гласной въ *острое о* (йо), что принято мною 1827 года и въ Малороссійское правописаніе (напр. *ёго, сёго,* а не іого, сіого). Буква *е* иногда въ томъ же словѣ Малороссіянами произносится какъ *йо* и какъ *йи,* слѣдственно нужны оба знака для той же буквы: въ первомъ случаѣ *двоеточіе,* во второмъ *паерокъ;* напримѣръ—на *синёму,* на *синéмъ.* Въ послѣднемъ случаѣ, если угодно, можно бы писать и на *синѣмъ.* Есть и другіе случаи, гдѣ буква *ѣ* могла бы ставиться вмѣсто *е,* произносимаго какъ *и: срѣбро, корѣнь, пѣсокъ, дрѣмати, лѣтати;* можно бы даже,

лороссіянъ, то они, въ тѣхъ случаяхъ когда *о* народнымъ выговоромъ обращается въ *и*, ставили букву *и;* или еще чаще, не держась строго народнаго выговора, (который и самъ въ этомъ случаѣ очень измѣнчивъ), ставили коренную гласную букву и писали просто: *мой, попъ, пошовъ, войско* и проч. Потому-то, не противорѣча бывалому употребленію, вы пишете въ сказанныхъ случаяхъ букву *й,* что согласно и съ большинствомъ голосовъ нынѣ пишущей братіи. Но и я, въ томъ же бываломъ употребленіи, имѣю достаточное основаніе для удержанія коренныхъ гласныхъ буквъ; а для показанія, что ихъ должно произносить какъ *и,* я придумалъ ставить надъ ними *паерокъ.* Это есть единственное мое *нововведеніе* въ правописаніе Малороссійское. Оно читателя не затруднитъ; ибо нетрудно, кажется, замѣтить правило: «буквы означенныя паеркомъ—*а́, е́, и́, і́, о́, ў̂*, также букву *ѣ,* должно выговаривать какъ острое *и* (*іи*); а буквы *и, і, ы* должно произносить мягко, а не такъ твердо, какъ Великоруское ы.» Но за этотъ небольшой предварительный трудъ,

сходно съ Церковнословенскимъ правописаніемъ, ставитъ *ѣ* въ окончаніяхъ падежей: на *святѣй,* на *высокѣмъ* (т. е. вмѣсто *о* произносимаго какъ *и*). Но *я,* слѣдуя общему правилу моей системы правописанія, пишу: срêбро, корêнь, пêсокъ, дрêчати, лêтати, на святôй, на синêй, на высокôмъ.

требуемый моимъ правописаніемъ отъ читателя, оно облегчаетъ ему не только уразумѣніе словъ, особливо произносимыхъ одинаково; [1] но и самое чтеніе чрезъ то становится удобнѣе, нежели чтеніе письма, написаннаго по методѣ выговорной, по которой можетъ быть легче писать, да читать трудно, какъ справедливо замѣчаете и вы сами. Я знаю по опыту, что для неизбравшаго еще никакой методы, труднѣе привыкать къ методѣ выговорной.

Говоря правду, такъ мой способъ писанія труднѣе не читающему, а пишущему, и особенно мнѣ первому, взявшему на себя трудъ отыскивать коренные звуки, покрываемые звукомъ *и*, что иногда несовсѣмъ легко. Но за то я думаю, что съ этимъ только способомъ

[1].—*Вотъ для примѣра нѣсколько такихъ словъ—по правописанію выговорному:* *—по моему:*

Крій.	—Крâй (вскрай).
Нись	—Нêсъ.
Нись	—Нôсъ.
Бривъ	—Брêвъ (брелъ).
Бривъ	—Брôвъ (бровей).
Визъ	—Вêзъ.
Визъ	—Вôзъ.
Нижъ	—Нôжъ.
Нижка	—Нôжка.
Нижный	—Нѣжный.
Мижъ	—Мêжъ.
За-мижъ	—За-мŷжъ.
Бигъ	—Бôгъ.
Бигъ.	—Бѣгъ.
Бездилье	—Бездôлье.
Бездилье	—Бездѣлье.
Окрипъ	—Окрôпъ.
Окрипъ	—Окрѣпъ.

можетъ быть установлено правописаніе *Малороссійскаго языка*, обнимающее всѣ его разности и притомъ сближающееся съ правописаніемъ Великорускаго и нѣкоторыхъ другихъ языковъ Словенскихъ, чего нашему языку вовсе недолжно чуждаться. Но я объ этомъ способѣ писанія подробно изъясню свои мысли предъ вами въ послѣдствіи. А теперь на прежнее обратимся.

Не стану утверждать, чтобы въ старину Малороссіяне не писали въ иныхъ словахъ буквы *и* вмѣсто *ѣ;* но это случайности, такъ же неправильныя, какъ и тѣ, когда *ѣ* писано вмѣсто *и*, напр. Іоанна *Горкушѣ;* употреблять же постоянно букву *и* вмѣсто *ѣ*, не значитъ ли распространять и обращать въ правило случайную погрѣшность противъ надлежащаго правописанія Малороссійскаго языка? А это именно сдѣлали начавшіе писать только по слуху: *и*—вездѣ, гдѣ сей звукъ произносится остро; *ы*—вездѣ, гдѣ сей звукъ произносится мягко или твердо; а Павловскій въ первомъ случаѣ вездѣ ставитъ *і*, точно такъ, какъ Поляки и Чехи пишутъ Латинскими буквами Малороссійскія пѣсни. Но тамъ необходимость азбучная заставляетъ, руководясь только звукомъ, ограничится двумя буквами—*і* да *y*; для насъ же Латинская азбучная скудота не указъ, когда мы

давно имѣемъ свою богатую, Словенскую азбуку, свои вѣковыя привычки въ правописаніи. Не то, лучше писать прямо уже Латинопольскими буквами, какъ сдѣлалъ въ Перемышлѣ Лозинскій, нежели писать Рускими буквами такъ, какъ пишутъ нѣкоторые ваши почтенные *сусѣды* и любезные *подсусѣдки*.—

Но вы имѣете еще особенный предлогъ писать *й* на мѣстахъ, принадлежащихъ буквѣ *ѣ*. Вы полагаете, что сія послѣдняя буква нужна во всей своей *силѣ* и *видѣ* въ словахъ—*учорашнѣ*, *торйшнѣ* и многихъ другихъ. И такъ она нужна вамъ для изображенія звука *е*, произносимаго остро? Но отъ чего же вы пишете безъ буквы *ѣ*, напримѣръ слова—*гуляе, мое* и тому подобныя, въ которыхъ тотъ же самый острый звукъ *е*, какъ и въ словахъ—*учорашне, торбшне, еропудъ*?... Павловскій въ своей грамматикѣ безъ зазрѣнія совѣсти пишетъ—*спiваѣ, гуляѣ, моѣi, ѣ*—и проч. Но за тоже онъ первый и единственный писатель, сдѣлавшій такое перемѣщеніе буквы *ѣ* въ Малороссійскомъ правописаніи, въ которомъ она *никогда не употреблялась для изображенія звука е:* ибо это несообразно съ ея значеніемъ и *силою* въ нашей Малороссійской письменности, и даже съ *видомъ* ея, представляющимъ соединеніе буквы і съ ь-емъ (іь, ѣ). Впрочемъ, не смотря на

столь неудачное исполненіе, Павловскій предпринималъ доброе дѣло для Малороссійскаго правописанія, то есть, различать острое и мягкое е двумя различными буквами. Если и вамъ угодно тоже сдѣлать, то это легко, оставляя букву *ѣ* на ея властномъ мѣстѣ. Наша Словеноруская палеографія представляетъ нѣсколько различныхъ начертаній буквы *есть:* изберемъ изъ нихъ одно для *остраго,* другое для *мягкаго* произношенія сей буквы,—какъ и сдѣлалъ уже Вагилевичь въ Днѣстровой Русалкѣ. Въ этой пріятной книжкѣ наше гражданское *е* пишется тогда, когда сей звукъ произносится мягко; а когда онъ произносится остро *(ие),* тогда ставится Славянское отверстое *є,* которое и мы очень можемъ возобновить въ нашей Малороссійской письменности (нѣкоторые другіе Галичане въ этихъ случаяхъ пишутъ *je*). Но я бы думалъ, что употребляемое въ Руской азбукѣ *е* лучше оставить въ настоящей его силѣ, и употреблять въ тѣхъ случаяхъ, когда сей звукъ произносится *остро,* ибо такъ выговариваютъ эту букву Великороссіяне, отъ которыхъ она перешла и въ Малороссію. Славянскимъ-же отверстымъ *є* можемъ изображать *мягкій* выговоръ сего звука; а пока эта буква отольется нарочито въ гражданскую форму, мы можемъ брать оборотное Руское *э,* поворачивать его на право-кругомъ,

и такимъ образомъ получать *мягкое є*, своимъ выговоромъ и видомъ близкое къ твердому Рускому *э*. Тогда для читателя будетъ очевидно, какъ ему произносить: *сине небо, учорашне, торбшне, ей-богу, тебе*.—Согласитесь-ли вы на такое различеніе?

Вагилевичь началъ употреблять въ Южнорускомъ правописаніи еще букву *ў*, по примѣру Волоховъ или Румыновъ, пишущихъ также Словенскими буквами. По-моему это очень хорошо; безъ этой буквы намъ было также неловко, какъ было-бы безъ *й*. Но Вагилевичь до крайности расточаетъ свое нововведеніе. Слѣдуя одной только акустикѣ Малороссійскаго выговора, по которому буква *в* произносится въ извѣстныхъ случаяхъ полугласно, какъ сокращенное *ў*, онъ вездѣ, вмѣсто *в*, произносимаго такимъ образомъ, ставитъ ў; вмѣсто—ходивъ, знавъ, онъ пишетъ—*ходиў, знаў* и проч. Но это также странно, какъ странно было-бы писать по-Руски: *фсіо, дѣфки, любофь, петрофъ*, слѣдуя Великорускому выговору, сжимающему въ извѣстныхъ случаяхъ звукъ *в* въ *ф*. Отъ такого частаго *уканья* Малороссійское письмо у Вагилевича является не въ своемъ видѣ, получаетъ какой-то не-Рускій характеръ, и тѣмъ болѣе, что Вагилевичь вовсе не употребляетъ *ъ*; вмѣсто *ы* всегда пишетъ *и*; вмѣсто *и* ставитъ

если не *ѣ,* такъ *і.*—Потому я предложилъ 1837 года *(Ист. Древн. Рус. Словес.)* ставить букву *ў* только тамъ, гдѣ дѣйствительно сокращается *у,* напримѣръ: *ўже ў насъ на Ўкраинѣ наўчились.* До сихъ поръ эти слова всѣ мы писали и пишемъ съ буквою *в: вже въ* насъ на *Вкраинѣ навчились;* но должно признаться, что это едва-ли не хуже, чѣмъ пишетъ Вагилевичь. Изображая буквою *в* звукъ *у,* хотя и сокращенно произносимый, мы шли наперекоръ Малороссійскому выговору: ибо Малороссійскій выговоръ самую букву *в* стремится приводить въ гласное состояніе, и часто произноситъ ее полугласно; а нерѣдко протягиваетъ и въ полное *у (узявъ* вм. *взявъ),* или же прилагаетъ къ ней этотъ звукъ *(увесь* вм. *весь)*; и только въ сихъ послѣднихъ случаяхъ, я думаю, надобно писать *у* вмѣсто *в,* ибо того требуетъ сама необходимость.

Вотъ все, что пришлось мнѣ сказать вамъ о нашей *правописи* въ этомъ письмѣ. Оно вышло длинновато; но за то изъ него узнаете короче мои мысли о томъ дѣлѣ, около котораго всѣ мы, любящіе свою родимую рѣчь, ходимъ и не сходимся. Прошу васъ не отказать мнѣ въ вашихъ отвѣтныхъ замѣчаніяхъ. Тогда представлю на ваше утвержденіе нѣкоторые частные случаи Малороссійскаго правописанія, ко-

торые остаются у меня еще подъ вопросительнымъ знакомъ, и съ которыхъ хотѣлось бы поскорѣе снять этотъ неуспокоительный значекъ,—именно къ тому времени, какъ приступлю наконецъ къ новому, полному изданію моего собранія Украинскихъ народныхъ пѣсень. Я хотѣлъ бы это богатое, поэтическое наслѣдство нашего народа представить Словенскому міру въ возможно-лучшемъ видѣ и относительно правописанія.

Доканчиваю письмо это въ послѣдній день истекающаго года, и поздравляя васъ съ наступленіемъ новаго года, желаю душевно, чтобы онъ принесъ намъ новый томъ вашихъ повѣстей на Малороссійскомъ языкѣ; а вамъ принесъ-бы въ изобиліи—«у полѣ ядро, а въ домѣ добро!»

1849 года.
31 Декабря.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

P. S.—При семъ случаѣ пожелаю и всѣмъ землякамъ нашимъ, чтобы съ наступленіемъ завтрашняго дня *Илья помахалъ* имъ получше *житяною пугою*, про которую поютъ *посыпаль-*

щики; я же къ *посыпальной* пѣсенкѣ прибавлю еще *зажниеную* пѣсню, которую сложили и поютъ *хлѣборобы* Волынскіе, но послушать могутъ и Украинцы всякаго званія.

А въ недѣлоньку рано пораненьку
Збûрае женьцû коваленко,
Збûрае женьцû, а все прибôрныи,
Дѣвки, парубки, а все молодыи.
Да повêвъ же ûхъ на долину,
На пшениченьку на озиму:
—Ой жнѣте, женьцû, розжинайтесь,
А назадъ себе не оглядайтесь.—
Ажъ зъ-за горы орда иде,
За собою коваля веде.
Ëму руки позавязовани,
Ëму очû позаглажовани.
Ото-жъ будешъ, ковалю, знати
Якъ недѣлоньку шановати.
—Ой дай, Боже, такую годину,
Счобъ забачити свѣтъ хочъ на часину:
То буду ўже знати,
Якъ недѣлоньку шановати!—

ОГНЕННЫЙ ЗМѢЙ.

Повѣсть изъ народныхъ преданій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Звенитъ, гудетъ на весь Кіевъ огромный колоколъ Печерской Лавры. Солнце стоитъ на западѣ. Кругомъ все свѣтло и торжественно. Пестритъ въ глазахъ расписанный фасадъ величественной церкви; сверкаютъ брызгами лучей многочисленные ея куполы, и отуманенному блескомъ взору кажутся зубцами огромной золотой короны, вѣнчающей священную твердыню. Паперть усѣяна народомъ: тутъ были и Болгаре въ выложенныхъ галунами курткахъ; и Молдаване съ полнолицыми своими кукóнами; и наша Сѣверная Русь изъ самыхъ отдаленныхъ губерній, и наши Украинцы съ подбритыми чупринами и опущенными внизъ усами. Всѣ эти люди сидѣли подъ тѣнью деревъ и ходили по паперти тѣсными купами, будто каждый изъ нихъ боялся затеряться въ многолюдствѣ богомольцевъ; и только одинъ высокій парубокъ въ синемъ жупанѣ, въ старин-

номъ узорчатомъ поясѣ стоялъ себѣ поодаль одиноко и казался сиротою между жужжащимъ роемъ народа. Недавно еще онъ кончилъ свое чумакованье и перемѣнилъ дегтяную сорочку на синій жупанъ, и простой учкуръ на широкій поясъ. Ворочаясь домой, онъ зашелъ по дорогѣ въ Кіевъ, чтобъ поклониться святымъ мѣстамъ и поблагодарить Бога за счастливый успѣхъ въ торговомъ промыслѣ. Уже онъ обходилъ весь Кіевъ: былъ и въ Михайловскомъ монастырѣ, былъ и въ Софійскомъ, ходилъ нераз и по пещерамъ и насмотрѣлся на картину, которая представляетъ душу, странствующую по мытарствамъ. Дивенъ показался ему святой городъ съ своими золотоглавыми церквями и колокольнями, съ своими ненаглядными горами и удольями. Но всегдашнее движеніе и суматоха, въ которую онъ вдругъ попалъ изъ прежней тихой жизни, скоро ему прискучили; онъ пригладѣлся ко всему, на что сперва у него глаза разбѣгались, и теперь стоялъ посреди говорливаго народа задумчивый и грустный, будто въ пустой степи при дорогѣ, когда чумацкій обозъ остановившись готовитъ ужинъ, вечеръ тускнѣетъ и летящіе по розовому небу стада журавлей и дикихъ утокъ будто указываютъ путь на родину. Вдругъ лице его оживилось; онъ уставилъ глаза въ одну

сторону—глядѣлъ и самъ себѣ не вѣрилъ:

Мимо него шла дѣвушка красоты чудесной, румяная какъ заря, какъ розовый огородній макъ, полная, свѣжая, въ цвѣтѣ лѣтъ и здоровая. Корсетъ изъ яркаго малиноваго бархату такъ хорошо обнималъ стройный станъ ея, что иной щеголь, посмотрѣвши на него, потерялъ бы охоту любоваться узенькими, тощими корсажами своихъ кумировъ. Бѣлая какъ снѣгъ сорочка чудесно оттѣняла нѣжное тѣло на выкотѣ корсета, и пышно вышитые узорами рукава, какъ лебединыя крылья, дѣлали видъ удивительный; а повязанныя на головѣ разноцвѣтныя ленты, вмѣстѣ съ садовыми цвѣтами, перевитыми барвинкомъ, образовали пышную корону надъ свѣжимъ челомъ и вѣяли позади своими концами, какъ разсыпною радугой.

Рядомъ съ нею шелъ старикъ наружности очень замѣчательной: сѣдая чуприна его закинута была вѣтромъ назадъ; красное лице съ нависшими бровями и бѣлыми усами, съ рѣзко проведенными морщинами, носило печать старосвѣтскихъ Украинскихъ физіогномій. Оно не было дряхло; но вглядѣвшись въ глубокія морщины высокаго лба, лежавшія овально надъ широкими сѣдыми бровями, въ выраженіе вѣщихъ глазъ, когда-то быстрыхъ, привыкшихъ слѣдить въ пустой степи Татарина—

можно было насчитать ему много десятковъ лѣтъ. Старикъ шелъ медленно, но не отставалъ отъ дѣвушки; будто въ какомъ-то раздумьи шагалъ онъ большими ступнями по древнимъ камнямъ, скребя ихъ широкими подковами и можетъ-быть унося послѣдніе слѣды надписи съ молчаливыхъ и никѣмъ незамѣчаемыхъ гробницъ, положенныхъ въ ряду обыкновенныхъ плитъ.

Парубокъ въ синемъ жупанѣ и самъ не замѣтилъ, какъ очутился подлѣ старика и чудной дѣвушки; и хотѣлъ уже завесть съ ними рѣчь, какъ вдругъ ударили во всѣ колокола и народъ, бывшій на паперти, сгустился у главнаго входа и потянулся въ церковь. Парубокъ не отсталъ однакожь отъ старика и его спутницы; и въ то время, когда отпѣвалась вечерня, когда богомольцы, творя усердныя молитвы, наполняли благочестивымъ шопотомъ церковь, онъ, можетъ быть первый разъ въ жизни, былъ невнимателенъ къ церковному служенію: онъ видѣлъ только чудную дѣвушку въ лентахъ; онъ не сводилъ глазъ съ алыхъ ея губокъ, шептавшихъ молитвы, съ черныхъ очей, смотрѣвшихъ на иконы съ такимъ выраженіемъ, которое свойственно только дѣтямъ и существамъ невиннымъ, созданнымъ для любви. «О чемъ-то она молится? Какъ бы мнѣ хотѣ-

лось знать, что у нея на мысли!... Хоть бы она взглянула на меня: я, кажется, по глазамъ узналъ бы ея душу....»

И вдругъ дѣвушка, будто въ угодность его желанію, взглянула на него, и встрѣтя его необычайно одушевленное лице, въ которомъ всякая жилка говорила, встрѣтя его живые глаза, устремленные на нее съ изумленіемъ, опустила взоры и покраснѣла сама не зная отъ чего. Но взглядъ ея пронзилъ душу парубка; онъ вдругъ почувствовалъ, какъ горячая кровь подступила къ его сердцу, и оно затрепетало такъ сильно, что онъ мимовольно приложилъ руку къ груди. «Ну,—подумалъ онъ—вотъ это-жь вѣрно та суженая, которой, какъ говорила покойная тетка, ни огородами не минешь, ни конемъ не объѣдешь!... Ой, какъ горячо на сердцѣ! Стало-быть правда, что суженая однимъ взглядомъ запалитъ кровь и усмѣшкою обезумитъ голову.... Такъ, это она, это именно должна быть она!» И онъ рѣшился непремѣнно, какъ только кончится вечерня, распросить у старика, откуда они.

И вотъ кончается служеніе. Народъ высыпалъ изъ церкви жужжащею толпою, какъ изъ улья пчелы; нѣкоторые возвращались домой, другіе разбрелись по паперти. Съ неровно-бьющимся сердцемъ подошелъ парубокъ къ сѣ-

дому старику, снялъ передъ нимъ шапку и поклонился. Старикъ и себѣ подсунулъ выше шапку и отдарилъ его поклономъ.

«Изъ какихъ вы, дядушка, мѣстъ?» спросилъ парубокъ и чуть не вскрикнулъ отъ удивленія и радости, когда узналъ, что они изъ мѣстечка Воронѣжа.

«Да я и самъ изъ Воронѣжа!» сказалъ онъ.

Старикъ прищурилъ глаза, чтобъ лучше вглядѣться въ его лице и пожалъ плечами.

«Не узнаю, ни за что не узнаю!»

«А я такъ васъ узналъ. Да и перемѣнились же вы дуже! Вѣдь вы, сдается, Петро Чайка?»

«Такъ, Петро Чайка.»

«А я-жь, когда знаете Ничипора Большака, такъ я его сынъ.»

«Смотри пожалуй! То-то я гляжу, что-то есть знакомое... Какъ мнѣ не знать Большака! Мы съ его отцемъ, а съ твоимъ стало-быть дѣдомъ, за молодыхъ лѣтъ вмѣстѣ козаковали.»

Тутъ земляки побрались за шапки и давай цѣловаться.

«Да гдѣ-жь ты былъ, что я тебя такъ давно не видалъ? Сдается нашъ Воронѣжъ не такъ еще великъ, чтобъ намъ когда-нибудь не встрѣтиться. Я какъ помню тебя еще вотъ этакимъ, такъ и только. Правда, мы живемъ далеко отъ васъ, да я почти и не выхожу изъ пасѣки.»

«Я только-что повернулъ съ дороги,—отвѣчалъ Иванъ:—а то три года сряду чумаковалъ, такъ что забылъ, какъ тамъ и хаты стоятъ теперь у васъ въ Воронѣжѣ.»

«Доброе дѣло дѣлаешь, что прибавляешь къ батьковскому добру. Такой покойникъ и дѣдъ твой былъ: не посидитъ бывало на мѣстѣ; то баштанъ держитъ, то деготь гонитъ, да все хлопочетъ, какъ-бы придбать побольше для дѣтей. Славный былъ человѣкъ, царство ему небесное! добрая душа была! мы таки съ нимъ хлѣбъ-соль водили.»

«Такъ вы, дядюшка, стало-быть хорошо знаете нашъ родъ?»

«Старыхъ-то я зналъ хорошо, а вотъ съ молодыми уже разошелся. Пришли знаешь иныя времена; отецъ твой, не во гнѣвъ сказано, понура: ходитъ себѣ овцою; съ нимъ и горѣлка не пьется; съ нимъ скорѣе заснешь надъ чаркою, чѣмъ развеселишься. Ну, а къ тому-жь меня навѣстила та бѣда, про которую поютъ въ пѣснѣ, что

Одъ Кракова до Чакова
Всюды бѣда однакова:

умерли мои оба сына, хозяйство разстроилось; надо было повернуться и сюда и туда на старости; надо было позаботиться и объ невѣсткѣ,

и объ маленькой сиротѣ, что оставилъ меньшій сынъ. Видишь, теперь уже какую выкохалъ, а осталась отъ батька только двухъ лѣтъ.»

Старикъ съ самодовольствомъ показалъ на дѣвушку, а она почервонѣла вся какъ калина и опустила глаза, разсматривавшіе до сихъ поръ съ любопытствомъ стройнаго парубка.

«Славная внучка у васъ, дядюшка!» выговорилъ Иванъ, не разсудивъ кстати ли это, и чтобъ поправить чѣмъ-нибудь, спросилъ скорѣй, какъ ея имя?

«Маруся,—отвѣчалъ старый Чайка. Марусю, что-жь это ты, моя комашко, песокъ видно считаешь, что и не взглянешь на парубка? Посмотри, какой молодецъ! Да полно тебѣ соромиться: это-жь нашъ землякъ. Ты уже вышла изъ тѣхъ, что сидятъ только въ запечку да выглядаютъ на людей черезъ грубку; пора уже и на свѣтъ показаться: не въ эту, такъ на ту осень и не угадаешь, какъ нагрянутъ въ хату старосты.»

Бѣдная дѣвушка горѣла какъ жаръ отъ этихъ увѣщаній и на глазахъ у нея навернулись слезы. Ивану стало жаль застѣнчивой землячки, и онъ, чтобъ перемѣнить затруднительный для нея разговоръ, спросилъ, когда опи выходятъ изъ Кіева?

«Завтра послѣ ранней службы,—отвѣчалъ

старикъ:—а теперь зайдемъ еще только да купимъ личмановъ да крестиковъ на гостинцы.»

Иванъ сталъ просить, чтобъ и его приняли въ товарищи дороги. Старикъ на это охотно согласился. Поговоривши еще нѣсколько, они условились сойтись завтра въ монастырѣ и разошлись исполнить послѣднія свои надобности.

«Славный парень,—говорилъ старый Чайка, выходя съ своей внучкой изъ монастыря:—славный; я такихъ люблю: у него въ глазахъ свѣтло, а потому можно думать, что и душа не черная.»

Внучка не отвѣчала ни слова, хоть и была съ нимъ совершенно согласна, а о глазахъ моглабъ наговорить гораздо больше замѣчаній.

Рано на другой день проснулся Иванъ, и проснувшись долго еще сидѣлъ какъ отуманенный. Разгоряченная ночными сновидѣніями душа его, гуляла на свободѣ и послѣ пробужденія, и не вдругъ покорилась тяжелому разсудку; встревоженное сердце не перестало биться; въ туманномъ воображеніи носился милый образъ. Наконецъ голова его прояснилась; онъ взглянулъ, и чудная картина Днѣпровскихъ

береговъ въ дикой красѣ своей представилась его глазамъ.

Самъ старый Днѣпръ синѣлъ внизу; широкимъ ходомъ расходился онъ въ обѣ стороны, и чѣмъ дальше, все былъ суровѣе, такъ что подъ Подоломъ онъ посизѣлъ какъ вороново крыло и потомъ суровый и мрачный поворотилъ къ Вышгороду. Вдоль по теченію тянулись за нимъ, какъ маленькіе внуки, его заливы и озера; одни изъ нихъ цѣплялись за него, будто хотѣли удержать въ своей сторонѣ и не пустить уйти въ далекія степи; другіе уходили въ даль подъ самые лѣса и тамъ на волѣ купались въ розовомъ свѣтѣ зардѣвшагося востока. Темная зелень луга подернута сѣдою сѣткою тумана. Но туманъ больше всего любитъ угрюмые Днѣпровскіе лѣса: они вѣчно синѣютъ на горизонтѣ, вѣчно сумуютъ и хмурятся, и ни ясное солнце, ни великолѣпный видъ Кіева, блестящаго передъ ними своею Лаврою, не развеселятъ ихъ смутнаго взгляда. Небо чисто; только надъ лѣсами виситъ длинная, волнистая полоса облаковъ, охваченная снизу багровымъ заревомъ. Близокъ уже восходъ солнца.

«Славныя тутъ мѣста!—подумалъ Иванъ: а все не то, что нашъ Воронѣжъ: тамъ какъ-то веселѣе. Я помню, что когда бывало ѣдешь

утромъ изъ ночлеговъ и увидишь его сады, нависнувшіе по-надъ ставами, еще дымящимися утреннимъ туманомъ, то на душѣ вдругъ сдѣлается такъ свѣтло и весело, что такъ бы кажется и запѣлъ новую, никогда неслыханную пѣсню!... Эхъ, Воронѣжъ, Воронѣжъ! сколько я выходилъ за эти годы селъ и городовъ, а нѣтъ, нигдѣ не видалъ веселѣйшаго мѣста!«

И онъ прилегъ опять на разостланный по холодной садовой травѣ свой кобенякъ, и зажмуря глаза, потянулся нѣсколько разъ, чтобъ прогнать и послѣднее дѣйствіе сна.

Солнце между тѣмъ всплыло надъ синими лѣсами, и ясный Божій день насталъ на радость всему міру. Иванъ всталъ, умылся, помолился противъ Лавры Богу, поблагодарилъ хозяина за хлѣбъ за соль, и пошелъ въ монастырь, съ тѣмъ, чтобъ оттуда прямо отправиться уже въ путь. Скоро пришли и его земляки.

Отслушавъ раннюю обѣдню и приложившись еще разъ къ мощамъ святыхъ Угодниковъ, почивающихъ въ Великой церкви, наши богомольцы отправились въ дорогу. Всѣ они молчали, выходя изъ Кіева, будто кромѣ благочестивыхъ чувствованій, наполнявшихъ тогда ихъ души, у нихъ не было другой думы.

Перешедши длинный досчатый мостъ на Днѣпрѣ, они оборотились назадъ и положили

по три земныхъ поклона святому городу, который оставляли. Потомъ нѣсколько минутъ стояли еще, глядя безмолвно на раскинутый передъ ними несравненный ландшафтъ Кіева.

Вправо, на самой поверхности Днѣпра, виднѣлся Подолъ съ своими монастырями, церквями и колокольнями, съ своей огромною духовной академіей. За Подоломъ на краю горизонта синѣлись лѣса, идущіе въ Литву на нѣсколько сотъ верстъ; и высокія зданія, высунувшіяся изъ толпы городскихъ строеній, были какъ-будто написаны по голубому полю. А отъ Подола по всему правому берегу тянется непрерывная гряда горъ, облитая зеленью, усѣянная живописными купами нагорныхъ липъ и орѣшника, опушенная внизу серебристыми вербами. На самомъ большемъ возвышеніи этой гряды, гдѣ природа, играя и переливаясь темными и свѣтлыми потоками зелени, дошла до чрезвычайной роскоши, стоитъ золотоглавая Лавра, какъ вѣнецъ всѣмъ красотамъ Кіева. Блеститъ она своими куполами и ничто въ мірѣ не можетъ сравниться съ ея блескомъ: какъбудто солнце, раздробившись, осыпало ее своими искрами и усѣяло золотою пылью поверхность синяго Днѣпра. И Днѣпръ сверкаетъ только передъ Кіевомъ; а дальше—минуя Выдубицкій монастырь, выглядывающій ниже

Кіева изъ развернутой зеленой внутренности горъ—онъ становится смутенъ и дикъ, не глядитъ ни на зеленые луга, окайменные золотистымъ пескомъ, ни на поблѣднѣвшія горы, идущія за нимъ въ самую глубокую даль; и только на прощаньи, на самомъ краю горизонта, онъ вдругъ поворачивается, блеститъ серебряною полосою, и пославши послѣдній привѣтъ святому городу, исчезаетъ въ туманѣ. При этомъ поворотѣ Днѣпра, легкою синевою виднѣются провожающія его горы. Идутъ ли онѣ и дальше, или остановились и слѣдятъ его издали, этого разсмотрѣть нельзя; только эти горы такъ далеки для глаза, что ставши на нихъ, кажется можно-бъ услышать шумъ Чернаго моря.

«Что, дѣти, засмотрѣлись такъ на Кіевъ? сказалъ наконецъ старый Чайка:—жаль покидать? Не жалѣйте, дѣти: еще увидите неразъ, коли захочете. А вотъ ужь я хорошо знаю, что въ послѣдній разъ гляжу и на Днѣпръ и на святую Лавру.»

«Кто, дѣдусю, построилъ такой хорошій монастырь?» спросила Маруся, и Иванъ въ первый разъ услышалъ ея голосъ.

«Пещеры выкопали святые—Антоній и Ѳеодосій, а самый монастырь муровали Двенадцать

Братьевъ, что лежатъ въ пещерахъ. Замѣтила ты ихъ?»

«Замѣтила, дѣдусю.»

«Ну, хорошо. Вотъ же эти Двенадцать Братьевъ, окончивши церковь и всю монастырскую ограду, муровали высокую Лаврскую колокольню многіе годы. При этомъ было имъ особенное чудо Божіе, именно то, что сколько они вымуруютъ въ день, за ночь уходитъ въ землю, такъ что и подмостокъ, какія дѣлаютъ каменьщики, имъ было ненужно; и они, стоя на землѣ, выдѣлывали всѣ тѣ столбы, что видишь подъ самою крышею. Какъ вотъ въ одну ночь явилась старшему брату во снѣ Матерь Божія, и сказала, что стѣнъ класть уже довольно, потому что во всемъ свѣтѣ нѣтъ высшаго строенія; а выведи, сказала, верхъ и обкуй его чистымъ золотомъ, и крестъ поставь тоже изъ чистаго золота. Сказала, и скрылась въ небесахъ. Старшій братъ всталъ, помолился Богу, разбудилъ братьевъ, и принялись за работу. Скоро верхъ былъ выведенъ, окованъ золотомъ и крестъ поставленъ изъ чистаго золота. Какъ только все было кончено, колокольня вдругъ вышла изъ земли и стала вотъ какъ теперь есть. Тогда ночью приснился всѣмъ братьямъ одинакій сонъ: что явилась Божія Матерь и спрашивала ихъ, какой награды желаютъ они отъ Бога за свой

трудъ? Одинадцать братьевъ не хотѣли иной награды, какъ только, чтобъ ихъ положили въ пещерахъ, выкопанныхъ святымъ Антоніемъ и Ѳеодосіемъ; а двенадцатый пожелалъ себѣ богатства и хотѣлъ еще пожить въ мірѣ. Но въ мірѣ скоро все ему опостыло, и онъ пришелъ къ братьямъ, чтобъ и себѣ лечь вмѣстѣ съ ними; а какъ они не оставили ему мѣста, то онъ, втиснувшись межь нихъ, не могъ протянуть обѣихъ ногъ и заснулъ съ согнутою ногою. Такъ и теперь лежитъ онъ.»

Маруся задумалась послѣ этого разсказа и опустила очи въ землю.

«Что ты задумалась такъ, Марусю?—спросилъ Иванъ. Не хочешь ли и себѣ идти въ монастырь?»

«Нѣтъ, я не пойду въ монастырь»—отвѣчала Маруся, зарумянившись, и взглянула на Ивана; но взглянула такъ, что у него въ очахъ замигало.

Иванъ хотѣлъ какъ-нибудь продолжить разговоръ, но сердечная тревога не дала ему говорить, и онъ молча смотрѣлъ на чернобровую красавицу, потупившую съ привлекательною стыдливостью свои взоры. «Безподобная дѣвушка!—думалъ онъ:—чего не далъ бы я, чтобъ узнать, что у тебя на душѣ?»

Между тѣмъ какъ молодые наши спутники

преданы были волненію сердца, старикъ, для котораго порывы нѣжныхъ чувствъ были дѣломъ давноминувшимъ, что-то шепталъ, глядя на Печерскую Лавру, и поклонясь еще разъ въ землю, сказалъ: «пойдемъ, дѣти! путь далекъ; не надо медлить.»

Дорога отъ Кіева до Броваровъ пролегаетъ густымъ сосновымъ боромъ по сыпучему песку. * Она для богомольцевъ, идущихъ въ Кіевъ по обѣщанію пѣшкомъ, положена какъ будто послѣднимъ испытаніемъ въ долгомъ и трудномъ путешествіи. За то еще изъ самыхъ Броваровъ имъ, какъ земля обѣтованная, представляется чудесная картина Кіева, вся задымленная туманомъ, сквозь который полупрозрачнымъ столбомъ виднѣется въ золотомъ вѣнцѣ исполинъ-колокольня. Ландшафтъ разоблачается по мѣрѣ приближенія; и наконецъ, ставши на берегу Днѣпра, усталый поклонникъ поражается необыкновеннымъ зрѣлищемъ, приходитъ въ святой восторгъ, какъ праведникъ, увидѣвшій ворота рая, и съ благоговѣйнымъ чувствомъ благодарности кладетъ земной поклонъ.

Совсѣмъ иное чувство овладѣваетъ душою богомольца, оставляющаго святой Кіевъ. Съ каждымъ шагомъ ему становится смутнѣе, съ

*.—Въ то время еще не было шоссе.

каждымъ шагомъ онъ будто теряетъ что-то; и его чувство можно сравнить съ тѣмъ состояніемъ души, когда уѣзжаешь изъ отечества или покидаешь домъ, въ которомъ жилъ душою, въ которомъ было тепло и пріютно сердцу.

Наши путники съ каждаго почти возвышенія дороги оглядывались назадъ, и всякій разъ Кіевъ виднѣлся имъ мутнѣе, и всякій разъ Иванъ и Маруся взглядывались между собою. Маруся сперва краснѣла, какъ только встрѣчала взоръ Ивана; но къ концу дня, она такъ ознакомилась съ товарищемъ своей дороги, что усмѣхалась ему съ дѣтскимъ простосердечіемъ; и они, не имѣвши между собою ни одного разговора, поняли другъ друга, какъ будто прожили вмѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ.

Къ вечеру пришли въ деревеньку, выстроенную по обѣ стороны большой дороги на пескахъ. Бѣдныя хаты, обмазанныя желтою глиною, печально торчали одна подлѣ другой; ни огорожи порядочной не видно было, ни садика, какъ это обыкновенно водится по Малороссійскимъ деревнямъ; только посреди села двѣ вербы склонились надъ колодеземъ

и протянули вечернія свои тѣни черезъ широкую дорогу.

«Какъ эти люди могутъ жить въ такомъ пустомъ мѣстѣ!—сказала Маруся. Я здѣсь умерла бы со скуки послѣ нашего Воронѣжа!»

«Такъ-то тебѣ сдается, моя комашко—отвѣчалъ ей старый Чайка:—а спроси у нихъ, согласны ли они бросить свои голые пески и переселиться въ нашъ Воронѣжъ, гдѣ на каждомъ шагу не разминешься съ садами и огородами? Вѣрно нѣтъ. Для нихъ эти двѣ вербы пріятнѣй всѣхъ левадъ и садовъ чужой стороны; и въ этихъ убогихъ хатахъ здѣшнія дѣвушки такъ же любятъ пѣть пѣсни и слушать разсказы про давнія времена, какъ и ты въ своей выбѣленной и утыканной цвѣтами свѣтлицѣ.—Куда-жь зайдемъ, Иване?»

«Зайдемъ въ ту хату, что подлѣ вербъ: она, сдается, лучше другихъ.»

«И то дѣло» сказалъ старый Чайка и поворотилъ налѣво.

Хата, въ которую они зашли, была въ самомъ дѣлѣ едвали не лучшая во всемъ селѣ. Лавки, стоящія вдоль двухъ стѣнъ, были чисто вымыты; въ углу надъ столомъ иконы завѣшены бѣлымъ полотенцемъ, котораго концы, вышитые красными узорами, свисали внизъ по обѣ стороны. На полу, то есть на доскахъ,

служащихъ вмѣсто кровати, сидѣла за гребнемъ дѣвушка въ бѣлой сорочкѣ и синей запаскѣ, колыхала ногою привѣшенную къ потолку люльку и напѣвала пѣсню; но, увидѣвъ незнакомыхъ людей, тотчасъ умолкла. У топившейся печи суетилась среднихъ лѣтъ женщина въ очипкѣ и плахтѣ—видно сама хозяйка.

Наши путники, вступивши въ хату, помолились сперва образамъ, какъ слѣдуетъ людямъ, возвращающимся съ святаго мѣста, и потомъ уже сдѣлали привѣтъ хозяевамъ и просили позволенія переночевать.

Женщина, стоявшая у печи, узнавши отъ нихъ, что они богомольцы, съ Малороссійскою привѣтливостью просила ихъ садиться и бросилась съ тряпкою обтирать лавки, которыя были и такъ незапылены; но такова уже обязанность *охайливой* хозяйки.

Пока старый Чайка говорилъ съ хозяйкою и разсказывалъ ей то про Кіевъ, то про свою дорогу и теперешніе урожаи, Маруся подошла къ сидѣвшей за гребнемъ дѣвушкѣ и завела съ нею свой разговоръ, который отъ починковъ и пряжи перешелъ постепенно къ предметамъ занимательнѣйшимъ. Дѣвушки скоро ознакомились, и Маруся спросила у молодой своей хозяйки, какую она пѣла пѣсню, когда они вошли въ хату?

«Про Савву Чалаго»—отвѣчала дѣвушка.

Маруся никогда не слыхала пѣсни про Савву Чалаго и просила ее запѣть. Дѣвушка долго отговаривалась, наконецъ не могла отказать неотступной просьбѣ Маруси и запѣла въ полголоса, чтобъ не мѣшать своей матери разговаривать съ старикомъ:

«Ой бувъ въ Сѣчѣ старый козакъ прозваніемъ Чалый,
Выгодовавъ сына Саву козакамъ на славу....»

Старый Чайка, вслушавшись въ голосъ пѣсни, прервалъ свою бесѣду и, подперши рукою подбородокъ, глядѣлъ на дѣвушку, которая, посукивая жужжащее веретено и склоня на бокъ голову, пѣла: какъ Савва присталъ къ Ляхамъ, какъ пановалъ съ Ляхами и сбирался съ ними руйновать православную церковь, какъ наконецъ наѣхали къ нему Запорожцы и взяли его на три списы, и какъ утекала отъ Запорожцевъ молодая жена его.

«Славная пѣсня!—сказалъ Чайка:—старосвѣтская! Кто тебя, дѣвочко, научилъ этой пѣснѣ?»

«Покойный дѣдусь бывало поетъ ее.»

«А давножь умеръ твой дѣдусь?»

«Годъ и двѣ недѣли.»

«Да еще и умеръ на чужой сторонѣ,—примолвила хозяйка, сидѣвшая напротивъ, под-

перши ладонью щеку:—и мы остались спротами безъ послѣдняго его благословенія. Царство ему небесное!—сказала она помолчавши:—покойникъ жилъ и умеръ какъ-то чудно.»

«Какъ-то такъ чудно?» спросили разомъ Иванъ и Маруся.

«Чудно, очень чудно!—отвѣчала вздохнувши хозяйка:—смерть его была такая диковинная, что кому ни разскажешь, вздвинетъ только плечми, да и молчитъ. Видите ли: отецъ мой хорошо умѣлъ играть на бандурѣ. Его никто и не училъ; онъ самъ по себѣ выучился и самъ себѣ сдѣлалъ бандуру. Замолода онъ былъ хозяиномъ, держалъ скотъ и землю пахалъ; но послѣ, когда умерла покойница мать, а я вышла за-мужъ, онъ передалъ намъ все хозяйство, а самъ только и зналъ одну бандуру; цѣлый день бывало играетъ подъ этими вербами, что стоятъ надъ колодеземъ. Знавалъ онъ и пѣсни всякія и старосвѣтскія были; народу всегда бывало около него полно: то таки прохожіе, а то и свои деревенскіе—обстанутъ его кругомъ, особенно въ воскресный день или въ какой праздникъ. И такъ всѣ къ нему привыкли, что когда бывало пойдетъ съ бандурою по чужимъ деревнямъ, то и въ селѣ какъ будто пусто: разъ-по-разъ спрашиваютъ, скоро ли придетъ домой дѣдъ? Только намъ не много было

корысти изъ его заработковъ: онъ сколько-бъ ни собралъ денегъ, всѣ отдастъ первому, кто у него попроситъ, и рѣдко принесетъ домой. Такой чудной старикъ былъ. Какъ вотъ прошлаго году весною пришла ему охота идти въ Кіевъ: пойду да и пойду помолюсь Богу! Вотъ я и мужъ приступили къ нему: куда вамъ, панотче, идти? вы уже и такъ немощные, да идти вамъ по такимъ жарамъ да по такимъ пескамъ! Нѣтъ, пойду да и только. Какъ взялся, какъ взялся—поставилъ таки на своемъ. Выпроводили мы его съ людьми въ дорогу, да и просили ихъ, чтобъ они уже его тамъ доглядали. Какъ выпроводили—проходитъ недѣля, другая настаетъ,—нѣтъ назадъ! а всегда бывало за одну недѣлю ворочаются наши слобожане изъ Кіева. Ну, думаемъ, видно старикъ говѣетъ, то и товарищи его дожидаются. Только разъ ввечеру сидимъ мы, я да дочка, въ хатѣ; мужа не было дома. Помню какъ теперь—солнце стояло уже на самомъ заходѣ и такъ сильно свѣтило сквозь окно на образа, что образа блестѣли какъ золотые. А подъ образами стояла панотцева бандура, накрытая бѣлою хусткою. Вдругъ хустка слетѣла съ бандуры, какъ будто чья рука схватила ее, и вслѣдъ за тѣмъ бандура сама собою заиграла такъ точно, какъ игралъ на ней покойный

панотецъ. Мы обѣ такъ и обомлѣли. Пріѣхалъ мужъ, разсказала я ему, и мужъ испугался; и всѣ мы тогда-жь такъ и положили, что это не передъ добромъ. Какъ думали, такъ и сбылось. На четвертый день воротились изъ Кіева люди, съ которыми ходилъ панотецъ, и сказали намъ, что его нѣтъ уже на свѣтѣ. И еще что разсказывали про его смерть! Когда они были въ Кіевѣ, то панотецъ, пришедши разъ изъ обѣдни, сталъ пѣть любимую свою пѣсню. ой сѣвъ пугачъ на могилѣ. Потомъ и говоритъ имъ: —знаете что, братцы? я заразъ умру; жаль только, что нѣтъ со мной бандуры: мнѣ хотѣлось бы передъ смертью заиграть своего *пугача*.—Сказавши это, онъ легъ на лавку и сложилъ руки. Кинулись къ нему, а онъ и душу Богу отдалъ.»

Хозяйка за слезами на-силу договорила послѣднія слова, и потомъ начала утирать глаза рукавомъ своей сорочки. Старый Чайка и его спутники сидѣли всѣ понурившись, тронутые печалью хозяйки и раздумывая, каждый по-своему, диковинное происшествіе. Въ хатѣ сдѣлалось тихо; и только слышно было въ окнѣ жужжаніе пчелы, которая нечаянно попала въ хату и теперь билась сквозь стекло на волю.

Можетъ быть и долго всѣ молчали-бъ, еслибъ хозяйка не догадалась поставить на столъ ужинъ.

Усадивши на самый покуть своихъ гостей, хозяйка попотчивала старика и Ивана водкою и потомъ просила ѣсть, что Богъ послалъ. Въ дорогѣ человѣкъ неразборчивъ, и потому простой деревенскій ужинъ показался нашимъ путникамъ даже роскошнымъ.

Вставши изъ-за стола, Чайка поблагодарилъ хозяйку и сказалъ, что какъ они завтра намѣрены выдти въ дорогу на разсвѣтѣ, то лучше сегодня разсчитаться за ночлегъ.

«От-се, нехай Богъ крые!—воскликнула хозяйка. Развѣ мы Жиды, чтобъ намъ брать гроши за то, что добрый человѣкъ у насъ переночуетъ? Другое дѣло съ пановъ, такъ то уже и Богъ велѣлъ. И я когда-то ходила на богомолье въ Рыхлы, да съ меня никто и копѣйки не взялъ за всю дорогу, а еще добрые люди—дай имъ Богъ здоровье—безъ хлѣба и въ путь не отпускали. Да и покойный панотецъ—пусть ему перомъ земля лежитъ—всегда бывало говоритъ намъ: ѣжь хлѣбъ, да и другому дай.»

«Коли-жь не хочете брать съ насъ платы—сказалъ Чайка:—такъ возьмите хоть Кіевскихъ гостинцевъ.»

Онъ вынулъ изъ узелка, который во время дороги несъ за спиной на палкѣ, два кипарисные крестика и далъ хозяйкѣ; а Иванъ

подарилъ ея дочери большой личманъ съ изображеніемъ Николая Чудотворца. Все это принято было съ великою благодарностью.

Иванъ просилъ хозяйку показать ему бандуру, которая осталась послѣ ея панотца; и какъ онъ самъ умѣлъ играть, то увидѣвши ее, тотчасъ замѣтилъ въ ней особенныя достоинства и тутъ-же купилъ ее у хозяйки. Потомъ стали думать о ночлегѣ. Иванъ и старый Чайка легли въ хатѣ; а Маруся ушла съ хозяйскою дочкою въ комору.

Не успѣло небо покраснѣть на востокѣ, а уже наши богомольцы были на пути. Прошедши версты двѣ, старикъ сказалъ:

«Ну, дѣти, теперь пойдемъ проселочною дорогою, затѣмъ что столбовая до самихъ Козаръ песчана; да сюда-жь будетъ и ближе, и мѣста тутъ веселѣйшія.»

Своротили направо. Передъ ними бѣлымъ моремъ лежали поля цвѣтущей гречки, отъ которой воздухъ благоухалъ медовымъ запахомъ. Утро было туманное, и потому они не могли видѣть краевъ горизонта, и бѣлая равнина казалась безпредѣльною во всѣ стороны; только впереди сквозь дымчатую мглу румя-

нился востокъ, да сзади болванѣли еще вербы оставленной дороги. Между тѣмъ утро постепенно оживлялось, небо свѣтлѣло; подулъ свѣжій вѣтерокъ, туманъ сталъ виться въ кудри по долинамъ. Пройдя еще версты три, вошли они въ дубовый и березовый лѣсъ. Тамъ все еще какъ-будто спало. Покрытыя росой деревья нависли надъ узенькою дорожкою и наводили на нее холодный сумракъ; а голубые колокольчики, перепутанные съ высокою травою, едва начинали раскрывать свои чашечки. Изрѣдка попадались нашимъ путникамъ водяныя долины, еще залитыя бѣлымъ утреннимъ туманомъ. Порой изъ глубины лѣса несся рѣзкій крикъ ворона или глухой стукъ дятла въ дерево; но больше ни одинъ звукъ не оживлялъ дремлющаго лѣса.

«Не выходитъ у меня изъ головы, дѣдусю, вчерашній разсказъ хозяйки—сказала Маруся своему дѣду. Какъ вы думаете, что это такое играло на бандурѣ?»

Дѣдъ опустилъ голову, и подумавши съ минуту, отвѣчалъ: «душа играла, моя комашко.»

«Какъ-то душа, дѣдусю?» спросила она съ удивленіемъ.

«А ты еще не знаешь этого? А помнишь, какъ разсказывала покойница твоя баба, а моя жена, что въ самый тотъ день, когда отецъ

ея убитъ на войнѣ, старая сабля его, висѣвшая дома на стѣнѣ въ свѣтлицѣ, вдругъ ни съ того ни съ сего упала и переблласъ надвое? Какъ тебѣ это сдается: отчего она упала?»

«Я не помню, чтобъ кто это разсказывалъ мнѣ. Можетъ быть я тогда была еще такая маленькая, что и не поняла ничего. Разскажите вы, дѣдусю.»

«Добре, моя комашко. Слушай. Отецъ твоей покойной бабы, а мой тесть, былъ въ свое время козакъ межь козаками. Дома всѣ къ нему ходили судиться и просить совѣтовъ какъ къ попу, затѣмъ что голова была разумная; а на войнѣ онъ всегда былъ впереди тѣхъ удальцовъ, что не глядятъ обозу, а какъ только завидятъ Турка или Татарву, то такъ и ломятся межь нихъ, хоть-бы тамъ была какая сила. Правда, что и корысти они всегда получаютъ знатныя; да и дѣло-жь ихъ не слишкомъ легкое: шутка ли врубиться какой-нибудь горсти удалыхъ головъ въ цѣлое войско непріятельское и схватя добычу, воротиться опять назадъ! Какъ бы-то ни было, только твой прадѣдъ не хотѣлъ и знать ни объ какой опасности; и еслибъ не нашлось ему товарищей, онъ самъ готовъ бы лѣзть на Турецкія сабли. Всѣ уже знали, что за козакъ Степанъ Журба, и самъ полковникъ не разъ набивался ему чи-

нами: хотѣлъ его сдѣлать то асауломъ, то старшиною, а разъ сулилъ ему самаго сотника; такъ что-жь? не хочетъ! такой удался молодецъ.—Начто, говоритъ, мнѣ ваши чины? Какъ буду я сотникомъ, то мнѣ надо разъ-въ-разъ держаться при обозѣ, да только того и глядѣть, куда пошлютъ меня; а теперь я воленъ, какъ вѣтеръ въ полѣ: набралъ себѣ охотниковъ—гайда куда глаза глядятъ! а перекрошатъ ихъ, я и за то не отвѣчаю: воля была идти за мной, а они не дѣти. Корысти-жь я получаю отъ своего промысла такія, что пусть похвалится любой сотникъ.—И правду говорилъ: разсказывали бывалые при томъ, что какъ-бы ни окружилъ его непріятель, какъ-бы ни стрѣляли, какъ бы ни рубили его, а онъ таки выскочитъ изъ ихъ толпы, хоть весь израненный, и не съ пустыми руками; всегда бывало вынесетъ или збрую всю въ золотѣ да въ серебрѣ, или полные торока кармазиновъ такихъ, что и цѣны имъ нѣтъ. Ну, видя, что твоего прадѣда никакая сила не одолѣваетъ и что его конь, когда разыграется битва, всегда какъ демонъ такъ и скачетъ на гарматы, всѣ такъ и думали, что Степанъ Журба долженъ быть какой-нибудь колдунъ. А онъ былъ такой же христіянинъ, какъ и всякій добрый человѣкъ; только у него была такая сабля, что съ нею

онъ не боялся смерти. Та сабля досталась ему чуднымъ случаемъ. Ѣхалъ онъ полемъ выглядывать непріятеля; только, проѣзжая по краю глубокаго байрака, вдругъ слышитъ, что въ байракѣ какъ будто кто стонетъ. Вотъ онъ сошелъ съ коня и спустился внизъ. Смотритъ— лежитъ козакъ, сѣдой-сѣдой какъ лунь; весь *порубаный,* весь *постреляный;* а подлѣ него мертвый конь. Увидѣвши твоего прадѣда, козакъ подвелъ голову и говоритъ ему:—слушай, человѣкъ добрый, если въ тебѣ душа христіянская, то сдѣлай ты мнѣ послѣднюю милость, вынеси ты меня изъ этого байрака, похорони въ чистомъ полѣ и поставь надо мною крестъ, хоть изъ хворостинки: пусть таки я буду похороненъ какъ христіянинъ! А я тебѣ подарю за то подарокъ знатный. Вотъ сабля; она дорога не золотою ручкою и камнями самоцвѣтными, а тѣмъ, что кто съ нею идетъ въ бой, тотъ не боится смерти, пока семь пуль не пронижутъ его; замѣть ты это себѣ. Перекрести меня и прощай.—Сказалъ, и тутъ же умеръ. Вотъ прадѣдъ твой вынесъ его изъ байрака, вырылъ саблею яму, похоронилъ его, прочиталъ еще какую зналъ молитву, изъ козацкаго списа сдѣлалъ крестъ, воткнулъ его острымъ концемъ въ землю, и бѣлую хустку повѣсилъ на крестѣ, чтобъ зналъ православный

людъ, что тамъ лежитъ козакъ; потомъ взялъ подаренную саблю и уѣхалъ. Но когда воротился къ обозу и сталъ показывать товарищамъ подарокъ, то всѣ, кто бралъ эту саблю, дивились ей и не могли добиться, что это за сабля: такой никому не случалось видѣть. Вѣдь встарину бывали такіе знатоки, что покажи ему клинокъ, такъ онъ тебѣ, не читая никакой надписи, разскажетъ, что это за клинокъ, и изъ какой земли онъ, и какъ давно выкованъ. А тутъ ужь сколько охотниковъ до рѣдкаго оружія приходило къ твоему прадѣду,—сходились сотники и асаулы полковые,—такъ нѣтъ, никто не прочиталъ словъ, которыми она исписана и не сказалъ, какой народъ носитъ такія сабли. И съ этой саблею воевалъ твой прадѣдъ какихъ-нибудь лѣтъ двадцать, а вѣдь тогда бывало что годъ, то и война; наконецъ вызубрилась она такъ, что выѣзжая въ послѣдній разъ на войну, оставилъ онъ ее дома. Покойная теща правда таки и уговаривала его, чтобъ онъ ее не покидалъ; да прадѣдъ твой не такой былъ козакъ, чтобъ бабы послушался.—На что она теперь мнѣ годится? развѣ я стану ею пилить непріятеля?—Сказалъ, и уѣхалъ съ другою саблею. Пришли на мѣсто сраженія. Прадѣдъ твой, хоть и не имѣлъ уже при себѣ чудной сабли, но все таки не удер-

жался, чтобъ не попробовать первому непріятельской крови; собралъ охотниковъ, выстроилъ ихъ какъ слѣдуетъ угломъ, крикнулъ, гикнулъ и врѣзался въ самую средину Турецкаго войска. Долго не показывалась его ватага назадъ, слышенъ былъ только крикъ да пальба внутри непріятельскаго стана; наконецъ переднie ряды заколыхались, раздались, и прадѣдъ твой вылетѣлъ на долгогривомъ своемъ конѣ съ пятою только частью своихъ товарищей. Не успѣли наши закричать и захлопать въ ладони, какъ откуда ни возьмись изъ непріятельскаго стану пуля—хвать его прямо въ голову! Онъ зашатался, упалъ впередъ и обхватилъ руками коневу шею, и конь принесъ его мертваго въ обозъ козацкій. А теща покойница въ это самое время съ дочками своими шила ему дома сорочки, за тѣмъ, что обыкновенно все, что бралъ онъ изъ платья съ собою въ походъ, передеретъ и перекровавитъ бывало такъ, что страшно и въ руки взять. Вдругъ что-то грянулось позади ея объ полъ; глядь— мужева сабля. Ну, тутъ уже всѣ и догадались, что это значитъ.»

Старикъ умолкъ и казалось о чемъ-то размышлялъ. Его разсказъ взволновалъ молодую кровь въ Иванѣ; и онъ, вмѣсто того чтобъ жалѣть о смерти храбраго козака, воскликнулъ

съ одушевленіемъ: «славно было тогда жить, дядюшка!»

Старикъ быстро взглянулъ на парубка.

«Чѣмъ славно?» спросилъ онъ.

«Тѣмъ, что тогда было гдѣ погулять доброму молодцу!» отвѣчалъ Иванъ, потрясши головою.

«Правду, братъ, говоришь!—сказалъ старый Чайка, разгоряченный и самъ воспоминаніемъ козацкой славы:—правду говоришь! славно!»

И потомъ вдругъ замолчалъ и опустилъ голову, какъ будто совѣстясь, что увлеченный стариною, забылъ свои сѣдины и побратался съ парубкомъ.

«Какъ-же вы, дѣдусю, говорили, что на бандурѣ душа играла?—сказала Маруся. Это мнѣ непонятно.»

«Дѣло ясное,—отвѣчалъ дѣдъ—что душа передъ отлетомъ на тотъ свѣтъ прилетала прощаться съ домашними; вотъ и дала имъ о себѣ знать черезъ бандуру, такъ какъ душа твоего прадѣда дала знать черезъ саблю.»

Между тѣмъ солнце было уже высоко надъ лѣсомъ; день приближался къ обѣденной порѣ и въ воздухѣ стало такъ жарко, что нашимъ подорожнимъ надо было подумать и объ отдыхѣ. Лѣсъ съ каждымъ шагомъ измѣнялся; попадались между березами и дубомъ клены и

ясени, а по отлогимъ мѣстамъ луговая калина и широкіе кусты сребристаго верболоза; самая трава что-дальше становилась отмѣннѣе отъ прежней. По всему было видно, что недалеко должна быть вода. Это замѣчаніе сдѣлалъ Иванъ, и старикъ подтвердилъ его, сказавши, что они скоро придутъ къ широкому пруду.

И въ самомъ дѣлѣ, прошедши съ полверсты, они услышали глухой шумъ водяной мельницы; а поднявшись на довольно высокій косогоръ, покрытый липою и живописными кустами лѣсчины, они должны были сперва закрыть глаза, потому что солнце, стоявшее на полуднѣ, отразилось на самой срединѣ чистаго пруда и сверкало на всю окрестность невыносимо-яркими искрами. Шумъ отъ колесъ, заслоненный прежде горою, теперь былъ безъ сравненія сильнѣе; съ густымъ гудѣніемъ ходилъ онъ вокругъ пруда по лѣсу, отзывался со всѣхъ сторонъ и снова сливался съ безпрестаннымъ журчаніемъ воды, бѣжавшей по колесамъ. За прудомъ бѣлѣлась подъ соломенною крышею мельникова хата, съ огородомъ, изъ котораго выглядывало множество золотыхъ подсолнечниковъ и полоса цвѣтущаго маку; по кольямъ плетня вился кудрявый хмель, и темнозеленые столбы его были какъ-бы сторожевыми башнями для этой буколической крѣпости. Мѣста-

ми отважный гарбузъ выползалъ изъ огорода на самый верхъ плетня съ своими широкими листьями, и разросшись на солнцѣ, переваливался внизъ и не могъ уже воротиться назадъ. Синій дымъ, выходя изъ-подъ крышки деревяной трубы, тонкой завѣсой вѣялся по густой зелени прибрежныхъ осокорей и улеталъ потомъ въ голубое небо. По берегу въ густой травѣ паслись овцы и лежало нѣсколько паръ воловъ подлѣ наваленныхъ мѣшками телегъ.

Спустясь съ горы, наши путешественники расположились отдыхать на берегу пруда подъ старой липою. Старикъ, подкрѣпившись пищею, сладко заснулъ подъ усыпительный шумъ воды; и Иванъ, неимѣвшій до сихъ поръ случая говорить наединѣ съ Марусею, предложилъ ей идти съ нимъ въ лѣсъ по грибы. Она знала, что дѣвушкѣ не годится быть въ лѣсу глазъ на глазъ съ молодымъ парубкомъ; но у нея не достало духу отказать Ивану въ первой просьбѣ, и она согласилась безъ отговорки.

Сперва они обое не знали, съ чего начать рѣчь: Маруся готова была промолчать до самаго вечера; Иванъ безпрестанно порывался сказать ей что-нибудь, и всякій разъ на сердцѣ у него дѣлалось такъ горячо, что онъ останавливался не произнеся ни одного слова. Да послѣ онъ какъ-то уже догадался начать рѣчь съ

разспросовъ о Воронѣжѣ. Маруся отвѣчала подробно на всѣ вопросы, разсказывала про гулянья и вечернія сходки на улицѣ, про парубковъ и дѣвушекъ. Разговоръ съ каждой минутой становился занимательнѣе; и они сами не замѣтили, какимъ случаемъ побрались за руки и забывши про грибы, расхаживали по лѣсу какъ давніе знакомцы. Маруся спохватилась только тогда, когда они сѣли подъ дубомъ и Иванъ, безъ лишнихъ нѣжностей, влѣпилъ простосердечный поцѣлуй въ полныя ея губки.

«Охъ, Иванъ! что ты дѣлаешь?—вскрикнула она, нахмуривъ брови.—Какъ тебѣ нестыдно цѣловаться?»

«Что-жь тутъ нехорошаго, мое сердце?» отвѣчалъ Иванъ.

«Какъ что нехорошаго? Развѣ не знаешь, что дѣвушкамъ не годится цѣловаться съ парубками? Матуся каждый день это твердитъ. Да и дѣдусь теперь какъ только увидитъ меня, то заразъ и узнаетъ, что я цѣловалась съ тобою.»

«Не бойся, моя голубко, не узнаетъ.»

«Да, не узнаетъ! Ты еще не знаешь дѣдуся. Онъ однимъ взглядомъ пройметъ человѣка такъ, что вывѣдаетъ всю душу; и есть такіе люди, что боятся смотрѣть ему въ глаза. Его въ Воронѣжѣ зовутъ вѣщуномъ, отъ того что онъ все знаетъ и ничто отъ него не укроется.

«Пусть онъ себѣ и все знаетъ, только еще не слыхано, чтобъ можно узнать, кто съ кѣмъ поцѣлуется.»

«Говори; а вотъ увидишь, что онъ скажетъ. Пойдемъ. Онъ вѣрно уже не спитъ.»

Старикъ точно уже проснулся, и увидѣвши ихъ идущихъ вмѣстѣ изъ лѣсу, немного нахмурился; но взглянувши на принесенныя ими сыроѣжки, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ, забылъ свое минутное неудовольствіе и пѣнялъ только на себя, что долго проспалъ и опоздалъ въ дорогу.

Слѣдующіе два дня шли они постоянно столбовою дорогою. На ихъ счастье погода была пасмурная, и они не терпѣли отъ жары; а отъ скуки избавлялъ ихъ самъ старый Чайка. Онъ безпрестанно разсказывалъ то про старину, то про разные случаи собственной жизни, и изъ всѣхъ своихъ разсказовъ дѣлалъ заключенія простыя, но порой такія свѣтлыя, что позавидовалъ бы имъ иной и психологъ, почерпающій свои идеи изъ Нѣмецкихъ книгъ, а не изъ живой природы человѣческой.

«Тутъ мы немного отдохнемъ съ дороги,— сказалъ Чайка Ивану, когда они вступили въ

Батуринъ. Зайдемъ къ старинному моему пріятелю бондару Омельку. Онъ сперва жилъ въ нашемъ Воронѣжѣ, да вотъ уже лѣтъ съ двадцать, какъ перешелъ сюда: тутъ, видишь, послѣ тестя достался ему по наслѣдству грунтъ. Мы у него были идучи въ Кіевъ, и обѣщали зайти еще изъ Кіева.»

Бондаръ Омелько, котораго они застали за работою, очень имъ обрадовался; бросилъ свои инструменты, и перецѣловавшись съ гостями какъ слѣдуетъ, повелъ ихъ въ хату.

Хата бондара Омелька отличалась между Батуринскими простыми хатами особеннымъ щегольствомъ. Не говоря уже о томъ, что она вся выбѣлена была мѣломъ, что окна снаружи обведены были красною краскою, а соломенная крыша подстрижена такъ чисто, какъ у инаго щеголеватаго парубка чуприна къ свѣтлому празднику,—внутри ея столъ былъ новый липовый, на точенныхъ ножкахъ и съ двумя ящиками; образа все подъ шатами да подъ стекломъ; на колочкахъ между окнами рушники бѣлые, вышитые красными узорами очень искусно, да и лавки и полиця съ разною посудою были гораздо лучше, чѣмъ въ обыкновенныхъ козачихъ хатахъ.

Двѣ дочки бондара Омелька, полнощекія дѣвушки въ затканыхъ плахтахъ, съ нетерпѣ-

ніемъ ожидавшія возврата Маруси изъ Кіева, тотчасъ увели ее въ свою комнáту и не дали ей даже поздороваться съ бондарихою: онѣ хотѣли какъ можно скорѣй узнать отъ нея всѣ новости, а при незнакомомъ парубкѣ стыдились разговориться. Въ комнатѣ было почти темно, и не столько отъ наступавшихъ сумерекъ, сколько отъ того, что оба окна ея заслонены были деревьями: одно густою черемухою, а другое вишнями, которыхъ ягоды упирались въ самое стекло. Бондаръ Омелько нѣсколько разъ сбирался срубить эти деревья, чтобъ не дѣлали темноты въ хатѣ; но дочки, да и сама бондариха, всякой разъ упрашивали его оставить свое намѣреніе, потому что въ лѣтнія ночи соловей поетъ на черемухѣ или на вишнѣ подъ самими окнами.

Усадивши Марусю, дѣвушки прежде всего просили ее показатъ Кіевскіе гостинцы и ленты, какихъ она тамъ накупила: все приводило ихъ въ восхищеніе; нѣсколько разъ примѣривали онѣ себѣ блестящія кольца и серьги, распускали и сворачивали яркія ленты, и оставили ихъ въ покоѣ только тогда, когда Маруся подарила имъ по сребряной *каблучкѣ* отъ Великомученицы Варвары. Потомъ начали распрашивать ее о Кіевѣ, объ Андреевской церкви, о колоколнѣ Лаврской и о пещерахъ. Маруся

никогда-бъ не кончила своихъ разсказовъ, еслибъ не позвали ихъ вечерять.

Къ бондару Омельку между тѣмъ пришло еще человѣка три гостей; всѣ они уже довольно разговорились и накрасились, такъ что когда дѣвушки вошли въ свѣтлицю, Марусинъ дѣдъ былъ румянъ какъ яблочко, да и самъ бондарь Омелько очень умильно свѣтилъ своею лысиной.

Сѣли за столъ. Сперва всѣ очень прилѣжно принялись за вкусный борщъ съ свининою и новую картофель; но къ концу вечера старики больше пили, чѣмъ ѣли, и даже превосходные вареники съ сметаною не обратили на себя особеннаго ихъ вниманія. Завелись безконечные разговоры, пошли толки, вспомнили старину....

Старый Чайка особенно отличался въ этой бесѣдѣ; хмель не уменьшилъ его краснорѣчія, а еще прибавилъ ему говорливости. Но только Иванъ да бондарь Омелько были постоянными его слушателями, потому что остальные гости говорили всѣ вообще и каждый порознь, что кому на умъ взбредетъ. Въ пылу разгоряченнаго ума Чайка говорилъ необыкновенно складно, такъ что рѣчь его похожа была на старинную пѣсню, и Иванъ въ этотъ вечеръ еще больше убѣдился въ его вѣщемъ умѣ.

Вечеря длилась до-поздна; наконецъ встали

и начали расходиться спать. Остались только одни старики, и окружа большой кувшинъ варенухи, казалось и не думали о концѣ своего пира. Маруся легла съ своими подругами въ новой хатѣ, которую бондарь Омелько строилъ, приготовляясь принять осенью зятя къ старшей дочкѣ. Хата была еще безъ дверей и безъ рамокъ въ окнахъ; свѣжій вѣтеръ навѣвалъ пріятною прохладою изъ саду и заставлялъ дѣвушекъ укрываться потеплѣе. Лежа, долго еще разсказывала Маруся любопытнымъ подругамъ про Кіевъ и про свою дорогу; наконецъ онѣ обѣ уснули, и она осталась на свободѣ съ своими молодыми грезами.

Полный мѣсяцъ свѣтилъ ей въ окно. Вспомнила она Воронѣжъ, его мѣсячныя ночи, когда она, скучая рѣзвостью своихъ подругъ и ухаживаньями парубковъ, изъ которыхъ ни одинъ ей не нравился, сидѣла въ своей комнатѣ у окна, глядя на звѣздное небо, на далекіе лѣса, на темный прудъ, въ которомъ все было опрокинуто: и черная мельница съ длинною плотиною, и старыя вербы, и тонкій полумѣсяцъ, стоящій въ небесной высотѣ какъ золотая подкова;— чуть долетали до ея слуха протяжнымъ эхомъ пѣсни, раздававшіяся на самомъ дальномъ концѣ Воронѣжа, гдѣ-нибудь въ Спасчинѣ или Пречисчинѣ. . . .

Тѣ воспоминанія были туманны, хоть и теплы для сердца. Совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ представлялось ей время, прошедшее съ тѣхъ-поръ, какъ въ первый разъ увидѣла она Ивана. Отъ перваго его взгляда, встрѣченнаго ею въ церкви, до послѣдняго слова, которое сказалъ онъ ей уходя спать, она помнила ясно всѣ подробности ихъ знакомства; и никогда ей не забыть ни блеска воды въ то время, когда они пришли отдыхать къ мельницѣ, ни шума колесъ, подъ который такъ сладостно ей было слушать влюбленный говоръ милаго парубка.

Теперь раздумывала она, какъ они будутъ жить въ Воронѣжѣ, какъ весело ей будетъ лѣтнею ночью выйти на улицу, гдѣ ея Иванъ, ведя за собой веселое сборище парубковъ и дѣвушекъ, будетъ играть на бандурѣ любимыя ея пѣсни. Но дѣвушки.... Тутъ мысль ея прервалась, сердце чего-то заныло; неизвѣстное дотолѣ ей чувство ревности вкралось впервые въ ея душу: такова-то любовь! И вотъ она стала перебирать въ своемъ умѣ по одиначкѣ всѣхъ своихъ подругъ, которыя моглибъ ей быть опасными на счетъ Ивановой любви. «Нѣтъ,—рѣшила наконецъ она,—ни одна изъ нихъ меня не стоитъ! У кого изъ нихъ такія какъ у меня очи?... У кого брови чернѣе, у кого лице бѣлѣе моего?... Онъ долженъ быть моимъ,

непремѣнно моимъ!» И она быстро перевернулась на другой бокъ, и полный мѣсяцъ освѣтилъ ея чудесную голову, небрежно откинутую на бокъ въ жару и томленіи....

Вдругъ слышитъ она тихій звонъ музыки, сопровождаемый протяжною пѣснею, въ которой нетрудно было узнать голосъ Ивана. Невѣдая сама отъ чего, она испугалась и вся вздрогнула; но біеніе сердца не помѣшало ей разслушать слова неизвѣстной ей пѣсни:

«Вари, мати, вечеряти: я ляжу за-сонця.
Ой хто мене вѣрно любить, прійде до вôконця.
До вôконця припадае, съ-тиха промовляе:
Выйди, выйди, дѣвчинонько, зъ рубленои хаты;
Теперъ нôчка темненькая, не знатиме мати.»

Голосъ Ивана какъ будто имѣлъ въ себѣ что-то чародѣйское, потому что Маруся, выслушавъ пѣсню, почувствовала, что какая-то особенная сила тянетъ ее къ нему. Повинуясь этому влеченію, она встала и трепетными ножками подошла къ окну. Подъ окномъ стоялъ Иванъ, безъ шапки, съ бандурою въ рукахъ.

«Что тебѣ вздумалось, Иванъ, играть въ такую пору?» сказала съ укоризною Маруся.

«Хотѣлъ увидѣть ясныя твои очи, мое серденько.»

«Да что подумають хозяйскія дочки?

«Не бойся, моя галочко: онѣ давно уже спятъ.»

«Спятъ. Да почему ты знаешь, что онѣ спятъ?»

«Какъ же мнѣ не знать? Вѣдь у меня сердце такой вѣщунъ, что лучше твоего дѣдуся, когда дѣло идетъ о тебѣ, моя зоронько!»

«Иди спать, Иванъ! уже поздо, уже давно всѣ спятъ.»

«Дай-же мнѣ свою ручку.»

«На-что тебѣ моя рука?»

«Такъ, подержу трошки... можетъ быть на сердцѣ будетъ легче.»

«А развѣ у тебя тяжело на сердцѣ?»

«Охъ, тяжело, тяжело, милая Марусю! Съ того времени какъ я тебя увидѣлъ, мнѣ будто камнемъ заложило грудь; и только тогда мнѣ легко и весело, когда смотрю въ твои ясныя очи, когда слушаю соловьиныя твои рѣчи!»

«Какъ онъ меня любитъ!—думала, слушая его Маруся. Нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ онъ когда нибудь промѣнялъ меня на другую! Дать уже ему руку: вѣдь онъ бѣдненькой такъ же горюетъ по мнѣ, какъ и я по немъ. Его и сонъ не беретъ! Все, вѣрно, только и думаетъ, что обо мнѣ.»

«Иванъ,—сказала она,—иди спать!»

«Развѣ тебѣ нелюбо, что я стою передъ тобою?»

«Да нѣтъ, Иванъ; только уже поздо.»

«Дай же ручку, такъ и пойду.»

Маруся молча протянула ему свою руку, и уже не въ-силахъ была отнять ее: его желанія какъ-будто перелились ей въ душу отъ одного прикосновенія руки; и теперь она готова была простоять съ нимъ въ такомъ положеніи хоть до самаго свѣта.

Иванъ взявши Марусю за руку, не могъ удержаться, чтобъ не обнять ее; и только что хотѣлъ поцѣловать, какъ вдругъ услышалъ позади себя говоръ.

Бондаръ Омелько, распрощавшись съ своими сосѣдями, провожалъ стараго Чайку въ садъ спать. Старики, подгулявши какъ слѣдуетъ, беспрестанно увѣряли одинъ другаго въ душевной расположенности и цѣловались почти на каждомъ шагу; и вдругъ наткнулись на другую пару, обнимавшуюся совершенно по другому побужденію.

Маруся, неопытная еще въ ночныхъ свиданіяхъ, увидѣвши вдругъ передъ собою нахмуренное лице дѣда и блестящую при мѣсяцѣ лысину бондара Омелька, такъ оторопѣла, что не спохватилась отнять отъ Ивана своей руки и держалась за него крѣпко, какъ будто боялась утонуть.

«Э, добре, внучко!—сказалъ Чайка, который

отъ удивленія долго не могъ начать рѣчи и думалъ, что это ему съ пьяныхъ глазъ такъ показалось, будто онъ видитъ въ такую пору свою Марусю наединѣ съ парубкомъ.—Вотъ такъ ходи на богомолье! не успѣли поворотить назадъ, уже и за жениханье! Знатно, знатно, моя комашко! Э!»

Онъ покачалъ головою. Маруся смѣшалась еще больше. Суровое лице старика, съ сѣдою чуприною и бѣлыми навислыми бровями, стояло передъ нею въ блескѣ мѣсяца какъ злое привидѣніе, явившееся въ самую пылкую минуту ея жизни; вѣщіе глаза его, неподвижно уставленные на нее, проникали до самаго сердца, и такъ тяжело было выносить ихъ мрачный взоръ, что у нея начало кружиться въ головѣ. Но въ это время Иванъ, оставивши ея руку, подступилъ къ старому Чайкѣ, и своимъ разговоромъ избавилъ Марусю отъ губительнаго дѣйствія его глазъ.

«Дядюшка!—сказалъ онъ—не корите свою внучку: я одинъ виноватъ и отвѣчаю за все недоброе!»

«Слушай, козаче!—отвѣчалъ ему Чайка:—недобраго тутъ ничего еще нѣтъ. Я не изъ тѣхъ, что состарѣвшись, только и знаютъ, что бранить молодежь за жениханье. Я самъ былъ козакомъ, и знаю, что молодцу и долгъ велитъ

погулять до женитьбы. Не бѣда и дѣвушкѣ постоять часъ-другой съ парубкомъ, хоть бы то и ночью. Только всему надо знать время. Теперь мы идемъ изъ святаго мѣста: грѣшно думать объ жениханьи! Всѣ дни напереди: успѣли-бъ еще нагуляться и въ Воронѣжѣ. Не годится, не годится—продолжалъ онъ сомнительно, покачивая головою.—Замѣть ты себѣ, что *недоброе начало худой имѣетъ и конецъ*....»

«Дядюшка...» сказалъ Иванъ.

«Такъ, такъ, козаче!—говорилъ вѣщій старикъ, не слушая его:—недоброе начало худой имѣетъ и конецъ. Лукавый ищетъ такихъ случаевъ; его надо остерегаться!...»

«*Иначе якъ на те-жъ, вбій его чадъ лихій!*» вымолвилъ бондаръ Омелько, который шатался на ногахъ какъ дерево отъ вѣтру и ровно ничего не понималъ изъ этой сцены.

«Пора спать, дѣти!—сказалъ Чайка.—Дай Богъ, чтобъ на этомъ все и кончилось. Пойдемъ, братъ, Омелько.»

Всѣ разошлись.

На другой день Иванъ и Маруся не знали, какъ показаться на глаза дѣду; но старикъ, противъ ихъ ожиданія, встрѣтилъ ихъ очень ласково и казалось совсѣмъ забылъ про вчерашнее происшествіе; только, когда бондариха стала пѣнять, что Маруся сидитъ такая смутная,

онъ какъ будто безъ умыслу сдѣлалъ замѣчаніе, что можетъ-быть она въ эту ночь мало спала. Маруся почервонѣла вся какъ макъ, и никто, кромѣ Ивана, не зналъ настоящей причины этой краски, потому, что и бондарь Омелько не помнилъ ничего изъ вчерашняго происшествія.

Послѣ завтрака бондарь Омелько водилъ Чайку и Ивана по своимъ хозяйственнымъ заведеніямъ; а Маруся съ дѣвушками ходила смотрѣть Батуринскаго базару. Возвращаясь оттуда, старшая бондаривна сказала ей:

«Слыхала ты, сестрица, про то, что у насъ въ Батуринѣ *земля плачетъ?*»

«Я слышала объ томъ еще въ Воронѣжѣ— отвѣчала Маруся—вотъ хорошо, что ты напомнила: гдѣ это мѣсто?»

«А вотъ пойдемъ дальше; мы тебѣ покажемъ. Только смотри, не слишкомъ прислушивайся, а то и во снѣ будетъ сниться.»

Прошедши длинную улицу, поворотили онѣ направо и взошли на цвинтаръ, нѣсколько возвышенный надъ обыкновенною плоскостью Батурина. Маруся прилегла къ землѣ и приложила ухо. Сперва ничего не было слышно, и она, хотѣла уже встать; но вотъ—внутри земли прошелъ какъ будто рѣзкій вѣтеръ: глухой, невнятный стонъ жалобно потянулся на

далекое пространство и отозвался тугимъ взвизгомъ въ другомъ мѣстѣ. Потомъ слышитъ она — какъ будто множество голосовъ пробудилось отъ этого взвизга и неслись изъ глубины земли вверхъ смѣшанною волною. Съ каждымъ мигомъ эта волна слышалась внятнѣе; къ ней приставали другіе голоса, и наконецъ образовалось что-то въ-родѣ хора, но такое похоронное, такое жалобное, что Маруся не могла долѣе слушать и съ страхомъ поднялась съ земли.

«А что, сестрица, слышала?» спрашивали бондаривны; но Маруся ничего не отвѣчала, и только, когда вышли на улицу и на нихъ повѣялъ отъ Сейму холодный вѣтеръ, она пришла въ память, и спросила ихъ: что это такъ тяжко плачетъ въ землѣ?

«Этого никто не знаетъ» отвѣчала старшая бондаривна.

«Какъ, во всемъ Батуринѣ никто не знаетъ?»

«Да не только въ Батуринѣ, а и во всемъ свѣтѣ; за тѣмъ, что это диво случилось очень давно; уже и людей тѣхъ нѣтъ, что знали про него. А говорятъ только, что когда-то въ Батуринѣ была война и великій пожаръ, и побито много народу, и съ того времени кровь христіянская плачетъ въ землѣ.»

Ничего не сказала на это Маруся; но такое неслыханное диво запало ей въ душу, и она

положила себѣ, дождавшись случая, спросить объ этомъ у дѣдуся.

Когда дѣвушки воротились домой, обѣдъ былъ уже на столѣ. Пообѣдавши, отдохнули немного и собрались въ путь.

Бондарь Омелько со всѣмъ семействомъ провожалъ своихъ гостей за Батуринъ. Тамъ, остановившись на курганѣ, выпили старые по рюмкѣ настоянки, а молодые по стакану меду; потомъ обнялись и разстались съ разными наказами и напутственными привѣтами.

Прошедши съ полверсты, Маруся оглянулась и увидѣла, что на курганѣ еще стоятъ люди; но когда спустились въ долину, курганъ уже ни разу не показывался.

Всѣ трое шли сперва молча, подъ вліяніемъ чувства разлуки съ пріятелями; наконецъ старый Чайка сталъ говорить съ Иваномъ о бондарѣ, разсказывалъ про старинное свое съ нимъ знакомство, и какъ въ головѣ его игралъ немножко хмель, хоть онъ и остерегался лишняго пить; то разговоръ его скоро принялъ тонъ веселаго простодушія, съ какимъ обыкновенно говоритъ подгулявшій Украинецъ. Маруся, у которой не выходилъ изъ головы Батуринскій цвинтаръ, почла эту минуту самою удобною для своего вопроса, и незамѣтно ввернувши въ общій разговоръ разсказъ свой о томъ, какъ

плачетъ въ Батуринѣ земля, спросила у старика, не знаетъ ли онъ отъ чего это дѣлается?

Старикъ раздумно потупилъ голову и съ минуту ничего не отвѣчалъ. Тяжелый вздохъ вырвался у него изъ груди.

«Отъ чего плачетъ земля?—повторилъ онъ. Не спрашивай у меня, дитя мое, отъ чего она плачетъ.... Много надѣлалъ бѣды окаянный Мазепа! Самъ пропалъ ни за собаку и другихъ погубилъ, проклятая душа!»

Еще разъ вздохнулъ вѣщій старикъ, и до самаго вечера шелъ понуренный и печальный. Иванъ и Маруся молчали. Но когда пришли въ Кролевецъ, отъ котораго оставалось имъ только тридцать верстъ до дому, и зашли къ куму Андрею, Чайка опять развеселился, и послѣ нѣсколькихъ чарокъ сдѣлался тѣмъ же говорливымъ Чайкою, что былъ и у бондара Омелька.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Шумитъ, гудетъ славный Воронѣжъ; но не отъ грому и бури, а отъ удалыхъ пѣсень и танцовъ. Веселая толпа молодежи, при свѣтѣ мѣсяца, порывистымъ приливомъ плыветъ по

опустѣлымъ улицамъ. Слышенъ въ ней звонъ музыки, топотъ танцующихъ, разноголосный смѣхъ и буйный говоръ; но еще слышнѣе голосъ отборныхъ гулякъ, которые, отставши нѣсколько отъ общей толпы, выступали гордо,—покрывшвъ набекрень высокія шапки, заложивши руки въ карманы своихъ свитокъ, и звонкимъ, стройнымъ ладомъ напѣвали чумацкую пѣсню:

«Ой грайте, музыки, одъ двора до двора,
Да счобъ не журилась стара ненька дома...»

Отъ того голосу не только разлегались Воронѣжскіе левады и сады, но и самый мѣсяцъ какъ-будто на него отзывался. Чуденъ былъ свѣтъ его: падая съ высоты небесъ на темныя деревья, на низенькія хаты, на широкую улицу и танцующую толпу, онъ давалъ всему какой-то особый цвѣтъ и форму, о которой днемъ нельзя имѣть понятія; въ его сіяніи все казалось необыкновеннымъ, какъ во снѣ; все будто двигалось и говорило какимъ-то дивнымъ языкомъ: и потому такъ весело и вольно было на душѣ у гуляющихъ. Они словно попали въ волшебный міръ, гдѣ нѣтъ нужды и тягостей, гдѣ все чудесно и свѣтло, и неслись впередъ беззаботно, будто убѣжденные, что танецъ никогда не кончится и музыка не перестанетъ.

Впереди всѣхъ шелъ Иванъ съ своею чудною бандурою, за нимъ—двѣ скрыпки и бубенъ; но ни голосъ скрыпокъ, ни гудѣніе бубна не покрывали звону бандуры: живой струею всплывалъ онъ надъ общимъ тономъ музыки и придавалъ ей въ самыхъ разгульныхъ пѣсняхъ какое-то задумчивое выраженіе. Всѣ уже въ Воронѣжѣ знали исторію про эту бандуру; знатоки дивились особенному ея устройству; парубки и дѣвушки слышали въ ея звонѣ особенный отъ обыкновенныхъ бандуръ голосъ, и гдѣ являлась диковинная бандура, тамъ были и самыя главныя вечерницы. Потому-то и теперь молодежь со всего Воронѣжа собралась въ одну купу, соединила своихъ музыкантовъ и шла по улицамъ выкликать охотниковъ повеселиться.

Толпа росла безпрестанно, по-мѣрѣ того какъ подвигалась впередъ. Наконецъ раздѣлилась надвое: одна половина пошла большою улицею, а другая, подъ предводительствомъ Ивана, вступила въ узкій прогулокъ, идущій по-надъ ставомъ. Проулокъ этотъ, отъ нависшихъ съ обѣихъ сторонъ садовыхъ деревъ, былъ почти совсѣмъ теменъ, тѣмъ больше, что всѣ предметы, на которыхъ не лежала тѣнь, были необычайно ясны при свѣтѣ мѣсяца.

Иванъ и его спутники остановились передъ

низенькою хатою, совсѣмъ почти закрытою двумя березами, опустившими надъ нею темныя свои вѣтви. Иванъ заигралъ на бандурѣ, парубки и дѣвушки, провожавшіе его, запѣли подъ звонъ струнъ призывную пѣсню.

«Вѣтеръ повѣвае, гôлье росхиляе;
Пôдъ моими воротями скрыпка-дудка грае.
Скрыпка-дудка грае, мене мати лае,
Мене мати лае, гулять не пускае.
Пусти мене, мати! я не забарюся:
На милого подивлюся, до-дому вернуся.»

Что-жь это за хата, что передъ нею всѣ отдали такой почетъ? Не уже ли она такъ важна высокими своими березами съ аистовымъ гнѣздомъ? или малеванною дверью, на которой написанъ чубатый Запорожецъ въ красныхъ шараварахъ, съ бандурою въ рукахъ? Нѣтъ, не березы и малеванная дверь привели сюда Ивана; а въ этой хатѣ живетъ дѣвушка, какой другой не найдете не только въ Воронѣжѣ, да врядъ ли и въ самомъ Глуховѣ.

Вотъ она, услышавши знакомый звонъ бандуры и пѣсню, выбѣжала изъ хаты въ легкомъ сельскомъ нарядѣ—въ червчатой плахтѣ, въ бѣлой сорочкѣ съ шитыми рукавами, съ широкою лентой, повязанною на головѣ. Это была Маруся.

Пользуясь непринужденными деревенскими обычаями, въ которыхъ сохранилась еще древняя простота нравовъ, Иванъ обнялъ Марусю безъ дальнихъ околичностей и поцѣловалъ въ полныя губки. Дѣвушки окружили любимую свою подругу. Иванъ перемѣнилъ пѣсню и заигралъ *до-танцу:*

«И дожчикъ иде, и метелиця гуде:
Дѣвчина козака черезъ улицю веде....»

Нѣсколько голосовъ подпѣвало ему хоромъ, другіе танцовали; и веселая толпа двинулась впередъ по прежнему, и эхо звучно вторило ей по ту сторону става.

Приближаясь къ хатѣ, въ которой собирались вечерницы, всѣ вдругъ остановились въ ужасѣ; пѣсни замолкли; Иванъ прервалъ не въ-ладъ свою игру. На востокѣ небо вдругъ освѣтилось; изъ-за лѣсу вылетѣлъ огненный шаръ и осыпая окрестность искрами, растянулся длинной волнистой полосою и скрылся за другимъ лѣсомъ. «Что это? что это такое?» стали спрашивать со всѣхъ сторонъ, и никто не могъ дать отвѣта.

Между тѣмъ собравшіеся въ хатѣ парубки и дѣвушки вышли, заслышавъ шумъ, на улицу и еще больше увеличили говоръ. Распросамъ и сужденіямъ не было конца; вырывались ино-

гда и исторіи про подобныя чудеса; но никто не могъ сказать навѣрное, что это за диковинка. Тутъ кто-то догадался напомнить, что пора начать вечерницы, и это заставило всѣхъ воротиться въ хату.

Нѣсколько дѣвушекъ, закачавши рукава бѣлыхъ своихъ сорочекъ, принялись печь блины и варить варенуху, другія сѣли за работу: иная прясть, иная вышивать заполочью рукава. Парубки помѣстились между ними и стали жартовать, то есть отпускать разныя штуки и баляндрасы. Общій хохотъ награждалъ затѣйливую шутку. Наконецъ, дѣвушки, чтобъ увернуться отъ колкихъ намековъ парубковъ, затянули заунывную старосвѣтскую пѣсню, которую вѣроятно сложила тоскующая мать, выпровожая своего сына въ походъ. Иванъ вторилъ имъ на бандурѣ.

«Ой добрая годиноньrа була,
Якъ матуся свого сына била.
«Ой якъ будешъ мене, мати, бити,
То не буду я зъ тобою жити.
Ой пôйду я зъ туги на Вкраину,
И тамъ же я, мати, не загину.»
—Ой вернися, мôй сыну, вернися,
Внесу жупанъ, такъ ты й приберися;
Подивлюся, мôй сыну, на тебе:
Чи е такій козакъ на Вкраинѣ?

Чи е такій козакъ на Вкраинѣ,
Якъ ты въ мене, мôй сыну вродливый....
Ой не жалкуй, мôй сыну, на мене:
Не дай Боже пригоды на тебе!
Якъ ты будешъ постреляпъ-порубанъ,
Ой хто-жъ тобѣ раноньки промые?—
«Въ полѣ, мати, дрôбенъ дожчикъ иде,
Ой той менѣ раноньки промые.»
—Ой не жалкуй, мôй сыну, на мене:
Не дай Боже пригоды на тебе!
Якъ ты будешъ въ степу помирати,
Ой хто-жъ тобѣ головку оплаче?—
«Въ полѣ, мати, чорный воронъ краче,
Ой той менѣ головку оплаче.»

Народная пѣсня для Украинца имѣетъ особенный смыслъ, неуловимый для посторонняго слушателя. Не имѣя никакого понятія объ исторіи своего народа, простой деревенскій парубокъ, вслушавшись въ грустные напѣвы про Козаковъ, живымъ чувствомъ переносится въ прошедшую ихъ жизнь. Онъ и самъ не въ состояніи разсказать вамъ того, что чувствуетъ; но еслибъ онъ далъ вамъ свою душу, вы-бъ изумились, какой богатый міръ поэзіи звучитъ подъ такою угрюмою оболочкой! Потому-то и теперь, заслушавшись пѣсни, всѣ сидѣли молча, въ какомъ-то неодолимомъ обаяніи и, казалось, прислушивались къ гармо-

ніи, которая заговорила вдругъ въ давно заснувшей душѣ. Наконецъ одинъ парубокъ вскочилъ съ лавки и сказалъ: «Ну, спасибо вамъ, дѣвчата, за пѣсню! Вы намъ запѣли про козака, а мы вамъ про дѣвушку.» И подобравши полы своей свитки, мигнулъ на музыкантовъ и пустился въ присядку, припѣвая веселую пѣсню:

«Галю, Галю чорнобрива,
Чого въ тебе бровы криво?
—На козака задивилась,
Тимъ брôвонька изкривилась!»

Продолженія пѣсни не было уже слышно: музыка грянула вслѣдъ за удальцомъ; множество парубковъ выступило съ дѣвушками на средину хаты и шумный танецъ закипѣлъ вихремъ. Танецъ нѣсколько разъ перемѣнялся: играли *горлицю, козачка, и шумить и гуде;* но музыка не умолкала, за тѣмъ что на мѣсто устававшихъ паръ являлись другія и смѣнялись безпрерывно новыми. Вечерницы разыгрались. Нетанцовавшіе сидѣли на лавкахъ попарно, и подъ гулъ музыки напѣвали одинъ другому любовныя рѣчи. Просторная хата была биткомъ набита людьми; но это не было никому помѣхою: всякъ говорилъ своей любезной, что ему угодно, не опасаясь быть подслушаннымъ;

и если у кого подъ самымъ ухомъ раздавался громкій поцѣлуй, это ни сколько его не удивляло и не вынуждало даже взгляда, потому что подлѣ него сидѣла его милая, отъ которой онъ могъ получить такую-жь награду.

Скоро подоспѣли блины со сметаною и сладкая варенуха. Парубки и дѣвушки тѣсно обсѣли длинный столъ, и подкрѣпившись, сдѣлались еще разгульнѣй прежняго. Танцы снова закружились, и топотъ и гулъ слышенъ былъ далеко на улицѣ.

Любо было и Марусѣ сидѣть съ своимъ Иваномъ, который держалъ ее за руку и такъ *пильно* глядѣлъ ей въ очи, что отъ его взглядовъ у дѣвушки душа таяла. Что онъ ей говорилъ, этого она послѣ и сама не помнила, за тѣмъ что разговоры, подъ вліяніемъ музыки, совсѣмъ непохожи на обыкновенные; слова тѣ не слова: то другая музыка, понятная одной душѣ; и если-бъ все, что тогда сказано, переложить на ежедневный нашъ языкъ, то вышла-бъ можетъ-быть такая путаница, которой не разобрать и самой умной головѣ; потому-то подобныя рѣчи минаютъ мозгъ и остаются въ памяти одного сердца. Помнила только Маруся отъ этого вечера, что Иванъ говорилъ ей сладко, очень сладко, отраднѣй пѣ-

сень соловья, который отпѣвалъ весну въ ея садикѣ. Какъ ни свѣтла была мѣсячная ночь, когда она бывало смотритъ въ окно и вслушивается въ дивные переливы его голоса; а еще свѣтлѣй, еще чудеснѣй было въ ея душѣ теперь, когда милый Иванъ, обнявши ея шею, смотрѣлъ ей въ очи своими карыми очами.

Смѣшанный говоръ гуляющихъ, голосъ скрыпокъ и гудѣніе бубна, топанье и звонъ подковъ, мѣшаясь и заливая одно другаго, обморачивали разумъ, не давали ему опомниться отъ забвенія и помѣшать сердцу въ минутной радости. Оттого-то всѣ здѣсь предавались веселости такъ беззаботно, какъ будто никто изъ нихъ не зналъ, что такое бѣда и какъ горько порой бываетъ жить на свѣтѣ; оттого-то дѣвушки отъ самаго обѣда умоляли своихъ паниматокъ пустить ихъ погулять, а парубки неуважали на то, что завтра съ восходомъ солнца имъ надо приниматься за работу и прогуливали на вечерницахъ часто по цѣлой ночи. Здѣсь было полное забвеніе всѣхъ горестей и нуждъ, неразлучныхъ въ жизни съ человѣкомъ; здѣсь душа вырывалась изъ клѣтки и разгуливала на волѣ, не чуя никакой тягости, игривая и легкая какъ вѣтеръ. Коханье, жарты, музыка, пѣсни— чего-жь еще хотѣть? Человѣкъ доволенъ настоящимъ, а опьянѣлый въ шумномъ круженіи

и музыкѣ умъ не напоминаетъ о будущемъ.

Между тѣмъ нѣсколько парубковъ и дѣвчатъ, уставшихъ танцовать, сбились въ углѣ въ тѣсный кружокъ и принялись за страховинные разсказы, безъ которыхъ, такъ же какъ и безъ пѣсень, не бываетъ вечерницъ. Раздразненныя музыкою и жартованьемъ чувства сами собою отчуждаются вещественнаго и жаждутъ какого-то другаго состоянія, въ которомъ былобъ имъ привольнѣй; долгое бодрствованіе ночью утомляетъ разсудокъ и будитъ ту темную сторону души, въ которой заключены таинственные образы, являющіеся намъ въ разгоряченномъ снѣ; а глубокое вниманіе, съ которымъ вслушиваешься въ диковинныя преданія, въ нечеловѣческія дѣла, въ необыкновенныя явленія, наполняетъ голову какимъ-то обаяніемъ, сквозь чадъ котораго все сверхъ-естественное кажется возможнымъ. Пѣсни и эти тревожныя разсказы въ деревнѣ служатъ будильниками души, безъ которыхъ она могла-бы предаться жалкому усыпленію.

«А кому сегодня очередь говорить сказку?» раздалось въ купѣ столпившейся молодежи.

«Ивану Костюченку, Ивану Костюченку!» отвѣчали многіе голоса, и въ-слѣдъ за тѣмъ Иванъ Костюченко былъ выведенъ на средину и посаженъ на круглую треножную скамейку.

Всѣ замолчали, чтобъ дать ему собраться съ мыслями.

«Что-жь бы такое мнѣ разсказать вамъ?— началъ Костюченко, почесывая себѣ чуприну:— сказки у меня нѣтъ готовой; разскажу я развѣ вамъ быль, сущую правду. Только ужь напередъ прошу васъ, дѣвчата, слишкомъ не заслушивайтесь; а то въ моемъ разсказѣ будетъ такое, что, еще чего добраго, тутъ-же кому померещится тотъ, что ходитъ на козьихъ ножкахъ—не при хатѣ вспоминаючи!»

«Ну, начинай, начинай; полно пугать!» закричали дѣвушки, у которыхъ отъ одного этого предостереженія что-то холодное какъ будто прошло по спинѣ, и воображеніе мигомъ настроилось на все чудесное.

«Видите-ли, красавицы мои—говорилъ Костюченко:—сегодня былъ у насъ гость изъ далекой стороны, изъ-за самаго Днѣпра, да такой-же балагуръ, какихъ я рѣдко видалъ: исторія за исторіею такъ и льется у него, какъ будто кто сзади ему подшептываетъ, да все такія страшныя да вычурныя, что ужь какъ меня тянуло на вечерницы, а за его разсказами опоздалъ и подоспѣлъ уже на холодные блины.»

«Да говори-жь скорѣй быль, а не блины!» вскричали опять нетерпѣливыя дѣвчата.

«Будетъ и быль—спокойно отвѣчалъ Костю-

ченко:—вишь, какія выскочки! Такъ-то, вы думаете, и разсказать не разогнавшись! Послушали-бъ вы самаго нашего гостя: тотъ пока разскажетъ что-нибудь страховинное, то сперва напугаетъ такъ, что оглянуться назадъ страшно, а потомъ уже какъ расколышетъ языкъ, то услышите и настоящую исторію. Ну, такъ пріѣхалъ къ намъ этотъ-то гость изъ-за Днѣпра, балагуръ чудный, какъ я сказалъ. А мой батько, знаете, и самъ мастеръ на раздобары. Вотъ и разговорились на счетъ того, отчего и какъ являются скарбы. Батько мой говорилъ, что скарбы открываются сами по себѣ; а гость спорилъ, что не сами по себѣ, а по волѣ того, кто положилъ ихъ, и что скарбъ напередъ уже назначенъ, кому его взять; а возьми другой, такъ бѣды не оберешься. По этому-то случаю онъ и разсказалъ намъ ту быль, которую вы сей часъ услышите. Былъ у нихъ когда-то давно еще за Днѣпромъ на Украинѣ великій панъ изъ Ляховъ. Сперва онъ шатался, говорятъ, по свѣту оборваннымъ шляхтичемъ и служилъ за кусокъ хлѣба, а послѣ вдругъ незнать съ чего разбогатѣлъ и сдѣлался такимъ дукачемъ, что поискать! Ну, какъ сдѣлался паномъ и накупилъ себѣ крестьянъ, то взялъ и всѣ панскія ухватки: людей билъ, мучилъ, съ молодыхъ дѣвчатъ знущался, а парубковъ

держалъ въ такой нагальной работѣ, что не знали они, что то и за праздникъ Божій, и не было имъ отъ него промытой воды. Съ утра до вечера будинки этого пана ходили ходоромъ отъ танцовъ и игрищъ: наѣдутъ бывало къ нему Богъ знаетъ откуда и Богъ вѣсть какіе люди; полонъ дворъ коней да кованыхъ возовъ; бушуютъ, пьянствуютъ, и послѣ вдругъ исчезнутъ, такъ что и духу ихъ неслышно, и панъ остается одинъ въ своихъ будинкахъ, и грызетъ бѣдный народъ до новаго пира. А мимо будинокъ доброму человѣку страшно пройти, за тѣмъ что изъ оконъ вѣялъ какой-то дьявольскій холодъ и выставлялись нечеловѣческія рожи. Говорятъ однако-жь, что къ концу своей жизни онъ присмирѣлъ; страшные гости перестали къ нему ѣздить, и онъ просиживалъ по цѣлымъ днямъ, опустивши голову на столъ. Приходилось видно до расплаты молодцу! Наконецъ въ одну ночь, когда на небѣ гремѣла страшная гроза, прилетѣла на крышу его будинокъ огромная сова и завыла такъ, что и громъ не заглушалъ зловѣщаго ея голоса. Въ ту ночь нечестивый панъ пропалъ и прилетавшій къ нему въ видѣ совы чортъ взялъ его душу въ пекло. А какъ у него не было ни роду ни племени, то мужики, подумавши да погадавши, рѣшили—похоронить его самимъ, и

чтобъ не поганить православнаго кладбища, зарыли его надъ рѣчкою на такой кручѣ, что голова кружится, если взглянуть внизъ. Избавившись отъ злаго пана, крестьяне стали жить, благодаря каждый день Бога. Хоть и носились по селу слухи, что панъ ночью ходитъ, со свѣчами въ рукахъ и на головѣ, и стучится въ свои будинки, въ которыхъ никто не осмѣливался жить; да мертвый не для всѣхъ такъ страшенъ какъ живой. Скоро объ немъ и совсѣмъ запалъ слухъ. Прошло много времени, можетъ быть лѣтъ сто. Панъ не являлся; и только иногда на досвѣткахъ какая нибудь старуха разсказывала, что слышала въ дѣтствѣ про злаго пана съ рыжими усами, красною мордой и глазами какъ у вола. Какъ вотъ промчалась межъ народомъ молва, что за селомъ надъ кручею, гдѣ онъ погребенъ, горитъ ночью девять огней, и что тамъ долженъ быть зарытъ огромный скарбъ. На скарбъ-то, пожалуй, кто-бъ не поохотился? да много ли смѣльчаковъ такихъ, чтобъ пойти въ глухую полночь на кручу, съ которой лукавому стоитъ мимоходомъ толкнуть локтемъ, чтобъ добрый человѣкъ полетѣлъ въ воду? А надо непремѣнно одному копать, а уже двумъ-тремъ душамъ скарбъ не дастся,—такъ сказали знающіе люди. Долго никто не осмѣливался идти добывать

денегъ; наконецъ нашелся одинъ смѣльчакъ, которому видно жизнь была не такъ дорога какъ другимъ, потому что онъ былъ сирота. Взялъ съ собою человѣкъ пять надежныхъ парубковъ и поставилъ ихъ за селомъ у *фигуры,* * съ тѣмъ, что если бы случилась ему какая бѣда, то на крикъ его они должны спѣшить къ нему на помочь; а самъ, взявши заступъ и закуривши для смѣлости люльку, отправился на кручу за скарбомъ. Поднявшись на гору, увидѣлъ онъ точно девять огоньковъ, горѣвшихъ на самомъ краю пропасти. Ночь темная; рѣзкій вѣтеръ свистѣлъ по полю; внизу шумѣла рѣка; небо все заволоклось тучами. Какъ только подошелъ онъ къ самымъ огонькамъ, они вдругъ погасли; но онъ уже воткнулъ на томъ мѣстѣ заступъ и тотчасъ принялся за работу: глыби рыхлой земли скатывались въ рѣку, и въ рѣкѣ раздавался такой плескъ, что его всякій разъ подирало по кожѣ. Вдругъ заступъ стукнулъ обо что-то твердое, и у бѣдняка еще громче стукнуло въ сердцѣ. Онъ прочистилъ землю и увидѣлъ огромный котелъ, накрытый круглою крышкою. Приподнявши ее съ трудомъ обѣими руками, онъ увидѣлъ, что въ котлѣ

* — *Фигурою* называютъ высокій крестъ съ написаннымъ или рѣзнымъ распятіемъ, какіе на Украинѣ праваго берега Днѣпра обыкновенно ставятся при въѣздѣ въ селеніе.

полно сребра и пришелъ въ такую безумную радость, что забылъ и страхъ свой и бросилъ тяжелую крышку со всего размаху въ рѣку; и рѣка отозвалась ему не плескомъ, а какимъ-то страшнымъ хохотомъ. Да ему уже было не до того. Набравши на всякій случай въ шапку денегъ, онъ побѣжалъ къ своимъ товарищамъ, чтобъ вмѣстѣ вытащить изъ земли котелъ и перенесть въ село. Только что спустился съ горы, вдругъ передъ нимъ что-то въ бѣломъ: лице все синее, рыжіе усы и очи какъ у вола. Сирота узналъ злаго пана, вскрикнулъ отъ страха и побѣжалъ въ другую сторону; но панъ и тамъ передъ нимъ—стоитъ и земли не касается. Онъ бросилъ шапку съ деньгами и закрылъ глаза: пана невидно, только слышно, какъ онъ захохоталъ на все поле нечеловѣчьимъ смѣхомъ, когда у ногъ его брякнули карбованцы. Открылъ глаза: панъ передъ нимъ. Отворотившись отъ него, онъ пустился бѣжать къ деревнѣ: панъ въ одно мгновеніе сталъ передъ нимъ съ своими страшными очами,—несется поверхъ земли, вѣтеръ отвѣваетъ на сторону его бѣлое покрывало, а неподвижныя очи все смотрятъ на бѣднаго сироту! Подбѣжавши къ *фигурѣ,* гдѣ парубки всѣ спали мертвымъ сномъ, бѣдный сирота бросается на колѣни, обнимаетъ рука-

ми крестъ и читаетъ какія зналъ молитвы; панъ не боится и молитвъ, смотритъ на него своими огромными очами и усмѣхается такъ, что у бѣдняги сердце какъ будто кто иголками колетъ. Напослѣдокъ голова его стала кружится, глаза отуманились, и онъ упалъ безъ чувствъ на землю. Когда подняли его на другой день, онъ помѣшался въ умѣ и ничего не помнилъ о минувшей ночи. Но какъ приходилъ къ чувству, то разсказывалъ все подробно: какъ онъ копалъ, какъ повстрѣчался съ паномъ и какъ не могъ никуда отъ него уйти. Потомъ опять начиналъ бредить, кричать не своимъ голосомъ, рваться изъ хаты, какъ будто за нимъ кто гонится, и помучившись такъ съ недѣлю, отдалъ Богу и душу. Такъ-то, дѣвчата!»

«А котелъ?» спросило нѣсколько голосовъ.

«А котелъ и теперь стоитъ надъ кручею, потому что никто не осмѣлился и прикоснуться къ заклятымъ деньгамъ. Дожди размыли около него землю, такъ что онъ подался на бокъ и почти виситъ надъ рѣчкою; но дьявольская сила, на соблазнъ человѣку, не пускаетъ его упасть въ воду. Кто идетъ по той сторонѣ рѣки, видитъ этотъ котелъ какъ на ладони: заклятое сребро блеститъ противъ солнца чуднымъ блескомъ; но старые люди

совѣтуютъ лучше не засматриваться на этотъ блескъ, потому что онъ такъ и тянетъ къ себѣ душу.»

Когда Костюченко окончилъ, слушатели его смотрѣли ему, молча, въ очи, какъ будто хотѣли дочитать въ нихъ недосказанный смыслъ таинственной повѣсти. Всѣ почувствовали какой то страхъ и боялись всматриваться въ какой нибудь предметъ, чтобъ онъ не показался вдругъ злымъ паномъ. Этотъ страхъ однакожь не былъ помѣхою для разгорѣвшагося любопытства, которое жаждало новой пищи, будто надѣялось на другомъ разсказѣ постигнуть то, что въ этомъ было темно. Тутъ кстати одинъ изъ парубковъ задалъ замолкшему разскащику вопросъ: не разсказывалъ ли чего далекій гость про тотъ огонь, что летѣлъ нынѣшнимъ вечеромъ, или не знаетъ ли, по крайней мѣрѣ, самъ онъ, что это такое летѣло?

«Гдѣ-то не разсказывалъ?—отвѣчалъ Костюченко.—Это-то больше меня и задержало. Знаете-ли, братцы, что это летѣло?»

«А что? а что?» закричали всѣ.

«Это летѣлъ змѣй.»

«Змѣй? не уже ли змѣй? такъ вотъ онъ какой!—раздалось со всѣхъ сторонъ.—Какъ же мы тогда-жь не догадались? Вѣдь объ змѣѣ, что носитъ богачамъ деньги, мы слышали неразъ!»

Всѣ были встревожены уже до того, что и это недоразумѣніе подѣйствовало на нихъ и показалось какимъ-то зловѣщимъ предзнаменованіемъ. Между тѣмъ многіе изъ танцующихъ, услышавъ, что дѣло идетъ о летѣвшемъ огнѣ, пристали къ кружку; а остальные, видя, что въ углу столпилось столько народу, и себѣ оставили танцы. Скрыпки и бубенъ, топотъ и крикъ замолкли, и въ шумѣвшей за минуту до того хатѣ вдругъ сдѣлалось совершенно тихо.

Этотъ живой переходъ изъ одной крайности въ другую, мгновенная тишина послѣ буйнаго говора и гула, и мертвое молчаніе, съ которымъ каждый, уставивъ глаза на разскащика, готовился слушать непостижимыя чудеса, въ самомъ дѣлѣ имѣли въ себѣ что-то поразительное и прибавили еще больше смуты встревоженному воображенію. Толпа слилась въ неразрывную стѣну; одинъ жался къ другому, какъ будто всѣ были убѣждены, что при страховинномъ разсказѣ вдругъ явится какое нибудь пугалище съ того свѣта, и готовились противопоставить ему густой оплотъ. Въ такую важную минуту Костюченко началъ.

«Скажу сперва вамъ, братцы, что змѣй бываетъ неодинаковъ: иной носитъ деньги богатымъ, а иной чаруетъ красавицъ и летаетъ къ

нимъ по ночамъ. Змѣй съ деньгами леталъ и къ нашему Гаврилку, что хотѣлъ строить Троицкую церковь; да Богу неугодно было нечистое приношеніе, и потому дерево ночью разлеталось по болотамъ. Ну, это вы уже всѣ знаете; а то вотъ послушайте, что случилось недавно за Днѣпромъ въ одномъ селѣ. Жилъ тамъ одинъ козакъ, не то богатый, не то бѣдный, а такъ себѣ человѣкъ: имѣлъ хату съ огородомъ, кусокъ поля, да воловъ паръ двѣ, да скоту штукъ нѣсколько. Чего-жь больше? жилъ себѣ довольно. У этого-то козака была дочка, и такою уродилась красавицею, что будто совсѣмъ другаго роду, будто панское дитя; ну, вотъ сказать-бы, какъ наша Маруся.»

Всѣ посмотрѣли на Марусю, и сама она невольно вздрогнула отъ этого сравненія: въ простыхъ словахъ парубка блеснулъ ей на мгновеніе какой-то страшный смыслъ....

«Но тутъ еще ничего особеннаго нѣтъ, что была она красавица—продолжалъ Костюченко:— а главное въ томъ, что она полюбила такого-жь молодца и парубка. И это еще не диво, что полюбила, да полюбила она его не на улицѣ или на вечерницахъ, а говѣючи, въ самый великій постъ. Полюбилъ ее и парубокъ. И забыли они обое про то, что дѣлаютъ грѣхъ великій, не слушая службы Божіей, а только

знаючи одно, чтобъ переглядываться да усмѣхаться въ церкви. Ну, какъ уже у нихъ велось тамъ это дѣло, Богъ ихъ святый знаетъ; какъ вотъ приходитъ и пятница, наступаетъ исповѣдь. Призадумалась дѣвушка о своемъ жениханьи; стукнуло ей въ голову, что это дѣло не доброе въ такое время, и сама она не знала, признаться-ли ей попу на исповѣди, или нѣтъ. Думала-думала и надумалась—не признаваться, за тѣмъ что попъ могъ поставить на поклоны и заставить говѣть въ другой разъ. Ну, не призналась—ничего; только къ концу вечерни такъ ей сдѣлалось грустно, такъ больно на душѣ, какъ будто передъ смертью: свѣтъ ей немилъ, душу изъ нея тянетъ: ну такъ, что не могла дослушать вечерни, и вышедши изъ церкви, пошла на кладбище, которое было недалеко за церковью. Тамъ упала ницъ на могилу матери и залилась слезами. Долго плакала надъ нѣмою могилою, какъ будто та могла ей что нибудь отвѣтитъ; потомъ, изнемогши, нечаянно заснула. Какъ заснула, вотъ и привидѣлся ей сонъ, что изъ могилы вышла ея мать и говоритъ ей: зачѣмъ ты пришла сюда? отъ твоего плачу я не могу улежать въ могилѣ. А ты думаешь легко мертвымъ костямъ подняться изъ гробу? Поди, дитя мое; оставь меня; мнѣ и такъ тяжело ле-

жать подъ сырою землею.—Мамо, что мнѣ дѣлать? просила дѣвушка, ухватясь за покрывало.—Что дѣлать? отвѣчала мертвая: берегись золота.—Сказала, земля подъ нею загудѣла и мертвая провалилась въ могилу. Въ несказанномъ ужасѣ проснулась дѣвушка и не знала, сонъ-ли то былъ, или на-яву видѣла она мать свою. Уже была ночь; сквозь деревья свѣтились рѣдкія звѣзды; страшны были могильные кресты въ темнотѣ. Не оглядываясь назадъ, пустилась она бѣжать съ кладбища и едва незадохнувшись упала на свою постель. На другой день надо ей идти къ утренѣ—она нейдетъ, надо идти къ обѣднѣ—она нейдетъ: ей страшно показаться въ церковь Божію, а чего страшно? сама не знаетъ. Но чтобъ какъ нибудь скрыть это передъ домашними, она одѣлась и вышла изъ дому, будто ушла въ церковь. Идетъ и сама не знаетъ куда. Какъ вдругъ передъ нею ручеекъ. Оглядится—она уже за селомъ у криницы; криница бьетъ ключемъ и журчитъ по камешкамъ. Надъ криницею стоитъ верба, только-что начинавшая распускаться. Сѣла она подъ вербою и смотритъ въ воду: въ водѣ что-то свѣтлѣетъ, движется; и вдругъ водяной ключь выноситъ на песокъ перстень. Перстень былъ золотой съ какимъ-то красноватымъ камнемъ. Посмотрѣла въ ка-

мень: въ камнѣ свѣтло и просторно какъ въ панской свѣтлицѣ. Чудно ей показалось это; она осматривала перстень кругомъ: перстень обыкновенный золотой, но камень диковинный! Чѣмъ долѣе она въ него глядитъ, тѣмъ больше расширяется его внутренность, такъ что уже тамъ она видитъ какъ будто другой свѣтъ и слышитъ, что тамъ что-то звенитъ не звенитъ, играетъ не играетъ, а дѣлается что-то такое, чему у насъ нѣтъ названія; слушаетъ, и съ каждымъ мигомъ какъ будто слышитъ яснѣй, но все-таки не можетъ увѣриться, слышитъ-ли она, или нѣтъ. Только когда смотритъ въ камень, ей на сердцѣ становится легче и она совсѣмъ забываетъ свою муку; когда-жь отведетъ въ сторону глаза, все прежнее приходитъ ей на мысль, и снова ей грустно и тошно, такъ что сердце млѣетъ. Взяла она перстень домой и не наглядится въ него, и не наслушается чудной его музыки. Домашніе ничего этого не знали; видѣли только, что она сдѣлалась молчалива и дика; окончивши свою работу, она или уходила куда нибудь, такъ что никто не зналъ, или запиралась въ комору и тамъ сидѣла одним-одна по цѣлымъ часамъ. Прошло можетъ быть недѣль пять; настало лѣто; парубки и дѣвчата собирались днемъ въ хороводы, а ночью на улицу; но ее нигдѣ

не было видно, какъ будто она отреклась отъ міру и отъ людей. Какъ вотъ стали межь народомъ поговаривать, что къ такой-то дѣвкѣ летаетъ змѣй. Иные говорили, что видѣли ночью, какъ огненная полоса, наподобіе возжей, вся въ искрахъ, извивалась сперва надъ ея дворомъ и потомъ спускалась внизъ. Другіе-жь увѣряли, что возжи не возжи, а что-то длинное, огненное поднималось изъ кургана, что стоитъ за селомъ, и летѣло прямо въ село; но къ кому, того не знаютъ. Были и такіе, что видѣли змѣя о двѣнадцати головахъ. Только вѣрнѣй всего говорили кажется тѣ, что видѣли, какъ вылеталъ змѣй изъ могилы, затѣмъ что и теперь еще на той могилѣ ночью сверкаютъ искры, какъ будто кто крешетъ въ десять огнивъ. Какъ-бы то ни было; но когда народъ начнетъ о чемъ трубить, то уже изъ его толковъ что нибудь да выйдетъ, а такъ оно не обойдется. Вотъ хоть у насъ—говорили про покойную дьякониху, что она ходила ночью къ своимъ дѣтямъ съ того свѣту, кормила ихъ, мыла имъ головы и надѣвала бѣлыя сорочечки. Что-жь? Вѣдь много было такихъ, что не вѣрили; не вѣрилъ и я самъ, да какъ услышалъ на счетъ этого словъ два отъ стараго Гершуна, то и языкъ прикусилъ. Бываютъ, всякіе случаи бываютъ!... Вотъ такъ-же

и тамъ за Днѣпромъ, гдѣ жила эта дѣвушка, сперва не хотѣли вѣрить слухамъ про змѣя, да разъ какое случилось чудо. Жали всѣ на полѣ хлѣбъ; была тамъ и эта дѣвушка, къ которой змѣй леталъ. Вотъ, когда солнце своротило съ полудня, люди стали отдыхать, а она взошла—не знаю, для чего только—на тотъ самый курганъ, изъ котораго сыпались искры. Какъ взошла, то и начало ее мучитъ: ноги приросли къ землѣ, такъ что нельзя оторвать, а вверхъ что-то невидимое тянетъ, тянетъ такъ, что жилы какъ не порвутся. На крикъ ея сбѣжалось множество народу со всего поля; но никто не зналъ, чѣмъ пособить ей, а многіе не смѣли близко и подступить. А она рвется, да мучится, да кричитъ такъ страшно, что волосъ дыбомъ становится. Что ее тянетъ вверхъ, этого никто не могъ сказать; видѣли только, что высоко въ небѣ что-то блеститъ какъ искорка и сливается съ синевою и опять сверкаетъ; но кто-жь могъ знать, что то такое? Только вдругъ на ту пору откуда ни возьмись старуха; прибѣжала запыхавшись, и кричитъ, чтобъ сняли у дѣвушки съ руки перстень. Кинулись снимать—не снимается. Старуха кричитъ, чтобъ отрубили ей палецъ съ перстнемъ, когда хотятъ избавить ее отъ неминуемой смерти. Но кто-жь отважится рубить живаго чело-

вѣка? Стали выкликать смѣльчака: одинъ посылалъ другаго, и никто не шелъ. Между тѣмъ звѣздочка, что горѣла вверху, спустилась ниже, такъ что уже видно было, что то не звѣздочка, а продолговатый огонекъ: горитъ онъ и виляетъ своимъ хвостикомъ какъ вьюнъ и спускается все ниже и ниже. Вдругъ дѣвушка вскрикнула съ страшнымъ взвизгомъ: «ай! душу изъ меня тянетъ!—и упала мертвая. Что-то легкое какъ дымъ поднялось отъ нея вверхъ и огонекъ разомъ погасъ. Тогда всѣ догадались, что это змѣй вытянулъ изъ нея душу. Въ ту-жь минуту межь народомъ зашептали, что прибѣжавшая незнать откуда старуха очень похожа на покойную мать той дѣвушки; многіе даже стали пятиться назадъ; глянули—ее уже и нѣтъ! Несказанный страхъ обнялъ весь народъ. Оставивши разбросанные по полю снопы, пустились всѣ бѣжать въ деревню; да уже насилу опомнившись на другой день, собрались на поле и похоронили ее на томъ же курганѣ, гдѣ она лежала; но креста священникъ ставить не позволилъ, потому, говоритъ, что смерть ее сталась отъ нечистаго. И съ того времени до сихъ поръ на курганѣ сыплются искры и тугой стонъ поднимается изъ могилы и несется вѣтромъ по всему полю, такъ что пастухи, которые ночуютъ тамъ, затыкаютъ

уши, чтобъ не слышать этого стону.»—

Костюченко умолкъ. Всѣ были какъ будто почарованы; никто не пошевелился. Иванъ, чтобъ развеселить засмутившееся общество, провелъ рукою по струнамъ своей бандуры и хотѣлъ сыграть веселую пѣсню; но бандура издала такіе жалобные звуки, что всѣ перепугались. Взглянули на Марусю—на ней лица нѣтъ: блѣдная, блѣдная какъ стѣна, смотрѣла она на Ивана съ навернувшимися отъ страха слезами въ очахъ....

«Что это за пѣсню играешь ты, Иванъ?» вскричала она вся въ трепетѣ и не могла выговорить больше ни слова.

Иванъ остановился, и самъ перепугался взглянувши на нее.

«Какъ что за пѣсню?—сказалъ онъ:—чего ты испугалась?»

«Да вѣдь это не пѣсня, а слова. Развѣ ты не слышишь, что она говоритъ?»

«Что-жь она говоритъ?» стали спрашивать всѣ.

«Я и сама не знаю—отвѣчала Маруся, начиная приходить въ себя:—можетъ быть это мнѣ показалось такъ; только она говорила страшное....»

Но ей не показалось такъ: всѣмъ послышался въ этой пѣснѣ какой-то страшный голосъ,

и не доставало может быть одной минуты вниманія, чтобъ уразумѣть таинственный звонъ вѣщей бандуры.

Встревоженные тѣмъ, что видѣли и слышали, начали всѣ расходиться съ вечерницъ. Дорогою все толковали о змѣѣ. Но не было уже такого говору и крику по улицамъ, какой обыкновенно бываетъ, когда гулливая молодежь ворочается домой, и даже на пѣсню ни у кого уста не открывались.

Иванъ провожалъ свою Марусю въ темный проулокъ. Бандура, висѣвшая у него черезъ плечо на ремнѣ, порой—отъ вѣтру ли, или за что цѣпляясь—издавала протяжные, тихіе звуки, но такіе унылые, что Маруся не могла ихъ спокойно слышать, и просила Ивана оставить свою бандуру на улицѣ, увѣряя, что ее никто не возметъ, потому что всѣ знаютъ чья она. Иванъ повѣсилъ свою вѣщую бандуру на вѣткѣ яблони, высунувшейся изъ густаго сада и протянувшейся надъ всею дорогою, и проводилъ смущенную Марусю до самаго ея дома, до низенькой двери съ Запорожцемъ въ красныхъ шараварахъ. Ничего не сказалъ онъ ей, прощаясь; только вздохнулъ, поцѣловавши ее, и ушелъ не оглядываясь. Но бандуры уже не было. Иванъ бросился искать ее; обошелъ нѣсколько разъ весь проулокъ:

нѣтъ—какъ будто злой духъ унесъ ее! Наслышавшись и навидѣвшись въ этотъ вечеръ столько необыкновеннаго, Иванъ истолковалъ себѣ и пропажу бандуры какъ недоброе предвѣстіе. Ему сдѣлалось страшно подъ мрачною тѣнью нависшихъ съ обѣихъ сторонъ садовыхъ деревъ, и не оглядываясь, пустился онъ бѣгомъ домой.

Нерано на другой день проснулась Маруся; проснулась, и горько заплакала. Недобрый сонъ приснился ей; грустно и тяжело ей на душѣ, а около сердца какъ будто обвилась змѣя. Это было въ самый Спасовъ день. Все семейство Чайкино отправилось въ церковь; не пошла только Маруся: она не можетъ ни молиться, ни искать у кого нибудь совѣта; она сама не знаетъ, что съ ней дѣлается. Какъ скучно! какая грусть! Куда дѣваться отъ тоски? Пойду хоть въ садъ.

Въ саду у Маруси темно и прохладно: никто не зазнаетъ, когда насажены старыя груши и яблони, распростершія тамъ непроглядныя свои вѣтви; толстые стволы ихъ вытрухли въ срединѣ и покрывились такъ, что каждую минуту можно было ждать паденія.

Но нѣтъ старѣй во всемъ саду дерева, какъ двѣ липы, стоящія при спускѣ сада къ пруду. Подъ тѣми липами и въ самую ясную погоду какъ темная ночь; а холодъ такой, какъ въ каменномъ подвалѣ.

Туда пошла Маруся, какъ будто хотѣла въ холодѣ ихъ остудить горячее свое сердце и въ темнотѣ скрыться отъ самой себя. Вдругъ что-то заслонило ей дорогу. Смотритъ—огромный сундукъ съ открытою крышею, и въ сундукѣ томъ полно золота. Лучь солнца, прорѣзавшись сквозь темную зелень листьевъ, падалъ на блестящіе червонцы и отражаясь отъ нихъ, разсыпался яркими искрами; а нетронутое лучемъ золото горѣло тускло, какъ жаръ подъ пепломъ, мигало въ глаза безконечными отраженіями и казалось полупрозрачнымъ.

Съ изумленіемъ отступила Маруся назадъ и приняла это сперва за сновидѣніе. Но когда опомнилась и убѣдилась, что это не во снѣ, въ ея душѣ родилось вдругъ непреодолимое желаніе овладѣть этимъ сокровищемъ, и она, забывши даже перекреститься, бросилась было къ сундуку, сама не зная, на что ей столько золота; какъ вдругъ слышитъ чей-то голосъ: «кладъ этотъ не весь тебѣ; возьми только три раза, сколько захватишь руками.» Голосъ тотъ былъ точно такой, какимъ заговорила на вечер-

ницахъ бандура, но онъ на этотъ разъ не проникъ до сердца Маруси; она спокойно услышала его и съ жадностью гребнула три раза въ свою запаску звенящаго металла. Бѣгомъ пустилась она къ коморѣ, спрятала деньги и воротилась назадъ. Сундукъ стоялъ по прежнему. Непреодолимое желаніе подстрекало ее набрать еще червонцевъ; и только слышанный голосъ останавливалъ ее. Съ любопытствомъ осматривала она кругомъ дивный сундукъ. Сундукъ былъ окованъ желѣзомъ и размалеванъ цвѣтами, какъ и обыкновенные сундуки. «Возьму еще—думаетъ она:—что за бѣда такая?» И только что протянула руки, какъ крыша съ визгомъ захлопнулась такъ, что она сама дивилась, когда и какъ успѣла отскочить; только конецъ пояса увязъ подъ крышею; но къ счастью онъ былъ слабо повязанъ. Сундукъ закружился на одномъ мѣстѣ и съ страшнымъ гуломъ ушелъ подъ землю вмѣстѣ съ поясомъ.

Оторопѣла Маруся; но испугъ ея былъ минутный. Скоро она оправилась и побѣжала въ комору посмотрѣть, не пропали ли съ сундукомъ и ея червонцы. Нѣтъ, они были всѣ цѣлы и горѣли чуднымъ блескомъ въ красномъ шелковомъ платкѣ. Пересыпая ихъ, Маруся не помнила уже ни страшныхъ предвѣстій, ни

сновъ; она была рада и довольна, какъ будто получила вѣрный залогъ на будущее благополучіе. Но когда воротились ея домашніе изъ церкви, ей стало страшно встрѣчи съ дѣдомъ; она боялась его взгляда, какъ суда Божія, и не было средства избѣгнуть отъ него.

Старикъ вошелъ въ хату, помолился образамъ, и взглянулъ на оробѣвшую внучку. Взглянулъ, покачалъ головою и ударилъ о полы руками. Ничего не сказалъ онъ ни внучкѣ, ни ея матери, не сѣлъ за столъ и ушелъ въ садъ подъ темныя липы. Сколько ни посылали просить его обѣдать, онъ отвѣчалъ одно: «не хочу»—и пролежалъ ницъ на травѣ до самаго вечера.

Смутно было весь день въ Чайкиномъ домѣ; но еще смутнѣе ночью, когда онъ, ходя при мѣсяцѣ по темному саду, читалъ вслухъ какія-то молитвы. Далеко слышенъ былъ по зарѣ его голосъ; проходящіе улицею и плотиною, по тотъ бокъ става, невольно брались за шапки и крестились, и задумчивы приходили домой: недаромъ старый вѣщунъ творитъ молитвы!... И каждую ночь, какъ только вставалъ мѣсяцъ на небѣ, изъ темнаго сада несся журчащій старческій голосъ, и весь околодокъ затихалъ такъ, что не только не слыхать было нигдѣ вечерней пѣсни на улицѣ;

но ни одно насѣкомое не сверчало въ травѣ, ни одна рыбка не плескалась на ставу. Вѣщему голосу покорна была и сама природа.

Наконецъ въ пятый день послѣ Спасова дня настала общая смута по всему Воронѣжу. Старый Чайка слегъ въ постель и велѣлъ позвать священника. Надъ нимъ рыдали двѣ женщины—Маруся и ея мать; но онъ не слышалъ ихъ рыданій. Спокойно смотрѣлъ онъ въ потолокъ, и на лицѣ его невидно было никакихъ признаковъ страданія. Всѣ говорили, что Чайка не умретъ.

Пришелъ священникъ. Чайка исповѣдался и причастился. Выслушавши послѣднюю молитву, онъ простился съ священникомъ, всѣми своими родными и знакомыми; просилъ всѣхъ выйти изъ свѣтлицы и оставить его одного съ Марусею. Долго стояли собравшіеся люди подъ дверью; слышенъ былъ тихій голосъ стараго Чайки, но что онъ говорилъ, того разобрать нельзя было. Наконецъ услышали, что онъ сказалъ: «можно войти;» но войдя въ хату, нашли его уже мертвымъ. Въ головахъ у него стояла Маруся, блѣдная какъ воскъ, съ прижатыми къ груди руками. Неподвижно смотрѣла она на спокойное лице умершаго; ни слезинки въ очахъ, ни малѣйшаго чувства жалости въ лицѣ; она была холодна какъ ангелъ смерти.

И только когда со всѣхъ сторонъ раздались стоны и рыданія, она очнулась и стала плакать, и припавши на колѣни, цѣловать неподвижныя руки своего дѣда.

Глянуло солнце изъ-за тучи и вслѣдъ за тѣмъ раздался жалобный звонъ колоколовъ Троицкой церкви и повторился въ Николаѣ и въ Покровѣ. Торжественна и памятна была эта минута для Воронѣжцевъ, минута отходу въ другую жизнь души вѣщаго человѣка.

Въ новой свѣтлицѣ, обращенной окнами въ вишневый садъ, лежитъ Иванъ. Уже три дня не встаетъ онъ съ своей постели, не принимаетъ почти никакой пищи. Запали ясные очи, поблѣднѣли румяныя уста. Что-жь свалило крѣпкаго парубка? какая болѣзнь, какая немочь извялила его какъ былинку? Никто того не знаетъ. Знаетъ причину того недуга одинъ только залетный вѣтерокъ, уносящій въ окно его тяжкіе вздохи, да ясный мѣсяцъ въ поднебесьи, который въ урочную пору заглядываетъ къ нему въ хату. Съ каждымъ днемъ все окружающее становится мутнѣе для Ивана. Мычанье воловъ, людской говоръ, томный напѣвъ пѣсни, несущійся откуда нибудь изъ

огорода, чириканье садовыхъ птичекъ—все отдается въ его слухѣ какъ-то чудно, какъ будто онъ уже на томъ свѣтѣ и слышитъ эти голоса сквозь землю. Порой приходитъ къ нему грустный отецъ и безутѣшная мать оплакивать его заживо; но онъ и ихъ не видитъ и не слышитъ. Грустно, тошно на сердцѣ! Слабѣетъ тѣло, мутится память; а душа тепла въ немощной груди, и проситъ жизни, и жаль покинуть ей своего разрушающагося жилища.

Темна ночь до восходу мѣсяца. Небо искрится звѣздами; но не освѣщаетъ густаго сада. По-межь деревьями шелеститъ вѣтерокъ и навѣваетъ свѣжесть на изнемогшее тѣло больнаго. Но вдругъ послышался другой какой-то шелестъ внятнѣе шепота листьевъ, и чрезъ минуту чье-то лице заглянуло въ окно привѣтливѣй мѣсяца, и двое черныхъ глазъ блеснули ему свѣтлѣе звѣздъ. Иванъ молча протянулъ къ окну слабую свою руку.

«Что, тебѣ лучше, Иванъ?» спросила Маруся, взявши его за руку.

«Завтра мнѣ будетъ лучше—отвѣчалъ чуть слышнымъ голосомъ Иванъ.—Завтра приди ко мнѣ въ эту пору, и тебѣ ненужно будетъ спрашивать, лучше ли мнѣ.»

«Не кори меня, Иванъ, такими словами. Я ли виновата твоему недугу? Я люблю тебя

какъ свою душу и чего-бъ не дала, чтобъ ты былъ живъ!»

«Ты любишь меня—говорилъ Иванъ:—но себя любишь еще больше. А я десять разъ отдалъ бы свою душу за твое счастье!»

«Боже мой, Боже мой!—воскликнула Маруся, обливая слезами его руку:—что мнѣ дѣлать? на что мнѣ рѣшиться?»

«Ты уже рѣшилась: иди въ монастырь. Только тамъ не спасешь своей души. Стоя на моей могилѣ, ты будешь молить Бога сама не зная о чемъ, а того и не подумаешь, что я черезъ тебя лежу въ землѣ. Я не дамъ тебѣ покою ни днемъ, ни ночью; не удержитъ меня тяжелый склепъ и тѣсная домовина; я приду къ тебѣ съ того свѣту и не отмолишься ты отъ меня никакими молитвами!... Марусю, не убивай меня, дай мнѣ пожить на свѣтѣ!...

«О Боже мой, Боже мой!» что мнѣ дѣлать? рыдая говорила Маруся, и тяжелая нерѣшимость и волненіе увлекали ее то на ту, то на другую сторону. Страшно отзывался въ ея памяти голосъ вѣщаго дѣда; но еще пронзительнѣе для сердца были стоны умирающаго друга. Стоя на краю могилы, простиралъ онъ къ ней руки, просилъ жизни; и ей-ли убить это сердце, полное любви, полное пламенной страсти, которую не погасила и смертная болѣзнь?

«Марусю—говорилъ онъ—погубивши меня, ты не спасешь своей души. Не погубляй же меня! Дай мнѣ жизнь... что будетъ, то будетъ.... Богъ милостивъ....

Маруся не устояла въ своемъ душевномъ обѣтѣ; любовь превозмогла ее.

«Такъ и быть!—сказала она, быстро поднявши свою голову:—что будетъ, то будетъ... я твоя на вѣки!»

Внезапный лучь жизни проникъ въ безотрадное сердце парубка; вся сила, какая только оставалась еще въ его тѣлѣ, сосредоточилась въ груди, и онъ быстро приподнялся на постели и обхватилъ Марусину шею, какъ будто боялся, чтобъ радостная вѣстница счастія не улетѣла отъ него какъ сонъ. Дологъ былъ поцѣлуй ихъ, такъ дологъ, что Иванъ не могъ дышать и упалъ на подушку въ изнеможеніи.

И съ того времени съ каждымъ днемъ Иванъ чувствовалъ въ себѣ новыя силы и оживалъ на радость отцу и матери, на радость роднымъ и всей дворнѣ; но никто не зналъ, какая знахорка навѣщала его каждую ночь и вливала въ него жизнь горячими своими устами. Скоро на томъ концѣ Воронѣжа сдѣлалось весело по прежнему; полились пѣсни, пошли вечерницы обычной чередою, гудѣла музыка и не одна

пара подковъ отскочила на танцахъ.

А черезъ недѣлю послѣ Пречистой поднялась суматоха во всемъ Воронѣжѣ; всѣ бѣжали смотрѣть на свадьбу Ивана и Маруси. Свадьба была на удивленіе всему свѣту, со всѣми выдумками и забобонами, такъ мудро придуманными старосвѣтскими людьми. И до сихъ поръ еще разсказываютъ Воронѣжцы, какъ бояре и старосты—всѣ верхомъ на коняхъ, въ дорогихъ старосвѣтскихъ жупанахъ, точно встарину козацкое войско—провожали молодаго на тестевъ дворъ; какъ встрѣтила его на подворьи теща—въ вывороченномъ кожухѣ, верхомъ на кочергѣ, съ серебрянымъ кубкомъ въ рукахъ; какъ молодой отказывался пить и выливалъ кубокъ на гриву своему коню; какой былъ приготовленъ возъ для свадебнаго поѣзду къ вѣнцу—запряженный шестью волами, разряженными въ ленты да въ цвѣты; какая была попойка и гульня на свадьбѣ, и какъ цѣлую недѣлю послѣ того ѣздила свадебная процессія по дворамъ старостовъ и родичей.

И вотъ живетъ Иванъ съ Марусею. Ни въ чемъ у нихъ нѣтъ недостатка; какъ въ полѣ, такъ и въ домѣ все идетъ хорошо. Родные ихъ любятъ и сосѣди поважаютъ. Черезъ годъ далъ имъ Богъ и сына. Чего-бы, кажется, недоставало для ихъ счастья? Да нѣтъ!... Видно

не даромъ Маруся хотѣла идти въ монастырь! видно не даромъ старый Чайка что-то вѣщевалъ ей передъ смертью! Смутно бывало порой на сердцѣ у Ивана. Съ нѣкотораго времени онъ увидѣлъ, что у нихъ въ дворѣ что-то не такъ... Разъ вечеромъ изъ темнаго проулка поднялся вѣтеръ и вмѣстѣ съ нимъ повѣялъ чудный, неслыханный дотолѣ звонъ. Всѣмъ сдѣлалось сумно; а Маруся была какъ въ воду опущена; она не знала, за что взятся; руки ея дрожали. Она то блѣднѣла, то румянилась; и дико поводила кругомъ встревоженными взорами, и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то страшная усмѣшка пробѣгала по устамъ ея. Видѣлъ это Иванъ, качалъ головою, и тяжкое предчувствіе западало ему въ душу.

Къ этому прибавилось другое, невиданное во всемъ свѣтѣ диво. Съ мѣсяцъ назадъ Маруся стала хорошѣть, и хорошѣть такъ, что совсѣмъ перемѣнилась. Но не восхищеніе, а страхъ ощутилъ Иванъ, когда примѣтилъ въ ней такую перемѣну. Начто ему лучшая красота? Его Маруся и такъ была свѣжа и румяна, какъ цвѣтокъ; и такъ во всемъ Воронѣжѣ не было по красотѣ ей равной женщины. А теперь у него не стаетъ духу глядѣть на это поразительное лице, которое прекрасно, но прекрасно такъ, что переполняетъ мѣру восхищенія и на-

водитъ ужасъ; а необыкновенно быстрые глаза, кажется, свѣтятся лучами и вонзаются въ сердце. Смутно и тяжело было Ивану, и не зналъ онъ, чѣмъ пособить себѣ. Призадумалась и вся семья, предвидя въ этомъ чудѣ что-то недоброе. Но Маруся ничего этого не замѣчала; она съ перемѣною лица какъ будто потеряла разсудокъ; она сдѣлалась странна во всѣхъ своихъ движеніяхъ и разговорахъ. Иногда ея глаза устремлялись въ одну сторону, какъ будто видѣли что нибудь необычайное; иногда вырывались изъ устъ ея непонятныя слова. Но когда у нея спрашивали, что это значитъ, она не понимала, о чемъ ее спрашиваютъ, и часто на вопросы отвѣчала горькимъ плачемъ и дикимъ смѣхомъ.... А красота ея все больше увеличивалась; во взглядахъ постоянно выражалась какая-то изступленная смѣлость; лице какъ-то просвѣтлѣло, совершенно перемѣнилось и было въ немъ что-то нечеловѣческое. Никто изъ прежнихъ знакомыхъ не ходилъ къ ней; невѣдомый дотолѣ страхъ пробиралъ все тѣло при видѣ этой сверхъ-естественной красоты, и душа вянула, какъ-бы почуя вблизи присутствіе нездѣшней силы, готовой ее уничтожить.... Но Маруся не замѣчала и того, что всѣ ее оставили. Вся горечь этого отверженія падала на Ивана и несчаст-

ную мать ея, которая имѣла одну только дочь, и ту видѣла въ неслыханномъ недугѣ, необѣщавшемъ хорошаго конца. Они испытывали разныя средства, чтобъ пособить своему горю, но ничто не помогало; ни одна знахорка не могла придумать, чѣмъ ее лечить, и никто не слышалъ, чтобъ съ кѣмъ нибудь случилось такое диво.

Наконецъ прослышали они, что гдѣ-то далеко, въ одномъ селѣ, есть вѣщунъ пасѣчникъ, человѣкъ старосвѣтскій, который знаетъ все на свѣтѣ и вѣрно пойметъ, что это за причина такая. Они послали за нимъ, обѣщая ничего не пожалѣть, если только онъ хоть мало пособитъ ихъ горю. Долго ждали пасѣчника; наконецъ онъ пріѣхалъ. Маруся была въ саду. Когда мать привела къ ней знахора, она сидѣла подъ старыми липами опустивши голову, и казалась сильно задумавшеюся.

«Что ты тутъ дѣлаешь, Марусю?—спросила мать:—тамъ дитя плачетъ въ хатѣ.»

«Дитя!—сказала Маруся съ удивленіемъ.... А гдѣ это дѣдусь?»

«Дѣдусь умеръ—отвѣчала мать:—развѣ ты забыла?»

«Нѣтъ, я помню все.... Много было свѣту и играли... да развѣ похоже это на ту музыку?... А гдѣ-жь это дѣдусь?»

«Богъ съ тобою, дитя мое! дѣдусь умеръ; его и могила здѣсь въ саду. Вотъ пріѣхалъ къ намъ гость; узнаешь ли ты его?»

Старикъ, стоявшій дотолѣ поотдаль, подошелъ къ ней. Быстро посмотрѣла она ему въ глаза и съ изумленіемъ поднялась съ своего мѣста.

«Какъ! развѣ это дѣдусь?—сказала она.—А, теперь я разсмотрю; я все теперь узнаю!»

И она, съ изступленіемъ въ лицѣ, уставила на старика глаза, и взоръ ея былъ остръ и пронзителенъ, и что-то страшное въ немъ засвѣтилось.... Старикъ нахмурилъ густыя брови и пильно смотрѣлъ ей въ глаза, какъ будто хотѣлъ проникнуть насквозь; но вдругъ взоръ его помутился, онъ не выдержалъ ея пронзительнаго взгляда; въ ея блестящихъ очахъ прочелъ онъ присутствіе нездѣшней силы; вздрогнулъ и вскрикнулъ отъ страха какъ ребенокъ...

«Марусю, дитя мое!—отчаянно вскричала мать, бросившись со слезами ей на шею. Пропала видно ты на-вѣки!... Подъ какой несчастною звѣздою я тебя породила, на неслыханное чудо между людьми, что всѣ боятся твоего взгляда!»

«Дѣдушка, что намъ теперь дѣлать?» приступили къ вѣщуну Иванъ и Марусина мать.

«Молитесь, добрые люди, Богу—отвѣчалъ вѣщій старикъ—а уже никакая ворожба тутъ не поможетъ.» И уѣхалъ въ свою сторону.

Подумавши и посовѣтовавшись между собою, родственники Маруси рѣшили, что одна надежда остается имъ еще на Бога и что Иванъ долженъ непремѣнно идти пѣшкомъ въ Кіевъ, отправить молебны по всѣмъ церквямъ и сдѣлать серебряный окладъ къ иконѣ Божіей Матери.

На третій день Иванъ былъ уже въ дорогѣ.

Давно уснули всѣ въ Воронѣжѣ; и только въ одномъ концѣ его ходилъ эхомъ по темнымъ садамъ глухой шумъ воды, разбиваемой колесами мельницы. Въ мельницѣ горитъ огонь и отражается черезъ узкую плотину въ прудѣ. Хуторянскіе и Воронѣжскіе козаки, привезшіе молоть хлѣбъ, сидѣли вокругъ пылающаго очага въ ожиданіи очереди. Нѣкоторые изъ нихъ пекли на длинныхъ спичкахъ сало, другіе безпечно курили люльки; разговоры и сужденія не прерывались. Подъ шумъ колесъ и гудѣніе камня козакамъ говорилось какъ-то охотно о

диковинныхъ явленіяхъ, и предметы, въ которыхъ въ другое время они можетъ быть и усомнились бы, теперь казались имъ вѣроятными. Разсуждали о томъ, что за Воронѣжемъ въ урочищѣ, называемомъ *Камень,* зарытъ съ давнихъ временъ большой кладъ, заваленный огромнымъ камнемъ, и перебирали разныя средства, какъ-бы добыть тотъ кладъ.

«И не думайте, братцы!—сказалъ одинъ изъ нихъ:—изъ чортовыхъ рукъ не разживешься. Нечистый легко даетъ въ займы, да тяжко съ нимъ раздѣлываться!»

«Вотъ бѣда!—возразилъ Воронѣжскій козакъ Губскій.—А развѣ чорта нельзя прикрутить какъ собаку до колеса?»

«Хотѣлъ бы я видѣть, какъ-бы ты прикрутилъ его!» сказалъ небольшаго роста человѣкъ съ длинными усами.

«А что-жь за чудо!—отвѣчалъ смѣльчакъ, бойко посматривая на собесѣдниковъ, которые стали боязливо озираться во всѣ стороны, какъ будто боялись, чтобъ чортъ не подслушалъ противныхъ для него словъ.—Вѣдь нашъ коваль Захарко убилъ же трехъ чертей батьковскимъ молотомъ!»

«Ой! будто убилъ!» воскликнули съ удивленіемъ пріѣзжіе.

Губскій не почелъ за нужное увѣрять ихъ

въ томъ, что, по его мнѣнію, извѣстно было всякому, и спокойно выгребалъ горячій уголь для своей люльки.

«Да, именно убилъ—подтвердилъ другой Воронѣжецъ, покрутивши потупленною головою: —это всему свѣту извѣстно.»

«И ковалю вашему Захарку не было послѣ никакихъ привидѣній отъ нечистаго?» спросилъ одинъ изъ слушавшихъ.

«Никакихъ: извелъ трехъ куцыхъ, а самъ и теперь папуетъ!»

«Хорошо-жь, что ему удалось такъ легко раздѣлаться, а какъ моему тестю, такъ нѣтъ!»

«А что-жь было съ твоимъ тестемъ?»

«Что было? Было такое, что Богъ-дай лучше и не говорить!... Тесть мой, знаете, былъ издавна дегтяръ; онъ и вѣкъ свой свѣковалъ на этомъ ремеслѣ. Бывало, только на святкахъ да въ большіе праздники пріодѣнется да пойдетъ въ церковь, а потомъ и межь люди; а то все сидитъ на майданѣ, гдѣ гонятъ деготь, и запачкается такъ, что иной и не узналъ бы. Ну, какъ онъ занимался этимъ промысломъ уже лѣтъ тридцать, то и разжился довольно, и былъ козакъ заможный хоть куда. Да пелегкая толкнула его погнаться за скарбомъ. Скарбъ тотъ нѣсколько уже лѣтъ показывался на полянѣ недалеко отъ майдана; но никто не могъ

взять его, за тѣмъ, что стерегла его до урочной поры нечистая сила и смѣльчакамъ задавала такого жаху, что и десятому заказывали копать его. Зналъ про него и тесть мой, да не отваживался добывать. Какъ вотъ въ одинъ вечеръ явилась къ нему цыганка и говоритъ, что она объявитъ ему вѣрное средство, какъ добыть скарбъ, только чтобъ онъ присягнулъ отдать ей половину. Тесть поклялся подѣлиться съ нею, только-бъ открыла этотъ секретъ, и цыганка объявила ему, что дѣло тутъ самое простое: сто́итъ только копать скарбъ тотъ съ музыкою, и чортъ не будетъ пугать народъ, потому что онъ боится музыки. Повѣрилъ или не повѣрилъ тесть, только думаетъ: что за бѣда? попробовать удачи! Послалъ хлопцовъ въ Воронѣжъ за музыкою; и только наступила ночь и засвѣтились на полянѣ двѣ свѣчи на томъ курганѣ, гдѣ лежалъ скарбъ, собрались всѣ работники, подступили къ нему съ скрыпками, съ бубнами и начали копать. Цыганка между тѣмъ читала свои ворожбы да заговоры и перебирала въ рукахъ какія-то палочки. Скоро заступы стукнули во что-то твердое и показался большой мѣдный кувшинъ. Вытащивши его изъ земли, нашли въ немъ полно карбованцовъ. Тесть отсыпалъ половину цыганкѣ, раздалъ часть музыкантамъ и работникамъ, а остальныя съ

кувшиномъ взялъ себѣ. Спряталъ тесть деньги да и побаивался, потому что все таки какъ-то опасно попользоваться отъ нечистаго, хоть и безъ всякаго съ нимъ знакомства. Однако-жь прошло двѣ недѣли—ничего съ нимъ не случилось. Скоро послѣ того наступили Зеленые святки; всѣ работники—кто погулять, а кто боясь русалокъ—разошлись по домамъ. Остался на майданѣ только тесть, одинъ-одинехонекъ. Переночевалъ ночь благополучно. На другой день, на самую Троицу, когда добрые люди стояли по церквямъ, сидѣлъ онъ въ своей землянкѣ; и думаетъ: можетъ быть мнѣ грѣхъ великій, что я остался досматривать дегтю, вмѣсто того, чтобъ идти въ церковь Божію. Вдругъ слышитъ онъ въ лѣсу шумъ какъ-бы отъ вѣтру, но погода стояла тихая и ни одно дерево не колыхалось. Шумъ становился все сильнѣе и ближе, и никакъ нельзя было догадаться, что это шумѣло. Тестю сдѣлалось страшно, и онъ началъ читать потихоньку молитвы. Какъ вотъ смотритъ—изъ лѣсу выѣхалъ молодецъ чудный, въ кармазинномъ жупанѣ, съ богатой люлькою въ зубахъ, въ шапкѣ такой, что и не сыщешь на нашихъ ярмаркахъ. Только на чемъ онъ выѣхалъ?... На козѣ!»

«Ой, Духъ святый съ нами!—воскликнули всѣ перекрестившись.—Такъ стало быть, это

былъ самъ нечистый?»

«Видно, что онъ окаянный!... Подъѣхавши къ двери землянки, онъ привязалъ свою лошадь къ кусту и вошелъ въ землянку. Тесть весь такъ и обомлѣлъ отъ страху: онъ уже догадался, что это за штука. А молодецъ въ красномъ жупанѣ и не замѣчаетъ его испуга. «Заиграть тебѣ, дѣду?» спросилъ онъ, вынувши изъ кармана сопилку.—«Богъ съ тобою, человѣкъ добрый! на что мнѣ играть?» говорилъ тесть, прижимаясь въ углу.—«Заиграть тебѣ, дѣду?» сказалъ красный жупанъ громче прежняго.—«Не надо, добрый человѣкъ; Богъ съ тобою!» отвѣчалъ тесть. Но красный жупанъ будто не слышалъ его отвѣта и все приступалъ къ тестю: «заиграть тебѣ, дѣду?»—и всякой разъ моего тестя какъ будто косматая лапа царапала по спинѣ отъ этихъ вопросовъ. Да послѣ—видно уже самъ Богъ его надоумилъ: вздумалъ онъ, что у него есть херувимскій ладанъ, оставшійся съ того времени, какъ запаливали майданъ. Вотъ онъ потихоньку досталъ его изъ-за образа и посѣялъ нѣсколько кусочковъ на огонь. «Знаю я, что это ты затѣваешь, проклятый дѣдуганъ!» закричалъ молодецъ въ красномъ жупанѣ; однакожь не трогалъ моего тестя ни волосомъ, хотя тотъ того только и ждалъ, что ухватитъ за чуприну. «Скажи-жь въ

послѣдній разъ, заиграть тебѣ?»—и не договоривши вопроса, закашлялся и выбѣжалъ изъ землянки, потому что для искусителя люда православнаго херувимскій ладанъ противнѣй тертой чемерицы. Въ одинъ мигъ сѣлъ онъ на козу и отъѣхалъ отъ куреня гоней на двое, да какъ урѣзалъ на своей сопилкѣ, то сосны, березы и всѣ кусты скакали по-выше человѣческаго росту вверхъ и отдирали козачка не хуже парубковъ на вечерницахъ. Не танцовалъ только мой тесть съ своимъ майданомъ: онъ молился и крестился до тѣхъ поръ, пока красный жупанъ уѣхалъ въ лѣсъ, насвистывая на своей дудкѣ дьявольскую пѣсню. Тогда окружныя деревья перестали подскакивать; но вдали долго еще слышенъ былъ глухой шумъ и топотъ. Этотъ случай такъ напугалъ моего тестя, что онъ недѣли съ двѣ пролежалъ, и потомъ боялся уже майдана, какъ заколдованнаго мѣста, и даже бросилъ дегтярный свой промыселъ. Совѣтовали ему добрые люди не держать у себя нечистыхъ денегъ, а раздать ихъ бѣднымъ, или лучше всего—закопать на томъ мѣстѣ, гдѣ взялъ. Но тесть не послушался. Что-жь бы вы думали? Лукавый взялъ таки свое: не пошло ничто въ руку тестю; на всемъ получалъ убытокъ, скотъ дохъ, пчелы переводились, и уже всѣ думали, что вотъ, сказать,

изведется старый Спичка; да къ счастью спохватился скоро: раздалъ изъ кувшина всѣ карбованцы нищимъ, а кувшинъ бросилъ въ болото, отправилъ три молебна и освятилъ наново весь дворъ и пасѣку; тогда только минулась бѣда и все пошло по прежнему. Такъ-то, братцы, нечистый подводитъ иногда на погибель добраго человѣка! Лучше всего не вѣрить ему, собакѣ, ни на грошъ: изъ его рукъ не разживешься!»

«Такъ стало быть, по твоему, за скарбомъ нѣчего и гоняться, и хоть-бы самъ лѣзъ въ руки, не брать?»

«Именно такъ: чортово добро никогда не пойдетъ въ руку.»

«Нѣтъ, сватъ, не говори этого. Бываютъ разные скарбы: иной не пойдетъ, а другой и пойдетъ. Вотъ, примѣрно сказать, молодая Большачиха Маруся, когда была въ дѣвкахъ, ничего не имѣла, а теперь посмотри—живетъ какъ пани, да и свадьбу какую исправила! Вѣдь ей говорятъ то-же явился скарбъ передъ самою свадьбою?»

«Да постой, братъ, еще посмотримъ, что будетъ дальше. Пусть себѣ живетъ, пока живется; а когда-бъ ты послышалъ, что говорятъ люди.»

«Да на что слышать?—прервалъ другой ко-

закъ:—стоитъ только посмотрѣть на нее, такъ и все поймешь....»

«Что-жь, развѣ перемѣнилась?»

«Перемѣнилась, да только такъ, что и не дай Господи: сдѣлалась такою красивою, что никто еще не видалъ, никому и не снилась такая красота. Я слышалъ, это недобрый знакъ!»

«Ну, а что-жь говорятъ люди?» спросилъ высокій козакъ, обращаясь къ прежнему разскащику.

«Говорятъ дѣла дивныя; не знаю, вѣрить ли только: будто-бы—чуръ нашего мѣста—къ ней летаетъ змѣй!...»

«Змѣй!—вскричали всѣ.—Отъ кого-жь ты это слышалъ?»

«Да этотъ слухъ ходитъ по всему Воронѣжу. Вотъ и мельникъ, вѣрно, знаетъ.—Слушай, какъ тебя, дядьку?... Опанасъ! правда ли, что къ молодой Большачихѣ летаетъ змѣй?» сказалъ онъ, обращаясь къ мельнику, который съ самаго пріѣзда козаковъ ни разу не вмѣшался въ ихъ разговоръ и нахмуренный суетился около своего дѣла.

«Скоро, небоже, состарѣешься, если все будешь знать» сурово отвѣчалъ запыленный мукою мельникъ.

«Не трогай, братъ, его—сказалъ одинъ изъ

козаковъ, понизивъ голосъ:—вѣдь мельникъ съ чортомъ родные братья; видишь, какъ ему тошно, что мы бранимъ его родича!»

Всѣ засмѣялись.

«Такъ къ Болшачихѣ змѣй летаетъ!—говорили козаки, раздумно покачивая головами. —Ну, теперь уже пропала: отъ змѣя ни одна не выкручивалась.»

«Отъ чего-жь пропала? И я знаю одну женщину, къ которой леталъ змѣй, такъ та-жь сохла съ каждымъ днемъ, а эта, говорятъ, хорошѣетъ; стало быть не пропадетъ.»

«Хорошѣетъ, да не по-человѣчьи хорошѣетъ! Я готовъ Богъ знаетъ что ставить, если она умретъ своею смертью. Вѣдь не даромъ ея дѣдъ вѣщунъ, умирая, долго ей что-то говорилъ наединѣ, и послѣ она чуть не пошла въ монастырь.... Стало быть онъ ей напророчилъ что-то замысловатое! Опять же не безъ причины и далекій знахоръ ее испугался!»

«Хотѣлось-бы мнѣ видѣть, что тамъ за змѣй!—сказалъ низенькой человѣкъ съ длинными усами:—я съ роду не видалъ.»

«Да лучше и никогда не видѣть—отвѣчалъ его сосѣдъ:—я разъ видѣлъ, да только послѣ того ночей три мнѣ не спалось: только что задремлю—вдругъ мерещится, что хата полна огня, и я схватываюсь....»

Тутъ онъ вдругъ остановился; всѣ козаки оторопѣли и неподвижно смотрѣли въ отворенную дверь: небо все освѣтилось; прудъ заблестѣлъ огнемъ; яркая полоса пламени, разсыпая искры, пролетѣла надъ мельницею и разомъ потухла надъ дворомъ Ивана Большака...

Никто не вымолвилъ слова и не задалъ вопроса: всѣмъ было ясно, что это значитъ.... Непреодолимый ужасъ напалъ на козаковъ. Даже самъ Губскій испугался. Тотчасъ погасили они огонь и легли спать; и каждый, укрывшись плотно своею свитою, считалъ себя безопаснымъ отъ нечистой силы.

Дивна и несказанна ночь въ нашемъ Воронѣжѣ! Недосягаемо высоко далекое небо, необычайно свѣтелъ мѣсяцъ и ярки звѣзды. И сквозь прозрачную синеву неба какъ будто свѣтитъ какой-то другой свѣтъ; и лучи мѣсяца расходятся какимъ-то дивнымъ сіяніемъ въ воздухѣ, и кажется весь этотъ поднебесный міръ наполненъ тонкими, неосязаемыми духами; и звѣзды такъ пристально глядятъ внизъ, какъ будто ищутъ отвѣта у жителей земли.... Засмотрѣвшійся на невыразимую красоту неба

человѣкъ, будто проникается его сіяніемъ, душа свѣтлѣетъ, и онъ готовъ-бы дать отвѣтъ, еслибъ имѣлъ для этого особенный языкъ.... Звѣзды горятъ, звѣзды сверкаютъ на необозримомъ полѣ роскошнаго синяго неба, какъ непонятныя буквы въ волшебной книгѣ. А весь Воронѣжъ спитъ; и можетъ быть только души уснувшихъ, оставивши свои жилища, выходятъ свѣтлыя на воздухъ и читаютъ эту неистолкованную книгу и разумѣютъ письмена ея, пока не возвратятся въ тѣло.... Дивна и несказанна ночь въ Воронѣжѣ! Она даетъ человѣку какъ-бы другую душу, она проникаетъ всѣ его нервы; легко ему и вольно, и не чувствуетъ онъ на себѣ тѣла: идетъ и не слышитъ земли подъ собою, какъ будто волны воздуха подмаваютъ его подъ руки, и онъ готовъ-бы полетѣть навстрѣчу мѣсяцу.... Скоро ужь полночь. Ни въ одной хатѣ не свѣтится огонь. Холодныя тѣни садовъ лежатъ по уснувшимъ улицамъ.

«Благодарю тебя, Боже!—говорилъ Иванъ, снявши шапку и крестясь противъ церкви Спаса. —Наконецъ я въ Воронѣжѣ!... О! какъ здѣсь хорошо и привольно!... Что за небо! что за воздухъ!... Какой чудный запахъ отъ садовъ!... Нѣтъ, смѣло скажу, что нигдѣ я не видалъ такихъ ночей!... Что-то моя Маруся!...»

И скорыми шагами спѣшилъ онъ домой, и

сердце его сжалось, когда онъ приближался садомъ къ новой свѣтлицѣ. Маруся не спала; она сидѣла у окна, и такъ загляделась на мѣсяцъ и звѣдное небо, что и не замѣтила Ивана.

«Здравствуй, Марусю! здравствуй, мое серденько!—сказалъ онъ, бросаясь къ ней.—Ждала ты меня теперь? День и ночь поспѣшалъ, чтобъ скорѣй увидѣть ясныя твои очи.... Здорова-жь ты, моя голубко?»

Маруся сперва и обрадовалась, и стала къ нему ласкаться; но посреди своихъ ласкъ вдругъ такъ захохотала, что Иванъ вздрогнулъ.

«Чего ты смѣешься?—спросилъ онъ, отступая отъ нея съ ужасомъ, потому что мѣсяцъ освѣтилъ въ это время ея лице и оно блеснуло ему такою красотою, что сердце его задрожало съ болью.

«Какъ же не смѣяться?—говорила она:—какой ты темный, тяжелый! Отчего ты вдругъ такъ перемѣнился? Ты-жъ прежде прилеталъ ко мнѣ легкой и свѣтлый какъ огонь! Отчего ты не играешь, а говоришь? Гдѣ твоя бандура? Играй: мнѣ противенъ твой голосъ.... Скоро ли ты высосешь изъ меня всю тягость? Скоро ли мы полетимъ въ твою сторону?»

«Боже мой, Боже мой!» проговорилъ отчаяннымъ голосомъ Иванъ, стоя у порога и ломая руки.

И вдругъ на дворѣ все освѣтилось; подъ окнами засверкали искры.... Иванъ поспѣшно выбѣжалъ изъ хаты, и видитъ—огненная полоса, вся въ искрахъ, обвилась летучей лентою подъ соломенной крышей, и крыша разомъ вспыхнула. Иванъ бросился въ хату, чтобъ спасти Марусю, но она съ хохотомъ вырвалась у него изъ рукъ.

«Куда ты меня тянешь, Иванъ?»

«Пойдемъ, ради Бога! видишь—огонь!»

«Такъ что-жь? Я огонь люблю; въ огнѣ легко...»

Иванъ хотѣлъ насильно вынесть ее изъ свѣтлицы, но Маруся съ нечеловѣческою силою рванулась, и такъ дико вонзила въ него свѣтящіяся очи, что онъ не перемогъ себя. Пронзительный взоръ проникъ ему до самаго сердца: онъ вскрикнулъ и выбѣжалъ на дворъ. Крикомъ своимъ разбудилъ онъ домашнихъ. Но пока сбѣжался народъ, пламя обхватило уже стѣны и затянуло окна и двери. Никто не отваживался спасать несчастную. Кромѣ опасности отъ огня, въ хатѣ былъ слышенъ такой страшный, такой дикій хохотъ и визгъ, что у всѣхъ холодъ проходилъ по тѣлу.

Скоро раздался звонъ колоколовъ на шести Воронѣжскихъ колокольняхъ; тревога сдѣлалась общею, и народъ сбѣгался со всѣхъ улицъ. Но помощи было мало, потому что сколько ни лили

воды, пламя не уменьшалось, а еще какъ будто на-перекоръ больше разыгрывалось и глубже брызгало въ небо. Далеко былъ слышенъ крикъ народа и плачь родныхъ. Иванъ въ безумномъ отчаяніи припадалъ къ землѣ и рыдалъ, и бился, и призывалъ на себя смерть. Искры и головни сыпались на него, такъ что принуждены были нѣсколько разъ относить его далѣе. А между тѣмъ сквозь пламя все раздавался громкій хохотъ, незаглушаемый ни трескомъ пламени, ни крикомъ народа. Наконецъ съ послѣдней вспышкою пожара замолкъ и страшный смѣхъ. Густой, рыжій дымъ клубами покатило по пожарищу. Изъ темнаго проулка повѣялъ вѣтеръ, и вмѣстѣ съ нимъ пронеслись въ воздухѣ жалобные звуки, въ которыхъ многіе узнали голосъ Ивановой бандуры.... Всѣ почувствовали непреодолимый ужасъ и разошлись по домамъ. Осталась у пожарища одна только толпа людей—семья и дворня сгорѣвшаго дома. Озаряясь красноватымъ заревомъ отъ тлѣющихъ и вспыхивающихъ бревенъ, они какъ тѣни бродили кругомъ между опаленныхъ садовыхъ деревъ, между наваленныхъ въ безпорядкѣ пожитковъ.

Иванъ не умеръ отъ горести; онъ до сихъ поръ живъ; но никто бы не узналъ въ немъ прежняго Ивана. Худой и понуренный ходитъ онъ по Воронѣжу въ ветхой свиткѣ. Если къ нему кто заговоритъ, онъ слушаетъ какъ сквозь сонъ, и въ тусклыхъ очахъ ни разъ не блеснетъ живая искра. Часто видятъ его ночью на старомъ пожарищѣ, заросшемъ уже травою: иногда онъ лежитъ ницъ на землѣ, иногда, стоя на колѣняхъ, читаетъ молитвы. Но если у него спросить, что это за мѣсто? онъ не скажетъ: онъ ничего не помнитъ; и только по какому-то инстинкту любитъ зеленый пригорокъ, окруженный обгорѣлыми пнями и запустѣвшимъ садомъ.

П. КУЛѢШЪ.

1840 г. Кіевъ.

ВОЛЫНЬ ДО XI ВѢКА.

(Отрывокъ.)

Страна, извѣстная подъ именемъ Волыни, была съ древнѣйшихъ временъ заселена Словенами, подобно землѣ Кіевской, Червоноруской или Галицкой и Подолью. Во всѣхъ этихъ участкахъ Южной Руси коренными и первобытными жителями были Юговосточные Словены, которые хотя нѣкоторое время и находились въ взаимномъ раздѣленіи на разныя отросли, иногда немирившія другъ съ другомъ (какъ напримѣръ Древляне съ Полянами Кіевскими), но тѣмъ не менѣе были ближайшія другъ къ другу, по степени родства и по мѣстопребыванію. Руское владычество, соединившее сихъ Словенъ въ 9 и 10 вѣкѣ подъ знамена Кіевскія, положило на нихъ вновь неизгладимую печать единства, по которой они доселѣ не перестаютъ быть однимъ, кореннымъ *Южнорускимъ* народомъ, при всѣхъ переворотахъ съ ними и раздѣленіяхъ Южной Руси въ продолженіе девяти вѣковъ. Не смотря на областныя названія ихъ Галичанами, Подолянами, Волынянами, Украинцами, Запорожцами,

Слобожанами, Черноморцами—имя *Русина* остается ихъ общимъ, родовымъ именемъ, которымъ и теперь зоветъ себя коренной народъ земли Галицкой,—которымъ и весь Южнорускій или Малороссійскій народъ отличаетъ себя отъ Поляковъ, Чеховъ, Сербовъ и другихъ Словенъ, хотя въ нашемъ государствѣ имя *Рускаго* теперь усвоилось преимущественно народу Великой или Московской Руси, коей судило Провидѣніе быть средоточіемъ возсоединеннаго Рускаго міра. Но до 13 вѣка, когда первопрестольный Кіевъ былъ средоточіемъ древняго Рускаго міра, во всѣхъ его концахъ именемъ *Руси* или *Руской земли* называлась преимущественно земля Кіевская. Потому-то и въ Царѣгородѣ Константинъ Багрянородный писалъ, что Великій Новгородъ находится *внѣ Россіи*. Такъ и у нашихъ соплеменниковъ Поляковъ: *Русью* назывался прежде преимущественно Южнорускій народъ, въ отличіе отъ Москвитянъ или Великороссіянъ; древнее Галицкое княжество называлось у нихъ съ половины 14-го вѣка *воеводствомъ Рускимъ;* Украинскіе Козаки въ нѣкоторыхъ конституціяхъ 17 вѣка именуются *старожитною Русью;* старинныя Польскія хроники называютъ *Русинами* князей Черторійскихъ, получившихъ это имя отъ древняго города Черторійска на Волыни.

Такимъ образомъ на сію страну, и по ея коренному народу, и по ея древней и нынѣшней государственной принадлежности, не иначе должно смотрѣть, какъ на участокъ коренной, старожитной Руси. Самое названіе *Малороссіи* или *Малой Руси*—Russia minor—первоначально принадлежало Волынской и Галицкой землѣ, и уже въ послѣдствіи распространилось на лѣвую сторону Днѣпра, и даже преимущественно ей усвоилось.

Въ историческомъ бытіи Волыни сами собою различаются пять періодовъ: *первый*—до окончательнаго утвержденія Руской власти надъ Волынью Великимъ Владиміромъ, въ исходѣ 10-го вѣка; *второй*—до перехода Волыни въ составъ Литовскаго или Западноруского государства, въ половинѣ 14-го вѣка; *третій*—до соединенія Волыни и всего Литовскаго княжества съ короною Польскою, въ 1569 году; *четвертый*—до возвращенія Волыни подъ Рускую державу, въ 1793 году; и *пятый*—нынѣшнее бытіе Волыни, преобразованной въ Волынскую губернію.

Свѣдѣнія наши о древнѣйшемъ бытіи Волыни—до 11-го вѣка—основываются на немногихъ историческихъ извѣстіяхъ, относя-

щихся къ ея первымъ обитателямъ и къ завоеванію ихъ Рускими Князьями. Одинъ только преподобный Несторъ оставилъ, хотя краткія и неполныя, но опредѣлительныя указанія. Сіи указанія дополняются, нѣсколькими извѣстіями Константина Багрянороднаго и безъименнаго Баварскаго географа, писавшаго въ исходѣ 9-го вѣка.—Вотъ что можно вывести изъ сихъ писателей о жителяхъ древнѣйшей Волыни, коея предѣлы въ прежнія времена простирались далѣе на западъ чѣмъ въ нынѣшнемъ ея ограниченіи.

Восточная половина сего края, по обѣимъ сторонамъ западнаго Буга, заселена была *Бужанами* и *Дулѣбами*.

Дулѣбы въ 6-мъ или 7-мъ вѣкѣ много потерпѣли отъ Обровъ или Аваровъ, по сказанію Нестора. Мѣстная память объ нихъ сохраняется и нынѣ въ наименованіи нѣскольскихъ селъ *Дулѣбами* или *Дулибами*.

Бужане составляли довольно многочисленную Словенскую отросль, ибо, по сказанію Баварскаго географа, они (Bussani) жили въ 250 городкахъ (civitates).

Но что сказать о самихъ *Волынянахъ*, именемъ коихъ во времена Нестора назывались уже Дулѣбы и Бужане? Всего вѣроятнѣе, что Волынянами сначала называлась только нѣко-

торая часть Словенъ, жившая въ верховьяхъ Западнаго Буга, около города Волыня. Польскіе историки, по сходству звуковъ, считали Волынянъ пришельцами съ береговъ Волги, почему и вмѣсто Волыни они писали *Волгинія*. Но то и другое напрасно. Жители Волги назывались-бы не Волынянами, а Волжанами—по закону Словенскаго звукоизмѣненія, какъ обитатели Буга назывались Бужанами. Въ древнѣйшихъ спискахъ Руской лѣтописи (Лаврентьевскомъ и Троицкомъ) вмѣсто Волынь и Волыняне весьма часто писано *Велынь* и *Велыняне*. * Это почти прямо указываетъ на *Велыновъ* или *Велынянъ*—отросль Прибалтійскихъ Словенъ, которая преимущественно обитала на островѣ Велынѣ или Волынѣ (по Нѣмецки Юлинъ), гдѣ былъ и городъ сего имени. И мнѣ кажется, что наши Волыняне всего скорѣе были храбрые выходцы съ Балтійскаго поморья, которые сначала поселились у Западнаго Буга, а потомъ распространились далѣе, и своимъ именемъ покрыли прочихъ жителей сего края. Они-то, конечно, были основателями и города *Волыня,* на лѣвой сторонѣ Буга, при

*.—Самое различіе въ произношеніи сихъ именъ—*Волынь* и *Велынь*—свойственно Словенскому звукоизмѣненію *е* въ *о*, какъ напримѣръ въ словахъ *полынь* и *пелынь*, *гробля* и *гребля*, *озеро* и *езеро*. Названіе *Велынь* можно считатъ древнѣйшимъ.

устьѣ рѣки Гучвы. Теперь на томъ мѣстѣ село Городокъ; но еще видны остатки большаго вала и нѣсколько могилъ—безмолвныхъ памятниковъ того города, коего именемъ называется по-нынѣ цѣлая область.

Что касается до другихъ Словенскихъ отраслей, вошедшихъ въ составъ Волынскаго народа, то онѣ опредѣляются болѣе предположительно.

Лучане, два раза упомянутые Константиномъ Багрянороднымъ въ числѣ Словенъ подвластныхъ Руси еще до временъ Владиміровыхъ, по мнѣнію Карамзина—обитали въ окрестностяхъ древняго Волынскаго города *Лутеска,* то есть нынѣшняго Луцка. Впрочемъ *Лучанами* назывались въ Московскихъ грамотахъ жители Великихъ Лукъ, которые, по мнѣнію Шафарика, и были Лучане Константина Багрянороднаго.

Между народами, описанными географомъ Баварскимъ подъ именами *Sittici* и *Attuerzani,* Шафарикъ угадываетъ Славянскія имена *Житичей* и *Туричанъ,* и полагаетъ, что первые всего скорѣе могли быть жителями окрестностей Житомира, а Туричане жили на рѣкѣ Турьѣ, гдѣ издревле существовалъ городъ (нынѣ мѣстечко) Туріискъ и есть село Туричаны.

Какъ-бы то ни было, но Словены Волынскіе, слившіеся мало по малу въ одинъ составъ Южнорускаго народа, со всѣхъ сторонъ окружены бы-

ли Словенскими-же отрослями. Западными сосѣдями ихъ были *Хорваты,* населявшіе Восточную Галицію и послужившіе основаніемъ Червоной Руси. Къ югу отъ нихъ простирались—вдоль Днѣстра и Буга до Чернаго моря и Дуная—*Тиверцы* и *Углины* или *Уличи,* отличавшіеся своею воинственностью и множествомъ городковъ, которые существовали и во время Нестора, но теперь съ Словенскими именами остались уже немногіе. На восточномъ рубежѣ Волыни жили *Древляне,* особенно замѣчательные въ отношеніи къ этой странѣ потому, что ихъ лѣсистый край, въ древности называвшійся *Деревами,* причисляется нынѣ къ ея составу, съ городами Вручаемъ (Овручемъ), Коростенемъ (Искоростью) и другими. Къ сѣверу отъ Древлянъ и Волынянъ, между рѣками Припетью и Западною Двиною, жили *Дреговичи,* которые можетъ быть простирались отчасти и въ Волынское Полѣсье.—

Скажемъ теперь о присоединеніи Волынскихъ Словенъ подъ Рускую власть Кіева, которое совершилось не вдругъ и не безъ противоборства.

Первымъ шагомъ къ тому было завоеваніе Древлянъ, на которыхъ наложили свою руку еще первые Рускіе Князья Кіева, Оскольдъ и Диръ, около 864 года. Завоевательный Олегъ, сдѣлавшись Рускимъ Княземъ, покорилъ вновь

подъ власть Кіева Древлянъ, въ 883 году, и потомъ пошелъ на ихъ сосѣдей. Въ 885 году онъ воевалъ съ Угличами и Тиверцами, которые не поддавались ему безъ боя. Вѣроятно около того-же времени, послѣ завладѣнія Тиверцами, Олегъ простеръ свои завоеванія на Дулѣбовъ и Галицкихъ Хорватовъ; по крайней мѣрѣ тѣ и другіе въ началѣ 10-го вѣка были уже подъ Русью, ибо въ 906 году тѣ и другіе находились въ грозномъ Олеговомъ ополченіи на Царьгородъ, вмѣстѣ съ Тиверцами, Древлянами и другими отраслями Словенъ, уже подвластными Кіеву.

Князь Игорь, обновивъ Рускую власть надъ Древлянами въ 913 году, завоевалъ наконецъ въ слѣдующемъ году упорныхъ Угличей. Древляне вновь отказались было платить дань; но памятникомъ ихъ подданства Кіеву и теперь возвышается *Игорева могила,* близь древняго ихъ города Коростеня, нынѣ мѣстечка Искорости. Ольга отмстила Древлянамъ за убіеніе своего мужа; а въ 970 году Князь Святославъ отдалъ Дрвлянскую землю въ удѣльное княженіе сыну своему *Олегу,* который и княжилъ въ ней до 977 года.

Между тѣмъ Червень, Перемышль и другіе города Галицкіе или Червенскіе заняты были Поляками; почему Владиміръ Святославичь въ

981 году ходилъ на Мечислава и отвоевалъ у него достояніе Кіева, добытое Олегомъ. Вѣроятно въ этотъ-же походъ Великій Князь Кіевскій овладѣлъ Бужанами и прочими жителями Волыни; а для упроченія своей власти надъ нею и надъ Галичемъ, онъ построилъ во свое имя городъ *Владимиръ* на р. Лугѣ, въ 20 верстахъ отъ города Волыня.

Этотъ новый Волынскій городъ, въ 988-мъ году, Великій Владиміръ назначилъ въ удѣльное княженіе своему юному сыну Всеволоду, который и княжилъ тамъ до 1052 года. При первомъ учрежденіи Рускихъ Епархій, въ 992 году, одна изъ нихъ назначена во Владимирѣ Волынскомъ и посланъ туда Епископъ Стефанъ. Содѣлавшись такимъ образомъ средоточіемъ Руской власти надъ Волынью, городъ Владимиръ въ то-же время послужилъ сей странѣ источникомъ просвѣщенія христіанскаго, — и она къ началу 11-го вѣка была уже причастна той Руской жизни, которая образуясь въ Кіевѣ, разливалась изъ него по всѣмъ концамъ древней Владиміровой Руси. По имени своего главнаго города, Волынь называлась иногда *землею Володимирскою*, откуда и произошло названіе *Лодомиріи*.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

1839 г.

ПИСЬМА КНЯЗЯ ОСТРОЖСКАГО.

(Вотъ еще два письма во Львовъ отъ Князя Острожскаго, писанныя на закатѣ жизни его, смущенномъ горестными событiями отечества и собственнаго семейства. Какъ ясно въ нихъ изображается душа одного изъ первѣйшихъ ревнителей просвѣщенiя и Православiя Рускаго. Къ сожалѣнiю мнѣ неизвѣстно, успѣлъ ли онъ напечатать сочиненiе своего знаменитаго сводвижника, объ изданiи коего прилагалъ такое попеченiе.

ПИСЬМО КЪ БРАТСТВУ ЛЬВОВСКОМУ.

Мне велце милые и ласкавые панове иеже о Христѣ Братия.—Упреймость мою звыклую и службы братерские яко наипилней ласкамъ В. Мост. отдаю.—

По смутныхъ намъ новинахъ о зейстью з свѣта сего свѣтила православныхъ блаженнаго Мелетия Александрѣйского Патриярхи, еще зостала утѣха его праца и дѣла рукъ, которою не толко мы православнии, але и отъ супостатъ нѣкоторые утѣшаются будутъ. Хотячи теды всему свѣту оказати оного ревность по Христѣ и истинне его, стараюсь впередъ нижъ што иншого, ведлугъ остатнее воли его, розмову отъ блаженного противу схисматикомъ и прочимъ сектаторомъ написаную в друкъ по Грецку и по Руску пустити. А на тотъ часъ ижъ ли-

теръ готовыхъ Кгрецкихъ немаю, прошу на выдруковане тое малое але светое речи литеръ отъ В. Мостей готовыхъ кастъ 30 три. А скоро се выдрукуетъ, заразъ В. М. с подякованьемъ отошлю. А умысльне по тое посыламы служебника нашого Путятицкого. Такъ тижь и для иншого порозумѣнья з Вашмостями полецывшы устное мовенье, которому во всемъ вѣры додавать рачте прошу. С тымъ и повторе отдаюся милости и ласце братерской. Дата з Острога Іюля 13. Вашмостей во всемъ жычливый Константинъ Княжа Острозское Воевода Киевскій—власная рука.—А до того еще пилно прошу В. М. яко приятелей своихъ милыхъ и верныхъ, жебы при тыхъ литерахъ и зицера якого в томъ цвичоного, а мяновите Касияновича, который былъ при отцу Никифоре, той свѣдомъ литеръ вашыхъ Кгрецкихъ якъ ихъ до формы ставити. Прошу пилне рачте В. М. с тыми литерами прислати мало поправцовати, а я назадъ и литеры и зицера вашого отпущу кромъ омешканья. А тую ласку и учинность В. М. всѣмъ добрымъ нагорожити готовъ естемъ, в чомъ не вонтплю, же для мене на той остатокъ живота моего учините на вечную памятку.

ПИСЬМО КЪ МѢЩАНАМЪ ЛЬВОВСКИМЪ.

Мое милые панове мещане Лвовские.

Укривженя и уближеня въ волностяхъ, которое В. М. терпите, барзо жалую, и не поодинкроть доходитъ мя вѣдомость такъ презъ писаня яко и презъ устное ускарживаня В. М. о такихъ кривдахъ. Але тыхъ часовъ яко бачу не дивъ ба не толко ся то В. М. дѣетъ, але и намъ всѣмъ значне противку праву и волностямъ нашимъ, яко и теперъ свѣжо на близко прошломъ сеймѣ Варшавскомъ выдано декретъ противко насъ, безъ бытности и вѣдомости и насъ и пословъ нашихъ, намъ барзо и праву посполитому а болше справедливости святои противной, которого для зрозумѣня копию Вашмостямъ посыламъ.—За чимъ и в томъ укривженю В. М. инакше рады на даю, тилко быть терпливими а чекати змилованя Божого, азали вжды з милосердья своего святого и сердце и хуть Его Кор. Мил. до того наклонитъ, якобы нѣкого нѣвчомъ некривдити и о вшемъ кождого при своимъ взглядомъ справедливости святое будет рачилъ—Того теды сеймику же не тая есть материя и пропозиция, якобысмы намавляти мѣли о успокоѣню ростирковъ домовыхъ,

тилко о небезпеченствѣ коронномъ, которое заходитъ немаль зъ всѣхъ сторонъ. До того же сеймикъ той незвыклымъ торомъ яко всѣ иншие передъ сеймомъ валнымъ стался, на которомъ посполите таковые кривды утиратися звыкли. Про то не здалося намъ всѣмъ до тыхъ намовъ около обороны Рѣчи посполитой такихъ втручати. Еднакъ прийдетли до того где далѣй незанехаютъ Ихъ Мость панове послове наши межи иншими кривдами и тоей Вашмостей преложити.—Поручамся при томъ приязни В. М. Датта з Луцка 17 дня мѣсяца Мая рокъ 1600. Вашмостей приятель зычливый Константинъ Княжа Острозское Воевода Киевский Маршалокъ земли Волынскои—власная рука.—

РОДОСЛОВНЫЯ ЗАПИСКИ
КІЕВЛЯНИНА.

Извѣстно какими средствами Польша, завладѣвъ Западною Русью и поддавшись Езуитамъ, возобновляла свое католичество и угнѣтала другія христіанскія вѣроисповѣданія. Помощію тѣхъ средствъ она не только въ своемъ коренномъ Польскомъ народѣ возстановила католичество, сильно подорванное въ ней реформаціей; * но произвела было несчастный переворотъ и въ присоединенныхъ къ ней областяхъ Рускихъ. Она произвела то, что знатнѣйшая часть кореннаго Западнорускаго дворянства мало по малу отстала отъ древней вѣры своихъ предковъ и перешла въ католичество. Не говоримъ о языкѣ Польскомъ: какъ языкъ господствовавшей тогда націи (притомъ языкъ соплеменный Рускому, еще неутратившій тогда молодой свѣжести своей подъ тяжелою схоластикою Езуитской Латини)—онъ не только усвоился Рускимъ католикамъ; но былъ въ большомъ употребленіи и между Православнорускими под-

*. – Въ 16 вѣкѣ католичество Польши находилось въ такомъ упадкѣ, что нѣкоторое время въ составѣ Сената было не болѣе *трехъ* католиковъ.

даными Польши, о чемъ свидѣтельствуетъ и нѣсколько книгъ на Польскомъ языкѣ, сочиненныхъ Рускимъ духовенствомъ и напечатанныхъ въ самой Печерской Лаврѣ.

Теперь уже болѣе полувѣка, какъ Западная Русь, переставъ быть Польскою областью, возвратилась опять къ Государственноруской жизни, стала опять Русью. Потому особенно теперь, для коренныхъ и старожитныхъ обывателей Западной Руси, должна быть близка сердцу историческая истина о ихъ Рускомъ происхожденіи. Тѣ изъ нихъ, которыхъ предки извѣстны или славны были еще до панованья Жигимонта III-го, безъ сомнѣнія очень хорошо знаютъ, что они не только граждане Рускіе, но Рускіе по своему древнему роду и крови, и по вѣрѣ предковъ своихъ, которая у самихъ Поляковъ была первоначально не католическою, а восточною, какъ и у другихъ Словенскихъ народовъ. Но менѣе значительныя Западнорускія фамиліи,—по принятіи Римскаго исповѣданія и по привычкѣ къ обычаямъ и языку коренныхъ Поляковъ, между ними поселившихся,—легко могли забыть, что они не Поляки, но также Рускіе по своему происхожденію, какъ и тѣ одноземцы ихъ, которые устояли въ православной Руской вѣрѣ, или возвратились къ ней отъ Уніи. Для такихъ фамилій, особенно

въ настоящее время, историческое самопознаніе полезно не менѣе самопознанія нравственнаго. Потому-то каждый памятникъ, служащій къ поясненію и подробнѣйшему раскрытію вышесказанной исторической истины, заслуживаетъ изслѣдованія и приведенія въ общую извѣстность.

Воспоминаніе о Рускомъ происхожденіи нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ фамилій Западнаго края Россіи, предложено въ первой книгѣ Кіевлянина—въ статьѣ о надгробіяхъ въ Печерскомъ монастырѣ. Тамъ же—въ статьяхъ Острожская старина, и воспоминаніе о Пересопницѣ—показанъ переходъ Князей Острожскихъ и Черторійскихъ въ католичество. Можно будетъ въ Кіевлянинѣ представить подробно переходъ въ католичество и нѣкоторыхъ другихъ Западнорускихъ фамилій; но на сей разъ предлагается

ВЫПИСКА ДВОРЯНСКИХЪ РУСКИХЪ ФАМИЛІЙ НА ВОЛЫНИ, ПРИНАДЛЕЖАВШИХЪ ВЪ 17 ВѢКѢ КЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ.

Здѣсь исчислены не всѣ Рускія фамиліи на Волыни, а только тѣ, которыя вписаны въ 17 вѣкѣ въ первомъ или *шляхетномъ* отдѣленіи *помянника* Крестовоздвиженскаго Луцкаго Братства, для поминовенія церковнаго.—

«Тоутъ зачинаетъся поменикъ церковного Луцкого Брацтва зацъне оурожоныхъ Ихъ М. Пановъ и Князей Шляхты обывателей Волынскихъ, ктиторовъ святыя обытели сея Ставропігиу Патріаршого Воздвиженія Честного и Животворящаго Креста Господня.»

—«1. Року 1618 мѣсяца Новембра дня 16, на несмертелную память родъ сей Княжатъ И. М. Святополковъ Четвертенскихъ, которіи идутъ отъ Володимера Монархи всея Россіи, найпершого християнина.

2. Князя Стефана Святополка *Четвертенского*, подкоморого Браславского.
3. Князей *Пузыновъ*. (Р. 1637.)
4. Пана Лаврентого *Древинского*, чашника землѣ Волынское.
5. Пана Александра *Мозелъ*. (Року 1647.)
6. Пана Тимоѳея *Головинского*.
7. Пана Андрея *Подгороденского*. (Р. 1634.)
8. Пановъ *Рогозинскихъ*. (Р. 1634.)
9. Пана Якова *Гарабурды*.
10. Панее Демяновое *Павловичовое*, судиное кгродскои Володимерское.
11. Пана Адама сирѣчь Андреа *Урсула Рудецкого*.
12. Пана Іякова *Дорогиницкого* и жоны его Оксиміи.
13. Пана Миколая *Боговитина*.
14. Панее *Кграбовецкое*.
15. Пана Николая *Борейка* Кнерутского.

16. Пана *Кукоского.*
17. Пана Өеодора *Воютинского.*
18. Пановъ *Еловицкихъ* (Р. 1638.)
19. Пана Михаила *Нападовского.*
20. Пана Михаила *Кропивницкого,* подсудка Браславского и жены его Евдокіи Головинской. (Р. 1640.)
21. Панее *Киндерской,* чашниковое Браславское.
22. Панее Лаврентовое *Древинское,* чашниковое Волынское.
23. Пана Александра *Жабокрицкого.* (Р. 1647.)
24. Пана Александра *Немирича.*
25. Пана Самуеля *Гумницкого.* (Р. 1668.)
26. Пана Павла *Русиновича.* (Р. 1652.)
27. Пана Володимера *Зубцевского,* городничого Луцкого.
28. Пана Александра *Макарского.*
29. Пана *Китайчича* Романа.
30. Пана Петра *Калусовского.*
31. Панее Маріи *Гулевичовое.*
32. Панее *Туберской* Ірины, съ повѣту Володимерского. (Р. 1640.)
33. Пановъ *Савичовъ.*
34. Панее *Хорошковое.*
35. Пана *Люлѣ,* обывателя повѣту Киевского.
36. Пана Маөея *Яссинецкого.*
37. Пана Евстафія *Трацевского* и жены его Анны.
38. Панее Екатерины *Соколовой Смоковской.*

39. Пана Лва *Козинского.*
40. Пана Лукіана *Соболевского.* (Р. 1650.)
41. Ядвиги *Валицкои* Ивановое Мордвиновое.
42. Пана *Ковальского.*
43. Пана Богдана *Братковского,* скарбника Браславского. (Р. 1673.) Противъ послѣдняго въ семъ родѣ имени—*Даніила,* приписано съ боку: «невинно отъ Ляховъ страцон. Р. 1702.»
44. Пана Василія *Подльского.* (Р. 1672.)
45. Панее Анны *Лясочинскои.* (Р. 1675.)
46. Пана *Пасенковского.*
47. Пана Максимиліана *Булыги.* (Р. 1669.)
48. Пана Томаша (Өомы) *Сосницкого.*
49. Пана Павла *Лоскоцкого.* (Р. 1653.)
50. Пана Павла *Селявы.* (Р. 1657.)
51. Пана Яна *Прскгалинского* и жены его Екатерины Корниловцевны.
52. Пана Павла *Шолкгень.*
53. Пана Сидора *Подгаецкого.* (Р. 1654.)
54. Пана Романа *Яроцкого.* (Р. 1654.)
55. Панее *Урвановое Маримушанки.*
56. Панеи Өеодоры *Павловичовои,* судинои Володимерскои.
57. Пана Александра *Езерковского,* наместника Буркграбства Луцкого. (Р. 1677.)
58. Панее Александровое *Лепссовицкои.* (Р. 1639.)
59. Пана Николая *Мокренского.* (Р. 1677.)
60. Пана Василія *Юшковского.* (Р. 1677.)
61. Пана Өеодора *Нецевича,* писара кгрод-

ского Володимерского. (Р. 1677.)

62. Пана Лукаша *Выговского* и жены его Өеодоры.

63. Панее *Пискоровское* Матөеевое съ Подгаецъ. (Р. 1649.)

64. Пана Яна *Бушинского* и жоны его Марины. (Р. 1670.)

65. Пана Миколая *Бобовского*. (Р. 1677.)

66. Пана Самоеля *Вышковского*. (Р. 1677.)

67. Пановъ *Балабановъ*. (Р. 1677.)

68. Пана Іякова *Сусла*. (Р. 1678.)

(Доселѣ исчисленные дворянскіе роды вписаны въ помянникѣ въ 1676—78 годахъ Іеромонахомъ Савицкимъ.)

69. Пана Өеодора *Влостовского*. (Р. 1678.)

70. Пана Өомы *Гулянщцкого*, писара кгродского Кіевского. (Р. 1678.)

71. Пана Григорія *Тимовицкого*. (Р. 1678.)

72. Пановъ Павла и Екатерины *Триполскихъ*, хоронжихъ Житомѣрскихъ. (Р. 1724.)

73. Пановъ *Шостаковскихъ*. (Р. 1686.)

74. Пана Александра *Ступницкого*. (Р. 1686.)

75. Пана Александра *Жураховского*. (Р. 1686.)

76. Пана Максиміліана *Верещаки*, реента земскаго Луцкого. (Р. 1686.)

77. Панеи Маріанны *Вышотравчины*. (Р. 1717.)

78. Пана Николая *Колчицкого*, чеснѣка Летичевского. (Р. 1688.)

79. Пана Марка *Скуратовского*. (Р. 1681.)

80. Пана Петра *Скуратовского*, городничого Житомърского. (Р. 1720.)

81. Пана Іоанца *Ленковича Гулянищкого*. (Р. 1720.)

82. Пана Георгія *Полянского*, столника Венднского. (Р. 1720.)

83. Пана Самуеля *Выговского*. (Р. 1718.)

84. Панее Екатерины *Гурскои*, столнѣковой Дрогицкой. (Р. 1740.)

85. Өеодора *Тишинского*. (Р. 1735.)

86. Ясневель. Его М. куръ *Діонисія* на Жабокрикахъ *Жабокрицкого*, Епископа Луцкаго и Острогскаго. (Р. 1698.)

87. Пана Адама *Гулевича* зъ Воютина (Р. 1708.

88. Ясчев. Куръ *Іосифа* зъ Выгова *Выговского*, Ексархи Метрополіи Кіевской, Епископа Луцкаго и Острогскаго. (Р. 1728.)

89. Пана Василія *Коссовича*, писара консист. Епископіи Луцкои (1727.)

90. Пана Григорія *Теодоровича*, писара конс. Епископіи Луцкои (Р. 1730.)

91. Пановъ *Горбовскихъ*, столниковъ Инфлянскихъ. (Р. 1649.)»—

(Сіи дворянскіе роды записываемы были съ 1678 года; но въ помянникѣ переписаны набѣло въ 1748 году, уніатскимъ монахомъ. Изъ числа послѣднихъ здѣсь поименованныхъ Рускихъ фамилій двѣ-три, неболѣе, были уже уніаты. Послѣ 1749 года, въ этомъ шляхетномъ отдѣленіи помянника приписана только фамилія—«Павла *Рабцука*, року 1763.» —хотя помянникъ продолжался еще до Сентября 1787 года.—Послѣ № 61-го приписанъ «родъ Панее Анны *Пузынянки* зъ дому Заленскихъ. Р. 1683.»

Для большаго уразумѣнія сей выписки и самаго помянника можетъ послужить слѣдующая за симъ статья о памятникахъ Луцкаго Братства. Здѣсь замѣтимъ еще, что при этомъ Луцкомъпомянникѣ сохранился заглавный листъ особаго помянника, на которомъ написано киноварью:

«Сѣй поменникъ Ясне пресвѣтлаго, Благочестиваго и Христолюбиваго Государя Его милости: І О Василія Воеводы милостію Божіею Государя и обладателя землѣ Молдовлахійскія: данный до монастыра общежителнаго Братского Луцкого до храму Воздвиженія Честнаго и Животворящаго креста Господня. Року 1643.»

М. МАКСИМОВИЧЪ.

1840 г.

О ПАМЯТНИКАХЪ ЛУЦКАГО КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКАГО БРАТСТВА.

Въ сей книгѣ Кіевлянина, въ статьѣ о Луцкѣ, сказано уже въ какія времена возникло и существовало Луцкое Крестовоздвиженское Братство, почти забытое въ нашихъ бытописаніяхъ.

Первѣйшимъ *ктиторомъ* и собирателемъ его, въ 1617 году, былъ Черньчицкій игуменъ іеромонахъ *Герасимъ Микуличь,* въ схимѣ нареченный *Григоріемъ*. Въ 1618 году, отъ 4 Марта, Братство сіе получило королевскую привилегію на построеніе церкви, школы и больницы; въ 1620 году, новоучрежденный Братскій монастырь получилъ отъ Патріарха Кирилла благословительную грамоту съ правомъ Ставропигіи. Въ томъ же году учреждена была при немъ и школа, [1] и больница; а въ 1631 году начато построеніе большой Крестовоздвиженской церкви. Къ Луцкой братіи, кромѣ духовныхъ особъ, принадлежали очень многія лица изъ княже-

[1]. — Сохранилось подлинное завѣщаніе іеродіакона *Сильвестра*, игумена монастыря Чорненскаго, 1635 г. 9 Августа (по новому календарю) писанное, которымъ онъ учреждевную имъ типографію отдаетъ Луцкому Братству. Было ли что напечатано въ той типографіи, неизвѣстно.

скихъ и дворянскихъ фамилій, многіе Запорожскіе Козаки и другихъ званій люди, стремившіеся къ поддержанію отечественнаго Православія на Волыни. При семъ Братствѣ, по примѣру другихъ, было и *меншее* или *младенческое* Братство, существовавшее подъ *титуломъ* Великомученика Георгія. Оно первоначально состояло изъ мѣщанъ Луцкихъ; но потомъ къ нему причислили себя *Паисій Ипполитовичь* Епископъ Холмскій и Белзскій, *Петръ Могила* Архимандритъ Печерскій, и другія духовныя особы; въ послѣдствіи къ сему Братству причислялись многія *сестры:* Марія Гулевичева, Анна Завадская, Марина Мазепина (около 1666 г.) и другія

Подобно Братству Кіевскому, и Луцкое Братство подвержено было гоненіямъ и разореніямъ [2] отъ враждебныхъ *апостатовъ*. Не смотря на то, оно существовало около ста лѣтъ въ духѣ Православія и конечно съ пользою для

[2].—Одно изъ таковыхъ нападеній на Луцкое Братство учинено 1634 г. 24 Мая. Послѣ обычной въ сей день у католиковъ процессіи церковной, нѣсколько *принципаловъ* и *схоластиковъ* Луцкой Езуитской коллегіи, собравъ шайку до ста человѣкъ, вооруженные напали на Братство, произвели опустошеніе въ церкви, школѣ и больницѣ, нещадно *били* и *мордовали* игумена, монаховъ, учениковъ, калѣчныхъ старцевъ и бабъ—«абы только былъ Русинъ.» Такъ сказано въ протестаціи по сему дѣлу, поданной того года отъ Луцкаго Епископа Аѳанасія и другихъ обывателей, и записанной въ гродскихъ замка Луцкаго книгахъ.

народа Волынскаго. Но въ прошломъ вѣкѣ (кажется въ концѣ втораго десятилѣтія) Братскій Луцкій монастырь занятъ былъ уніатами, которые хотя старались также поддержать и Братство и школу [3] и больницу; но уже не съ такимъ успѣхомъ. Уніатская паства была необильна и неблистательна, и къ концу тогоже прошлаго столѣтія существованіе и монастыря [4] и Братства кончилось; и Крестовоздвиженская церковь оставалась на нѣкоторое время только Базиліанскимъ Соборомъ.

Запустѣлое зданіе сего храма и нынѣ возвышается въ Луцкѣ какъ величавый памятникъ незабвеннаго Братства: оно противостоитъ разрушительному дѣйствію стихій и какъ-бы ждетъ себѣ обновленія, да начнется въ немъ снова хвала Божія!...

Но кромѣ сего предметнаго памятника, сохранилось еще нѣсколько письменныхъ остат-

[3].—Въ концѣ Луцкаго помянника записанъ 1778 года Окт. 30— «родъ Іеромонаха Августина Сланѣвского въ монастирѣ Луцкомъ Брацкомъ філософіи профессора и тогожъ монастира вѣкарого» (т. е. *намѣстника.*)—

[4].—Послѣднія замѣтки въ Луцкомъ помянникѣ о духовныхъ лицахъ состоятъ въ означеніи кончины—*Флоріана Яцковскаго* игумена монастыря Луцкаго 1785 г., и Іеромонаха *Сенезія*—1793 г. Марта 9. Послѣдній *упись* въ помянникѣ сдѣланъ 1787 г. Сент. 18—«сродниковъ рабa Божія *Θеодора Бензи* и жени его Агафіи, зъ веси Радомисля.»

ковъ Луцкаго Братства. Изъ нихъ примѣчательны во-первыхъ двѣ рукописныя книги *сборникъ* и *помянникъ*.

Сборникъ Луцкаго Братства, тщательно переписанный въ 1620 году, въ листъ, заключаетъ въ себѣ патріаршія грамоты, порядокъ и постановленія Братства, правила находившейся при немъ Греколатинословенской школы, и списки церковнаго братскаго имущества, прибавленные въ послѣдствіи.—Нѣкоторыя выписки изъ сего примѣчательнаго сборника предложены выше; но вполнѣ онъ будетъ изданъ вскорѣ однимъ просвѣщеннымъ ревнителемъ благочестивой старины нашей.

Помянникъ Луцкаго Братства, изъ коего заимствована вышепредложенная выписка о дворянскихъ Рускихъ фамиліяхъ на Волыни, написанъ также въ листъ. Вотъ его заглавіе, писанное киноварью.

«Сія книга глаголемая помениикъ церкви Брацкое Луцкое въ року 1618 писати зачатый: а презъ мене многогрѣшнаго Іеромонаха Іеремѣю Савицького законника катедралного Луцкого, с послушанія тутъ на тотъ часъ в року 1677 мешкаючого, слово въ слово рукою моею власною

за отпущеніе грѣховъ переписаный.»

На оборотѣ сего заглавнаго листа Савицкій-Худина нарисовалъ посреднпѣ въ кругѣ крестъ на полумѣсяцѣ; а сверху и снизу сего герба написалъ слѣдующіе стихи:

«Брацтво Луцъкое крестъ Христовъ за гербъ маетъ,
С тымъ живетъ, жити маетъ, и умираетъ.
С крестомъ Христа всѣ маютъ спотъкати души,
Зде вписаніе, кгды Христосъ всѣхъ на судъ руши.
Христе Боже, дай намъ Тебе оглядати
На онъ часъ, и одесную Тебе стати.

Боже, тойжъ страшного суду годины
Не пошли на лѣвицу грѣшного худины;
Але за модлами презъ мене зде вписаныхъ душъ
И всѣхъ святыхъ Твоихъ худину зъ землѣ в небо рушъ.»

Помянникъ распредѣленъ Савицкимъ на три части: въ первой помѣщены роды особъ *стану шляхетнаго,* во второй особъ *стану духовнаго,* въ третьей *стану посполитаго;*—а въ началѣ поминаніи Савицкій приложилъ три указательные *реестра* родовъ, въ помянникѣ вписанныхъ. Неизвѣстный по имени инокъ, соревнуя Савицкому, въ 1748 году тщательнымъ почеркомъ дописалъ какъ въ поминаніяхъ, такъ и

въ реестрахъ продолженіе помянника, оправилъ его въ новый кожаный переплетъ и въ концѣ реестровъ приложилъ слѣдующіе стихи:

«Чителнику побожный и ласкавый,
Хочешъ ли родъ свой знайти безъ забавы:
Реестръ зъ любою виродъ писаный читай,
Грѣшнаго Іеремѣю поминай,
Савѣцкого, законника худину,
Втуюжъ читаня твоего годину.»

Весьма любопытенъ еще Братскій *Каталогъ*— небольшая книжка, въ которую вписывали собственноручно имена свои всѣ принадлежавшіе къ Братству сему, начиная съ перваго *ктитора* его—до *Ивана Ходаковскаго*, написавшаго свое имя въ 1701 году, и *Василія Коссовича*, приписавшагося въ 1715 году. Здѣсь встрѣчаете почтенныя имена—Князей Четвертенскихъ и Пузыновъ, Древинскихъ, Балабановъ, Адама Урсула-Рудецкаго. [*] Здѣсь видите собственно-

[*].—Князья *Четвертенскіе* и *Пузыны* отличались своею набожностью и долѣе другихъ князей Волынскихъ оставались преданными отечественной вѣрѣ. Изъ первой фамиліи извѣстны, какъ святители церковные: *Гедеонъ*, бывшій Луцкимъ Епископомъ, а съ 1685 года Кіевскимъ Митрополитомъ, и *Сильвестръ*, бывшій Могилевскимъ Епископомъ въ первой половинѣ 18 го вѣка; изъ князей Пузыновъ извѣстенъ *Афанасій*, бывшій Луцкимъ Епископомъ въ митрополитство Петра Могилы.—

ручныя подписи Ивана Попѣла, Гулевичей, Зубцевскихъ, Гуляницкихъ, Жабокрицкихъ, Выговскихъ, Головинскихъ, Грабовскихъ, Ярошинскихъ, Трипольскихъ и многихъ другихъ, въ то время еще Православнорускихъ фамилій. Здѣсь Полковникъ Константинъ Волкъ, Сотникъ Антонъ Данилевичь, Семенъ Скороходъ и другіе Запорожскіе Козаки—со *всеусердіемъ* вписывали имена свои и обѣщанія «готовымися быти при Вѣрѣ и Церкви святой Восточной, примножати и розмножати даже до послѣдняго времени.»—Такимъ образомъ эта книжка есть памятникъ Руской старины, примѣчательный для исторіи не только Луцкаго Братства, но и всего народа Волынскаго въ отношеніи цер-

Имя *Гедеона Балабана* Епископа Львовскаго незабвенно, какъ имя великаго защитника отечественной вѣры, при началѣ Уніи. Изъ сей фамиліи къ Луцкому Братству, при началѣ онаго, принадлежалъ *Димитрій*: потомъ *Діонисій*—Епископъ Холмскій, а съ 1657 года Митрополитъ Кіевскій. (въ Братскій каталогъ записался 1657 г. 8 Сент.) —*Александръ*, записавшійся въ 1667 году, и Іеромонахъ *Іоасафъ Балабанъ*, бывшій игуменомъ Братскимъ.

Изъ фамиліи *Древинскихъ* также нѣсколько лицъ принадлежало къ Луцкой братіи; изъ нихъ особенно *Лаврентій* памятенъ своею трогательною и смѣлою рѣчью, въ защиту православныхъ, произнесенною на сеймѣ 1620 года.

Адамъ Урсулъ-Рудецкій достоинъ воспоминанія какъ благочестивый основатель православнаго *Чорненскаго* монастыря, учрежденнаго имъ 1631 года въ деревнѣ Чорной надъ р. Горынью, но теперь уже несуществующаго.

ковномъ: изъ него видно, какъ долго еще не уступала ни насилію ни прельщенію преданность къ отечественой вѣрѣ въ родныхъ сынахъ Волыни. [6]

Спишемъ первый листокъ сего драгоцѣннаго альбома, для воспоминанія о тѣхъ лицахъ, кои первыя записались въ Братство Луцкое. [7]

6.—Вотъ для примѣра нѣсколько подписей изъ конца 17 вѣка. (Около 1670) «Widząc ja swiątliblįwę porządki Czerkwi Bożey w porzątku Czerkwie Bożey Bractwa S. krzyża Podniesienia, za czem y ia będąc synem tey że Czerkwi Wstocznej z Bracia mnie mila za rowno gotowicm dotrzymac, y z możnosci moi co możc byc na też mieyscc S. Bractwa Luckiego. *Stefan Jaraszynsky.*»

«Roku 1693 d. 23 January. Na pamiątką tego że krwią przenaydrozszą Zbawiciela mego na krzyżu za występki moie sawieszonego odkupiony iestem pod znak Cerkwi S. Wschodniey Prawoslawney sub titulo Exaltationis S. Crucis będącey monastera Luc. wpisnięsę w katalog ten *Jan Fedkiewicz* jako syn tey Prawoslawney Wschodniey Cerkwie.»

«Roku 1699. 8 bris d. 5. w ten katalog Bractwa Luckiego Grcko Ruskiego Prawoslawiy S. wpisuiesie obliguiesic do zgonu życia mego calosci tego micsca S. przestregac we wszystkych potrzebach y onego nicodstempowac. *Jan Hulanicki Lienkowicz.*»

7.—Изъ вписавшихся въ чинъ меньшей братіи, первыми были: Игнатій Григорьевичь *Кореницкій*, Андрей и Иванъ *Корниловцы*, Зѣновій и Андрей *Калениковичи*, Павелъ *Слизень*, Севсринъ *Кириловичь*, Григорій *Володковичь*, Андрей *Сезоновичь* или *Созоновичь*, Иванъ Васильевичь *Злоба*, Михайло Ивановичь *Шишка*, Мойсей *Новицкій* кравецъ, и другіе мѣщане Луцкіе.—Кромѣ сихъ, въ помянникѣ записаны имена и другихъ *славетныхъ пановъ* мѣщанъ Луцкихъ, напримѣръ: пановъ *Гулаковъ* 1618 года,—«пана Василія *Шиляя*, ко-

—«Каталогосъ или Реестръ събранныхъ обще именъ Братій еже о Христѣ обрѣтающихся въ градѣ Луцкомъ: и прочаа благородныхъ окрестъ живущихъ сыновъ Восточнаго Православія. Року по седмой тисечи 125. А по рожествѣ Христовѣ 1617.

Въ первыхъ начало сице имать: — отецъ Герасимъ Микуличь Іеромонахъ игуменъ Черньчицкій: еже и ктиторъ святого Братства сего написался: *Еромонахъ Герасимъ наріченный у схимі Григорій Микуличь рука власная.*

Моисей Илковичь Соловицкій священникъ на той часъ Дмітровскій рукою власною.

Отецъ Иоанъ Феодоровичь Вознесенскій Яровицкій власною рукою.

Смъренный Іермонахъ Іеакій Борисовичъ Ігуменъ Черньчицкій рукою власною.

Грѣшный Иоаннъ.... слу*житель храму....*

(на оборотѣ)

Смиренный Ермонахъ Пансій Моствицкій рукою власною.

Смиренный Иоаннъ Горацковичъ священникъ Черницкій рукою власною.

Гавриилъ священникъ Тростенецкій пресвиторъ храма святыя Живоначалныя Троица. Рукою власною.

Feodor Swiatopolk K. Czetwertensky.

торый въ рѣцѣ Стырѣ утонулъ року 1652 подъ часъ повѣтрія» —«Павла *Бѣлецкаго* на тотъ часъ даскала (т. е. *учителя*) Брацкого Луцкого.» —Много записано мѣщанъ изъ другихъ мѣстъ.—

Михайло Гулевичь Воютинскій Подсудокъ Луцкій.

Лаврентій Древинскій Чашникъ Его К. Мсти земли Волынское рука власная.

Александеръ Зубцевскій Мостовничій Луцкій р. в.

Володимеръ *Зубцевскій Городничій Луцкій рука власная.*

Крыштофъ *Еловицкій Подстолій* земли *Волынское* рукою *власною.»*—

Къ сожалѣнію первые листы сего каталога новреждены, а нѣкоторые вовсе утрачены, напримѣръ тотъ гдѣ была подпись Петра Могилы. Но для пополненія каталога сохранилась копія (впрочемъ неполная и неисправная)—въ другой подобной книжкѣ, въ которой 1722 года написанъ новый, уже уніатскій «*реестръ* именъ и особъ свѣцкихъ вписующихся въ Брацтво молодшее.» Сей реестръ продолжался до 1762 года и содержитъ въ себѣ имена большею частію окрестныхъ мѣщанъ.

Кромѣ упомянутыхъ книгъ, отъ Братства Луцкаго уцѣлѣло еще нѣсколько подлинныхъ актовыхъ листовъ и двѣ-три выписи изъ книгъ гродскихъ. Изъ числа первыхъ замѣчательны вышеупомянутая привилегія Жигимонта III-го, двѣ грамоты Петра Могилы и нижеслѣдующій листъ, данный Луцкимъ мѣщанамъ отъ старшей братіи на устроеніе Братства.

—«Мы всѣ нижей подписаные особы, Релѣи Старожитное Греческое Восточного Православіа: обывателе воеводства Волынского, которіе ту часто бываемо и справы свои мѣваемо: где правъ и вольностей нашихъ постерѣгаемо, а мѣсца на то особливого немаючи, где бы набоженство свое ведлугъ старожйтности продковъ нашихъ отправовано было. С тыхъ мѣръ погледаючи на иншіе мѣста где Брацтва фундаціи и порядки свои мають: тымъ трибомъ и мы идучи, за благословеніемъ Патріаршимъ и за привилеемъ Короля Его милости, напродъ заложивши Брацтво милосердіа, которое за собою всѣ добріе учинки тягнетъ: абы хвала Божаа въ церкви *его* отправована была; абы *тежъ священники и клерики* и шпиталное убозство слушное выхованье мѣти могли старатися хочемо. Тое есть упатривши собѣ на то мѣсце особливое, где бы церковъ и школу и шпиталь ведлугъ преможеня нашого побудовати, фундовати и всякою оздобою опатровати. А ижъ сами в томъ мѣсте обецне немешкаючи и про одлеглость не часто бываючи: полецаемо той дозоръ и працу вкладаемо на меншихъ пановъ братій нашихъ пановъ мещанъ Луцкихъ: абы они яко до того належные на мѣсци нашомъ працу и всякій дозоръ подыймовали, и ряду всякого постерегали, и нами ся яко старшими отзывали. А мы тежъ при тихъ яко старшие молодшихъ повинни вспомогати заступати и боронити на каждомъ мѣсцу и в каждой справе. На що и руки

нашъ подписуемо и печати свои прикладаемо.

Дѣялось в замку Луцкомъ мѣсяца Септемвріа 1 дня. Року по Нароженю Іисуса Христа Сына Божіа 1619.»—

(Къ сему листу, кромѣ печати Братской, приложено 38 печатей, въ три ряда, и 46 собственноручныхъ подписей.)

«*Demetri Balaban.—Jerzy z Baraza Woroniecky.—Alexander Zubcewsky Mostowniczy Lucky.—Іезекиелъ Курцевичь Архимандритъ Терехътимировскій.—Смѣренный Іеромонахъ Ісакій.—Григорій Ушакъ Куликовскій Подсудокъ Кремянецкій.—Константинъ Хорошко.—Крыштофъ Еловицкій Подстолій земли Волынское.—Filon Elowicky.—Jan Markowsky.—Иванъ Выговскій.—*

Alexander Puzyna.—Jerzy Puzyna.—Lawrenty Drewynsky Czesznik Wolynsky.—Abram Grabowiecky.—Михайло Гулевичь Воютинскій Подсудокъ Луцкій.—Krszysztof Kolczycky Skarbnyk Woyewodztwa Czarnychowskiego.—Jury Kulczycky.—Павелъ Вышборскій.—Павелъ Друцкій Любецкій Судя Гродскій Луцкій.—Томашъ Гуляницкій.—Иванъ Исайковскій.—Jacko Huliewicz Wojutynsky.—Jan Bankowsky.—Миколай Нападовскій.—Alexander Niemierycz z woie. Kijowskiego.—Алексагдеръ Волковскій.—

Семенъ Гулевичь Воютиньскій.—Jwan Hulewicz.—Ѳедоръ Гулевичь Воютинскій.—Jan Wolkowsky Podczesznik.—Григорій Черникъ Коморникъ.—Roman Hulewycz.—Piotr Hulyewycz.—Григорій Баковецкій.—Михало Мышка Холоневскій.—

Hrehory Zabokrzycky.—Adam Swisczowsky.—Piotr Suryn....—Михаилъ Судимонтовичь Кропивницкій Подсудокъ.—(Неразобранная подпись.)—*Pawel Szolgien.—Богданъ Братковскій.—Andrzey Sawatsky.—Grzegorz Siennicki.—Ѳеодоръ Кузьмичь.*»—

Такъ старожитные обыватели Волыни были преданы отечественной вѣрѣ.

Но говоря о разныхъ сословіяхъ Волынскаго народа, въ этомъ отношеніи, нельзя умолчать и о низшемъ сословіи, которое на сей разъ можно назвать *крестьянскимъ* въ первоначальномъ смыслѣ этого слова. Въ то время, какъ православныя церкви въ разныхъ Волынскихъ деревняхъ обращаемы были въ уніатскія, изъ нихъ—для сходства съ католическими костелами—выламывали иконостасы. Поселяне, хотя уже были зачислены въ уніатовъ и молились въ преобразованныхъ церквахъ, но сбирали выброшенные изъ нихъ иконостасы и другія утвари, и тщательно хранили ихъ цѣлые десятки лѣтъ, какъ святую старину свою. Теперь, когда всѣ уніаты въ нашемъ отечествѣ возвратились къ Православію, въ семи Волынскихъ деревняхъ старыя церкви обновились—своими прежними царскими вратами и утварями, сбереженными въ простонародьи.—

1841 г. 1 Марта. М. МАКСИМОВИЧЬ.

СТИХОТВОРНЫЙ ПАМЯТНИКЪ
ЛАВРСКОЙ МОГИЛИНСКОЙ ШКОЛЫ.

(Такъ можетъ быть названа небольшая книжка, подъ именемъ *Евхаристиріонъ,* напечатанная въ Кіевопечерской Лаврѣ 1632 года, и кажется вовсе позабытая даже библіографіей. Подробно объ ней скажемъ въ послѣдствіи; а на сей разъ предлагаемъ только полное заглавіе этой любопытной въ разныхъ отношеніяхъ библіографической рѣдкости.)

ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ

албо

вдячность

Ясне Превелебнѣйшому въ Христѣ Его Милости Господину Отцу Куръ Петру Могилѣ, Воеводичу Земль Молдавскихъ, Великому Архимандрітови Святои Великои Лавры Чудотворнои Печерскои Кіевскои, Вѣры Православнои въ Церкви Святоіі Въсточной: Промоторови побожному и несмертелнои славы годному оборонци. Одъ Спудеовъ Гумназіумъ Его Милости зъ школы Реторіки за гойныи добродѣйства собѣ и Церкви Православной, въ фундованю Школъ показаныи. При вѣншованю святъ хвалебныхъ Въскресенія Христа Спасителя міру, повинне а оупрейме отданая. Въ Друкарни тогожъ Монастира Печерс: К: Року 1632. Мѣсяца Марта 29 дня.—(*Въ мал. 4. стр. 36*)

ЗВѢЗДА.

Когда по волѣ исполина
Текла несмѣтная дружина,
Звѣзда побѣдъ ее вела,
И мнилось царствамъ въ поруганье,
Сосредоточила сіянье
Вокругъ избраннаго чела:

Питомцы мира и покоя,
Народы робкіе безъ боя,
Безмолвно покланялись ей.
Она-жь въ своемъ полетѣ скоромъ,
Блестящимъ, дивнымъ метеоромъ,
Неслась чѣмъ далѣ, тѣмъ быстрѣй!...

И вотъ—явленіемъ нежданнымъ,
Подъ небомъ сѣвера туманнымъ,
Внезапно вспыхнула она;
Мгновенно очи ослѣпила,
И страшнымъ блескомъ пробудила
Холодный сѣверъ ото сна.

Крѣпка любовью и молитвой,
На смерть рѣшительною битвой,
Воздвиглась Руская земля!
И участь грознаго рѣшилась—
Звѣзда побѣдная затмилась
Въ кровавомъ заревѣ Кремля!

И чтожь? Пріемля даръ свободы,
Еще со страхомъ ждутъ народы,
Откуда вновь она блеснетъ:
Не съ береговъ ли шумныхъ Сены?
Иль на гранитъ Святой Елены
Опять къ любимцу низойдетъ?...

Не тамъ!... Любви народной сила
Ея полетъ остановила,
И на сѣдинѣ вѣковой,
Она съ Кремля блеснула взорамъ,
Но не мгновеннымъ метеоромъ,
А неподвижною звѣздой!

А. ПОДОЛИНСКІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ КІЕВЛЯНИНА.

Стран.

1. Кіевъ.—Стихотвореніе *А. Хомякова.* 1.
2. Выдубицкій монастырь.—*М. Максимовича.* 5.
3. О монастырѣ Гнилецкомъ.—*М. М.* . . . 27.
4. Письмо Князя Острожскаго. . . . . . . 48.
5. Луцкъ.—*В. Домбровскаго.* . . . . 49.
6. Добрый панъ.—Разсказъ *Г. Основьяненка.* . . . . 68.
7. Топографическія замѣтки Кіевлянина. *М. М.* . . . . 102.
8. О стихотвореніяхъ Червонорускихъ.— *М. М.* . . . . 119.
9. О правописаніи Малороссійскаго языка. Письмо къ Основьяненку *М. М.* . . . 153.
10. Огненный змѣй.—Повѣсть *П. Кулиша.* 181.
11. Волынь до XI вѣка.—*М. М.* . . . . . . 289.
12. Два письма Князя Острожскаго. . . . . 298.
13. Родословныя записки Кіевлянина. *М. М.* 302.
14. Памятники Луцкаго Крестовоздвиженскаго Братства.—*М. М.* . . . . 311.
15. Стихотворный памятникъ Лаврской Могилинской школы. . . . . 324.
16. Звѣзда.—Стихотвореніе *А. Подолинскаго.* 325.

Къ сей книгѣ Кіевлянина принадлежитъ виньетка съ изображеніемъ зданія Университета св. Владиміра.

ПОГРѢШНОСТИ и ПОПРАВКИ.

Во второй книгѣ Кіевлянина.

Стран.	*Строк.*		*Напечатано:*	*Читай:*
44.	5	*снизу*—	Взнаймуемъ	Označаймуемъ
45.	3	*снизу*—	Взнаймуемъ	Ознаймуемъ
48.	4	*снизу*—	Острожское	Острозское
—	3	*снизу*—	Володимри-	Володимир-
99.	10	*снизу*—	а принялся	я принялся
102.	11	*снизу*—	карпичь	кирпичь
112.	10	*снизу*—	мѣсяча	мѣсяца
134.	9	*снизу*—	переводе	переведе
142.	4	*сверху*—	Пештансокго	Пештанского
143.	5	*снизу*—	ратиця	ратиця
252.	7	*снизу*—	прогулокъ	проулокъ
258.	4	*снизу*—	минаютъ	минуютъ
289.	10	*сверху*—	въ взаимномъ	во взаимномъ
306.	1	*сверху*—	Кукоского	Куколского

Въ первой книгѣ Кіевлянина.

45.	11	*снизу*—	вратъ Ярославовыхъ;	вратъ Ярославовыхъ, въ концѣ 1750 года;
116.	16	*снизу*—	былъ убитъ подъ Хотиномъ.	умеръ въ замкѣ Хотинскомъ 1621 года 24 Сентября.

